

Кевин Сайтс
Синдром войны. О чем не говорят солдаты

«Синдром войны: О чем не говорят солдаты / Кевин Сайтс»: Альпина нон-фикшн; Москва; 2013
ISBN 978-5-9614-3135-3

Аннотация

Столкновение со смертью, даже случайное, а тем более сознание собственного участия в убийстве – то, о чем не принято говорить. Но говорить об этом надо, считает известный военный журналист Кевин Сайтс. Это единственный способ, пережив войну, начать мирную жизнь без кошмарных снов, наркотиков, беспробудного пьянства – всего того, что автор, побывавший более чем в 20 горячих точках, пережил сам. Сайтс задает мучительные, неудобные вопросы солдатам и морякам, с которыми познакомился в ходе войн в Афганистане, Ираке и других местах и которые согласились поделиться с ним самым сокровенным. Каково это – убивать? Что ты чувствуешь, когда в тебя стреляют? Почему ты уверен в своей правоте? Можно ли это забыть и как жить, постоянно помня об этом?

Кевин Сайтс Синдром войны. О чем не говорят солдаты

Переводчик Анна Шураева

Редактор Роза Пискотина

Руководитель проекта И. Серёгина

Корректоры М. Белякова, М. Миловидова

Компьютерная верстка А. Фоминов

Дизайнер обложки О. Сидоренко

Фото на обложке AP Images

© Kevin Sites, 2013

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2013

Издано по лицензии HarperCollins Publishers

* * *

Посвящается моей жене Аните и остальным членам нашей пятерки: Тине, Ками и Вей. Спасибо, что подарили мне возможность почувствовать себя нужным.

От автора

Звания, наименования подразделений и операций, упомянутые в книге, соответствовали действительности на момент описываемых событий. Некоторые из моих героев дослужились до более высоких званий и принимали участие в других боевых действиях. Об этом будет упомянуто в конце каждой главы.

Письма, сообщения в социальных сетях и СМС-сообщения приводятся без каких-либо изменений, если не указано иное.

Автопортрет. Озеро Эри, 2010 г.

В бою невнимание к деталям может привести к смерти людей.

Карл Марлантес.

Каково это – идти на войну?

Предисловие Убийца во мне

Я ЖУРНАЛИСТ, а не солдат, но однажды убил человека на войне. И вот как это произошло: я смотрел в глаза моей жертвы, умолявшей о пощаде. Он лежал передо мной в разорванной рубашке и белом белье, в собственной запекшейся крови. Я пожал плечами, повернулся и ушел. Мое безразличие стало такой же причиной его смерти, как патроны 5,56×45 мм НАТО¹, изрешетившие его спину, когда он пытался спастись, уползти в те самые несколько минут или, может быть, часов после того, как я ушел, оставив его в мечети на юге Эль-Фаллуджи. Я убил его, не имея в руках оружия и не видя его смерти. Что убил его, я узнал лишь три года спустя. Только тогда, читая заметно отредактированный отчет Службы криминальных расследований ВМС об этом инциденте, я узнал, что сделал. В тот момент система моих убеждений развалилась, как шаткая пирамида из поставленных друг на друга

¹ Патрон, разработанный в США первоначально для винтовки М-16, но использующийся и для автомата М-4. Те и другие выпускали для пехоты и Морской пехоты США во время военных действий в Ираке и Афганистане. Повстанцы же в Ираке, как и талибы в Афганистане, в основном были вооружены АК-47 с патронами 7,62×39 мм.

картонных коробок, и передо мной, наконец, открылось другое лицо войны. До тех пор я был удачлив в погоне за своим наркотиком – войной и практически не испытывал негативных последствий своей зависимости. Но больше так продолжаться не могло.

Как многие журналисты, в молодости я любил заигрывать с опасностью. В 1986 году, в возрасте 23 лет, будучи восторженным и неопытным внештатным репортером и фотографом одной альтернативной газеты, я отправился в Никарагуа освещать необъявленную войну США против левого правительства сандинистов. У меня было 150 долларов в кармане, десять катушек пленки в пластиковом пакете и обрывки испанского в голове. Я мечтал поскорее превратиться в бывалого иностранного корреспондента, надеялся оказаться в перестрелках, может быть, получить легкое ранение, но, конечно, совершенно ничего не понимал. Все мое обучение тому, как следует вести себя в зоне боевых действий, сводилось к троекратному просмотру «Сальвадора» Оливера Стоуна. Оказавшись в Никарагуа, я тут же направился в бар La Cita при отеле Intercontinental в Манагуа и потратил все свои наличные на местное пиво Victoria, чтобы угостить моих новых друзей из постояльцев отеля. Рассчитывал, что, если мы выпьем достаточно много, я смогу уговорить их пустить меня переночевать на полу в их номере. Освоившись в городе, я арендовал (к счастью, кредитка у меня осталась) старую потрепанную Toyota Sentra и отправился к северу от Манагуа, на линию фронта. Со мной поехал Хэл, профессор Канадской военной академии, который любезно согласился быть моим переводчиком, сообразив, вероятно, что одному мне вряд ли удастся выжить.

Помню, как в канун Рождества мы тряслись по разбитым горным дорогам, когда двое солдат из армии сандинистов, бредущие по обочине, попросили подвезти их. С полей их зеленых форменных шляп, похожих на ковбойские, капала вода. Они влезли на заставленное вещами заднее сидение, и я стал разглядывать магазины их автоматов Калашникова, изогнутые и наминавшие бананы. От солдат пахло дымом костра, у которого они пытались согреться в этот холодный и дождливый вечер. «С Рождеством!», – поприветствовали мы друг друга, я переключился на первую скорость, и мы отправились вперед, в туманную мглу. В тот момент мне показалось, что я вышел за пределы той реальности, в которой все еще жил с самого детства в провинциальном городке штата Огайо. Я почувствовал себя частью другого пространства – здесь царили возбуждение и опасность и все зависело от мужчин с автоматами в руках. В тот раз мне не удалось стать свидетелем боевых действий, очевидны были только их последствия: жители деревень хоронили погибших после боя. Но именно тогда я впервые испытал чувство, которое позже превратит для меня войну в своего рода героин. Я хотел почувствовать себя навсегда свободным от банальностей нормальной жизни. Это состояние прекрасно воспроизводит Кэтрин Бигелоу в фильме «Повелитель бури» (Hurt Locker): сапера, первого сержанта Уильяма Джеймса больше беспокоит вид заставленных бакалейных полок в магазине, чем заложенная у дороги мина, собранная из артиллерийских снарядов калибра 155 мм в Ираке.

Следующую свою военную «дозу» я получил десять лет спустя, работая продюсером на NBC News. В этот раз высшей точки я достиг легко и буквально – когда сидел, свесив ноги в открытую дверь, на борту вертолета Seahawk, замершего над эсминцем ВМС США в Персидском заливе (по окончании войны США и союзники создали свободную от полетов зону в Ираке). Я думал: «Кому же это так чертовски везет, что его возят от линкоров к авианосцам и обратно, да еще и платят за это?»

Еще несколько лет спустя я наблюдал в столице Сербии Белграде за началом войны в Косово, снимая на видео запуск с палубы крейсера ВМС США Philippine Sea управляемых ракет Tomahawk стоимостью в миллион долларов. Все убийства, «очевидцем» которых я стал

до и во время событий в Косово, на самом деле происходили далеко от меня. Я смотрел, как запускают ракеты, но никогда не видел непосредственного результата их действия. Все изменилось во время военных действий в Афганистане и Ираке.

Убийство переворачивает все с ног на голову. Стать свидетелем убийства людей, особенно знакомых, – такое нельзя стереть из памяти. А совершить убийство или быть в нем замешанным – значит обречь себя на пожизненные попытки разобраться в себе, задаваясь одним и тем же вопросом: «Я на стороне добра или зла?» и медленно сходя с ума от двусмысленного ответа на этот коварный вопрос: «Конечно, да».

Когда кто-то убивает на войне, происходит смена психологических установок. Человеку необходимо найти в своих действиях смысл. Поскольку убийство абсолютно противоречит нашей человеческой сущности, нужно обязательно найти оправдание, иначе наш мозг выберет заданную по умолчанию программу – осуждение убийцы².

Так, в фильме «Цельнометаллическая оболочка» (Full Metal Jacket), снятом в 1987 году Стенли Кубриком и рассказывающем о войне во Вьетнаме, Шутник пытается объяснить разъяренному полковнику, почему он носит на бронежилете символ мира, хотя на каске у него написано: «Рожденный убивать».

Шутник : Я думаю, мне хотелось намекнуть как-то на двойственность человеческой природы.

Полковник : На что?

Шутник : На двойственность человеческой природы. Это из Юнга, сэр.

В своей книге «Каково это – идти на войну?» бывший офицер пехоты США, участник войны во Вьетнаме и студент Оксфорда, получивший стипендию Родса, Карл Марлантес размышляет о своем опыте. Ему приходилось убивать и видеть смерть людей во время службы во Вьетнаме в период десятилетней кампании США в этой стране. За годы, прошедшие после его службы, он понял, что со смертью надо обязательно примириться. Однако это слишком сложно в век современных войн, когда смерть становится абстракцией для тех, кто ее творит.

«Сегодня случается, что солдат во время патрулирования территории убивает кого-то или гибнет кто-то из его друзей, но в тот же вечер он звонит своей девушке, и они могут болтать о чем угодно, кроме того, что произошло только что. Но если само общество всеми силами стремится закамуфлировать это и из лучших побуждений сознательно предоставляет “все удобства, как дома”, современные средства транспортировки и связи, разве обычный восемнадцатилетний парень может во всем этом не запутаться?»

Марлантес считает, что горе и траур по тем, кого убил, по друзьям и товарищам, которых потерял, запускает механизм трансформации, которая позволяет солдату обрести мир после битвы. Отсутствие такого переживания, когда оно заглушается алкоголем, наркотиками, беспорядочными половыми связями, приводит к тому, что солдат застревает в болоте своего прошлого, продолжает жить с сознанием своих «грехов», постоянно осуждая себя, без надежды на спасение. Учитывая, что более двух миллионов американцев участвовали, по крайней мере, в

² В книге «Воины: размышления о мужчинах в бою» Гленн Грей пишет: «Главная цель государства при создании образа врага во время войны – это как можно более четко разделить понятия “уничтожение врага” и “убийство”, чтобы первое воспринималось как достойное и заслуживающее похвалы действие». Грей добровольно поступил на военную службу рядовым в 1941 году, в тот же день, когда получил степень доктора философии в Колумбийском университете.

одном из двух десятилетних конфликтов в Ираке и Афганистане, отказ общества от решения этой проблемы может обернуться катастрофическими последствиями для социальной и экономической жизни США, в том числе распространением наркомании и алкоголизма, бытового насилия и преступности, а также баснословной стоимостью медицинской и психологической помощи, необходимой ветеранам этих войн после их возвращения домой и до самой старости.

«На кону психика не просто каждого молодого солдата, а всей нашей цивилизации», – считает Марлантес. Вот что он пишет:

«Попробуйте как-нибудь на заправочной станции спросить у двадцатилетнего участника боевых действий, что он чувствовал, когда ему приходилось убивать. Скорее всего, он разозлится и, если решит быть с вами откровенным, ответит: “Ни черта я не чувствовал!”. Задайте ему тот же вопрос, когда ему будет лет шестьдесят, и, если он еще будет не слишком пьян, может быть, вы услышите совсем другой ответ – но далеко не всегда. Ведь некому было помочь ему разобраться в своих чувствах за все эти долгие сорок лет, что прошли после его возвращения домой. Очень важно, чтобы кто-то оказал помощь молодым людям, вернувшимся с поля брани, прежде чем они подсядут на алкоголь, наркотики или совершат самоубийство. Нельзя рассчитывать, что обычные восемнадцатилетние парни могут убить кого-то и нормально принять это. Человеку надо пережить естественное горе из-за того, что он отнял чью-то жизнь. Это тоже одна из бед, приносимых войной. Наркотики, алкоголь и самоубийство – все это попытки избежать чувства вины, вызванные страхом испытать боль и горе. Хотя само по себе горе – это здоровая реакция».

Но ведь скорбь по самой своей природе связана с воспоминаниями; она требует еще раз пережить тяжелые моменты прошлого и принять чудовищную правду о том, что пришлось видеть, делать (или не удалось сделать) во время военных действий. И отрицание не помогает справиться с ситуацией – ни солдату, ни обществу.

Психолог, специалист по проблемам ветеранов военных действий, доктор Эдвард Тик пишет в своей книге «Война и душа: лечение наших ветеранов от посттравматического синдрома» (War and Soul: Healing our nation's veterans from post-traumatic stress), что отрицание не защищает нас, а, наоборот, запутывает наши представления о человеческой природе добра и зла, заставляя нас ошибочно причислять себя либо к тому, либо к другому, не допуская мысли о том, что они могут уживаться в одной душе.

«Что мы отрицаем, когда творим войну? Мы отрицаем многогранность собственной природы, – пишет Тик, – в том числе такие наши качества, как жадность, способность намеренно причинять зло, вместо этого упорно стремясь сохранить веру в собственную непогрешимость и доброту».

Чтобы подтвердить сказанное, вспомним заголовки новостей с полей сражений. Когда мы узнаем, что «команда смерти» американских солдат устраивает засады и убивает мирных афганцев просто ради удовольствия или что морские пехотинцы США снимают на видео, как они мочатся на трупы талибов, а затем размещают это на YouTube, или что десантники позируют на жутких фотографиях с выставленными напоказ телами смертников, разорванных бомбами, или что на юге Афганистана старший сержант пехоты среди ночи оставляет пост, чтобы убить 16 мирных граждан, в том числе девятерых детей, – какова наша первая реакция? «Не может быть, чтобы это были наши. Мы же хорошие парни». И, как считает Тик и ряд других специалистов, следующий шаг на пути к индивидуальному и коллективному самосохранению – постараться забыть все неприятные случаи. Адвокат военнослужащего,

обвиненного в массовом убийстве мирных афганцев, утверждает, что старший сержант Роберт Бейлс сам не помнит, как совершал свою «вылазку».

Можно предположить, что понять зловещую тайну войны и пережить ее последствия легче, если смыть кровь и грязь и предоставить ее анализ беспристрастной логике открытых и любознательных умов.

И вот что необходимо выяснить:

Каково это – убивать? Каково это – быть раненым или умереть? Каково это – видеть, как других ранят или убивают в бою? И, наконец, что нужно делать, чтобы с полей сражений суметь вернуться в мирное общество нормальными людьми?

Хотя, как я уже говорил, я не военный, большую часть последних десяти лет я провел в зонах боевых действий, а остальное время пытался осмыслить свой опыт. Мне случалось спасать раненых и оставлять других умирать. Но чаще всего приходилось наблюдать, быть очевидцем. Я был свидетелем того, как убивали людей самых разных возрастов – от почти младенцев до восьмидесятилетних стариков. Я видел, как убивали издалека, сбрасывая бомбы. Видел, как убивали на расстоянии вытянутой руки, когда один человек казнил другого. И то, что я увидел – когда снимал происходящее на пленку и когда рассматривал снятое потом, – изменило меня навсегда. Это и теперь накладывает определенный отпечаток на мой характер и наполняет сознанием собственной значимости, даже самодовольством. Но это же медленно убивает меня в те моменты, когда я полностью осознаю свою причастность.

Работая над книгой, я стремился найти ответы на поставленные выше вопросы. Но это оказалось крайне сложной, а подчас и непосильной задачей. Я хотел связаться с солдатами, с которыми познакомился в горячих точках, откуда вел свои репортажи, и расспросить их о том, что произошло с ними с момента нашей первой встречи. Может быть, после возвращения они столкнулись с теми же проблемами, что и я, и война точно так же покалечила их жизни. Я надеялся, что они помогут мне, научат чему-то новому. Мне и самому было чем поделиться с ними. Работая над своей первой книгой «В горячей зоне: один человек, один год, двадцать войн» и участвуя в различных встречах и презентациях по этому поводу, я понял, что, рассказывая о своем военном опыте и ошибках, смог принять их и примириться с ними. Уверен: если бы солдаты поделились со мной своими историями, это помогло бы и им. Как выяснилось, этой точки зрения придерживаются многие специалисты. Они считают, что главное – найти способ разговорить людей, освободить их от оков молчания, помочь им рассказать то, о чем они не в состоянии говорить.

«Лечение посттравматического синдрома во многом заключается в том, чтобы солдат вспомнил и рассказал о случившемся с ним», – пишет Марлантес в книге «Каково это – идти на войну?». Когда военный начинает говорить, тяжесть его ноши уменьшается.

«Кроме того, рассказы о личном опыте объединяют общество. Так создается или воссоздается коллективная история, а ее участники и слушатели превращаются в свидетелей произошедшего», – утверждает Тик в книге «Война и душа». И продолжает: «Устные признания ветеранов призваны переложить тяжесть пережитого с человека на общество».

Джонатан Шей, бывший психиатр Управления по делам ветеранов, предупреждает в своей книге «Ахиллес во Вьетнаме» (Achilles in Vietnam) о том, какую опасность и для военных, и для общества таят эти нерассказанные истории. «Мы никогда не проникнемся переживаниями солдата, если не попытаемся понять, как война сначала создает, а потом уничтожает человеческую привязанность, – пишет он. – Неразделенное горе может навсегда, на всю оставшуюся жизнь искалечить человека: он так и будет либо испытывать ярость, либо жить в эмоциональном оцепенении».

Я боялся, что ветераны не захотят со мной разговаривать. Ведь я журналист, а военные не

слишком-то высокого мнения о журналистах и убеждены, что доверять нам можно еще меньше, чем юристам. Вдобавок именно я стал виновником скандала, разразившегося после второй операции американских войск в Эль-Фаллудже в 2004 году. Ведь это я снял, как капрал Морской пехоты США без суда казнит в мечети раненого невооруженного повстанца (об этом позже). И мои вопросы действительно были встречены гробовым молчанием.

Даже с теми солдатами, которых я знал лично и с которыми мне удалось подружиться, построить диалог оказалось непросто. Говорить откровенно больше всего им мешал страх. Страх вновь вспомнить о тех событиях, страх осуждения, страх угрызений совести и, как считает психолог Тик, страх увидеть самого себя сквозь призму утраченной невинности.

Часто те солдаты, с которыми я пытался связаться, отвечали на одно-два моих письма, а потом пропадали. Иногда наш диалог продолжался довольно долго, но потом все-таки обрывался. Они либо начинали сомневаться в моих намерениях, либо не выдерживали той боли, которую разговоры со мной делали еще невыносимее, вместо того чтобы смягчить ее.

Был, например, такой случай. Я два месяца общался с бывшим военнослужащим, назовем его Нейтом. Нейт был изуродован шрамами от осколков разорвавшейся мины. Он открыто и откровенно рассказывал мне о пережитом во время службы в Ираке. Но потом один консерватор-бизнесмен, спонсировавший программу помощи раненым ветеранам, намекнул Нейту, что журналист вроде меня – не лучший исповедник. На самом деле, конечно, проблема заключалась в другом. Нейт пробыл в Ираке совсем недолго до того момента, когда его машина подорвалась на mine. Этот инцидент стал практически единственным фактом его непосредственного участия в боевых действиях. Нейт плохо помнит сам взрыв, а период после ранения практически полностью стерся из его памяти. Дело в том, что он получил настолько серьезные ожоги, что долгое время провел либо в искусственной коме, либо под действием сильных лекарств. В результате его не мучили ни кошмары, ни другие проявления посттравматического синдрома. Однако, когда я в последний раз позвонил ему и попытался убедить его чуть больше рассказать мне о пережитом, чтобы я мог опубликовать его историю, он объяснил, что из-за бесед со мной начинает испытывать неизвестное ему прежде чувство тревоги. Ему часто стало сниться, что рука его горит и он никак не может ее потушить, хотя раньше ничего такого не было. Тогда я понял, как мало на самом деле знаю. Мне удалось справиться с проявлениями посттравматического синдрома, рассказав о своем опыте. Но вдруг есть определенные противопоказания и для «лечения разговором»? Возможно, некоторых людей воспоминания о травмирующем инциденте начинают преследовать постоянно, если они слишком долго размышляют о пережитом, как это произошло с Нейтом. Этот случай заставил меня еще раз усомниться в том, что моя работа может принести какую-то пользу.

Был и еще один случай, едва не подорвавший мою уверенность в целесообразности и важности этой книги. Летом 2006 года я был прикомандирован к подразделению на одном из аванпостов в южной части Афганистана – там было сухо, грязно и пустынно. Журналист, прикрепленный к пехотному взводу (30–40 военнослужащих), может вызвать у солдат две реакции. Его либо всеми силами избегают, считая – иногда оправданно – ничуть не менее опасным, чем какая-нибудь мина-ловушка на поле боя. Либо, наоборот, ищут с ним общения: чтобы попросить спутниковый телефон или стрельнуть пару сигарет, или просто поговорить с кем-нибудь «со стороны». Один из военных, назовем его Генри, был как раз из таких. Часто душными ночами мы с ним сидели на мешках с песком, курили и разговаривали. В подростковом возрасте Генри, белый парень, попал в уличную афроамериканскую банду и сейчас в подробностях рассказывал мне свою захватывающую историю. В 12 лет он продавал наркотики, а в 14 напал с ножом на другого члена банды и оказался в тюрьме. Ничем хорошим бы это не закончилось, но судья пожалел Генри и предложил ему выбор: тюрьма или армия.

Раздумывать было не о чем. В армии он нашел применение своей неумной энергии и любви к опасным приключениям. Он рассказал мне, как в лагере для новобранцев его приучал к дисциплине инструктор, который раньше тоже был в уличной банде. Он сумел разглядеть потенциал в бунтаре Генри. Генри нравилась новая жизнь, у него появились новые друзья. Но потом его отправили в Ирак, где его лучший друг, совсем еще молодой парень Морено подорвался на mine. Генри обвинял в его смерти себя: он был наводчиком орудия и должен был вовремя заметить самодельное взрывное устройство. Генри рассказал мне, что гибель Морено стала для него настоящим потрясением. Он решил отомстить. Как-то вскоре после этого в их автоколонну попытался бросить гранату десятилетний мальчик, и Генри расстрелял его из пулемета. Но этого ему показалось мало: он направил пулемет в толпу людей, стоявших на обочине дороги. Когда спусковой крючок был отпущен, еще девять человек остались лежать на земле, убитые или в агонии. «Большинство из них, – спокойно рассказывал мне Генри, – вообще никакого отношения к нападению не имели. Ну и что, черт возьми? Это же война!» И он пожимал плечами.

Мы, журналисты, любим такие истории: человек выбирает неверный путь, исправляется, потом ошибается снова. Чем это все закончится? Вдруг армия окажется для Генри тяжелее, чем срок в тюрьме? Вернувшись домой, я взял интервью у его матери и девушки. И тогда у меня появились кое-какие сомнения. Часть его историй оказалась правдой, например, его членство в банде и эпизод с ножом. Но многое он преувеличил или приукрасил, а кое-что и откровенно выдумал. Генри утверждал, что оказался в тюрьме вместе с закоренелыми преступниками, но в том штате, где он тогда жил, закон обязывает содержать несовершеннолетних отдельно, независимо от того, в каком преступлении они обвиняются. А потом стали выясняться и более серьезные несовпадения. Больше всего смущало то, что мне никак не удавалось найти никаких записей о смерти его друга Морено. Я отправил Генри письмо с вопросом, не перепутал ли он название места или дату. Никакого ответа. Я просмотрел все списки погибших, но о солдате с таким именем не нашел ничего, абсолютно ничего. Выяснилось, что он существовал только в воображении Генри. Несколько месяцев я пытался добиться от него ответа на мое письмо. Получив его наконец, я спросил, почему он не рассказал мне правду, вместо того чтобы тратить мое время на такую запутанную выдумку. Он объяснил, что боялся моего гнева. Этот ответ Генри показался мне важнее всей выдуманной им истории. Генри так нуждался во внимании и одобрении со стороны кого-нибудь, кто обладал бы в его глазах авторитетом, что ради этого готов был лгать. Этот анекдотический случай показателен с точки зрения долгосрочных последствий, к которым надо быть готовыми, отправляя на войну восемнадцати-девятнадцатилетних парней и заставляя их делать нашу грязную работу. Рядовые солдаты вроде Генри – зачастую всего лишь дети, которым приходится сталкиваться с убийством и смертью еще до того, как окончательно сформируются их представления о добре и зле. Ну а мне этот инцидент еще раз напомнил о том, что, если какой-то рассказ о войне кажется слишком сенсационным, скорее всего, он правдив.

Собрать материал для этой книги оказалось далеко не просто. Долгое время я сомневался, нужна ли она вообще, но потом все же решил, что не только военные, но и общество в целом выиграет, если эти истории будут рассказаны. Я принял это решение, проанализировав собственный опыт, прочитав значительное число научных работ и множество историй о солдатах, вернувшихся с войны. Вывод напрашивался такой: если чувство вины, стыд, боль или что-то еще мешает солдату поделиться со своими родными и близкими самым важным, что произошло с ним во время войны, он начинает чувствовать себя чужим в обществе, ради которого сражался. Последствия этого отчуждения могут быть самыми серьезными. Алкоголь, наркотики и другие подобные способы справиться с посттравматическим синдромом еще

больше отдаляют от него окружающих, работу, семью, друзей, превращают его в маргинала. Кроме того, если непосредственные участники боевых действий не начнут рассказывать правду о своем опыте, без прикрас и надуманной романтики, то общество навсегда так и останется в неведении о том, что такое настоящая война, каковы ее издержки и последствия.

Общество, «защищенное» от реальности войны, может переписать историю, представив войну не такой уж опасной и ужасающей, подчеркивая героизм и победы, но умалчивая о страшных, отвратительных поступках, которые совершаются гораздо чаще, чем принято думать.

В то же время солдат, рассказывающий о своем, зачастую очень личном и тяжелом опыте, снова становится частью общества. Одновременно он напоминает обществу, что и оно несет ответственность за его поступки, ведь именно оно отправило его сражаться и убивать. Эту ответственность принять нелегко, но сделать это необходимо для нормального социального развития государства в период после военного конфликта. Тик пишет в книге «Война и душа»: «Наше общество должно взять на себя ответственность за свои войны. Ветеранам, возвращающимся домой, наши лидеры и наш народ должны сказать: “Все, что вы делали, вы делали от нашего имени и по нашему приказу. Мы снимаем с вас ответственность за ваши поступки и берем этот груз на себя. Мы ответственны за вас, за то, что вы совершили, и за последствия”».

Для общества огласка военных эпизодов – это способ показать свою причастность к ним. Только так можно понять, с чем солдату пришлось столкнуться, помочь ему найти смысл в своих действиях и, возможно, простить себя. Мне кажется, что все солдаты – это тоже так называемые сопутствующие потери: каждый раз, нажимая на спусковой крючок, они убивают частичку себя, хотя и делают это по нашему распоряжению.

Тим О’Брайен очень красноречиво говорит об этом в ставшем уже классическом романе о войне во Вьетнаме «Вещи, которые они несли с собой» (The Things They Carried): «Настоящая история о войне не может содержать никакой морали. Она ничему нас не учит, не восхваляет добродетель, не предлагает моделей правильного поведения, не пытается убедить людей не совершать поступки, которые они всегда совершали. Если создается впечатление, что у такой истории есть мораль, – не верьте этому».

Цель моей книги – правдивые истории о войне, а не морализаторство. Вы найдете их забавными, ужасающими, полными черного юмора или банальными – как все происходящее в жизни. Но они связаны с войной, а потому полны драматизма, неизбежного при актах насилия. Солдаты, нашедшие в себе мужество рассказать о своем опыте, пережили все это. Теперь их должно выслушать общество, ради которого они сражались.

В этой книге я расскажу о солдатах, с которыми познакомился, готовя репортажи из горячих точек. Но не только о них: я обращался и к другим военным, в том числе служащим в вооруженных силах иностранных государств. Я искал их через союзы ветеранов и военных, через военных врачей, включая психиатров. В результате у меня набралось довольно много интервью, в которых солдаты говорят о своем опыте; некоторые из них откровенно шокируют, другие могут показаться обыденными. Здесь я расскажу лишь несколько историй. Я выбрал те, которые показались мне наиболее характерными или наиболее искренними. Но я хочу сказать всем, кто согласился поделиться со мной пережитым: уже одно ваше участие дает мне надежду, что когда-нибудь сквозь мифы, иносказания и выдумки нам удастся разглядеть что-то действительно похожее на правду.

Надо учитывать, что все эти воспоминания записаны со слов их героев. Как любые устные свидетельства, они неточны: что-то забывается, что-то додумывается; иногда исчезают целые сюжетные линии. Это не репортаж с поля боя и не официальный отчет. Сами рассказчики

уверены, что все было именно так. А меня, в первую очередь, интересует их личное восприятие событий, их личный опыт участия в боевых действиях. Рассказать эти истории было непросто. Я очень благодарен всем, кто поделился ими со мной, и надеюсь, что это хоть немного поможет и им самим, и их близким обрести покой. Сейчас, когда война в Ираке закончилась, а в Афганистане постепенно подходит к концу, домой начнут возвращаться ветераны с тяжелым физическим и психологическим грузом пережитого. Мы должны постараться облегчить их ношу. Для этого надо услышать их и открыть им наши сердца.

Автор сидит на иракской зенитной ракете (2003 г.)

Введение

Я и мой посттравматический синдром

Теперь, когда война закончилась, все мои военные амулеты заброшены где-то в спальне, а за спиной у меня стоит смерть, и мне никак от нее не избавиться. Кажется, в мире не осталось места для веры в предназначение, судьбу, Бога или призраков.

Энтони Ллойд.

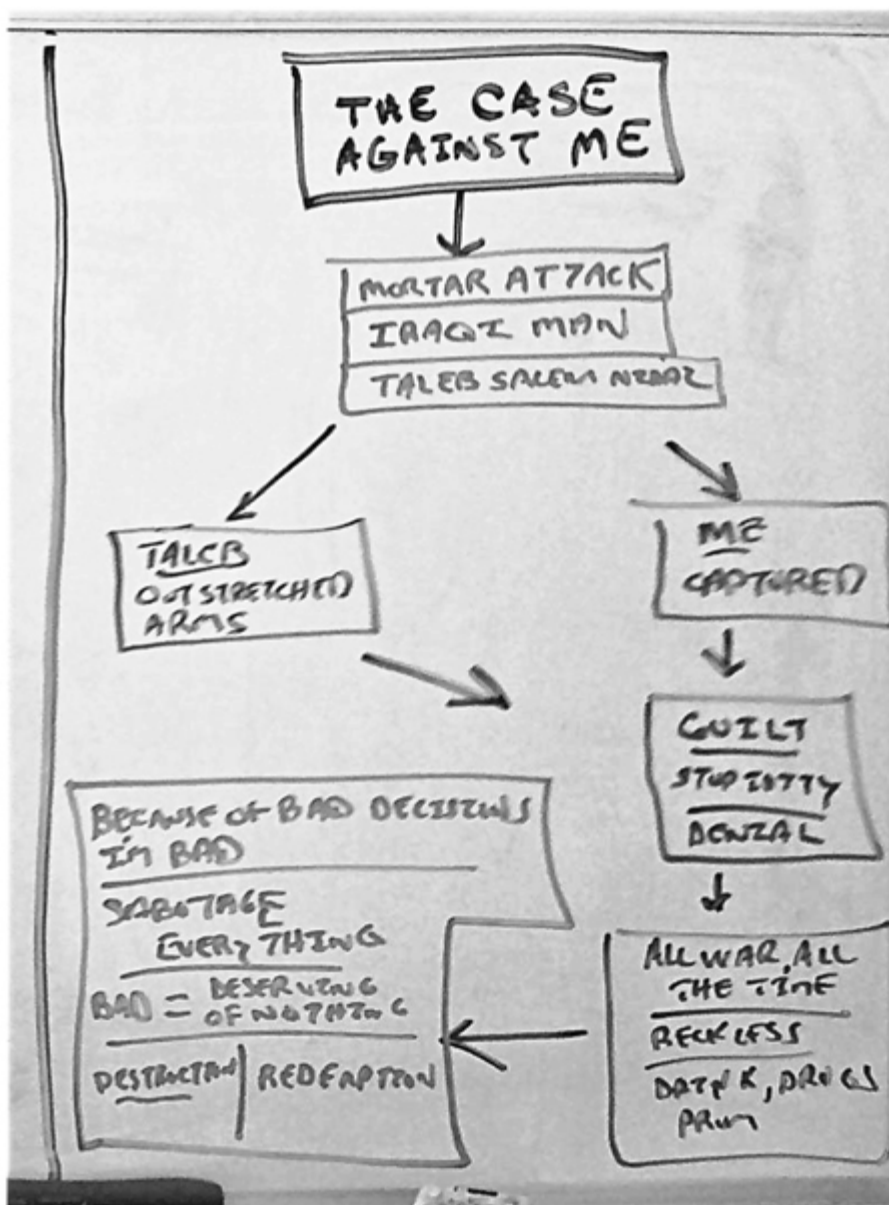
Моя война прошла, я так по ней скучаю

Вот что происходит, когда человек возвращается с войны домой: жизнь, полная эмоций, абсурда, глупостей, рисков, безрассудств и фриivolности, внезапно замирает. Насилие и опасности, месяцы перенапряжения не проходят бесследно. Когда-то я считал, что война меняет только непосредственных ее участников и жертв, а не простых свидетелей. Я ошибался.

На войне никто не может отсидеться в роли наблюдателя.

Самое большое коварство войны заключается, похоже, в том, чтобы поселить войну внутри нас. Мне хотелось по-прежнему верить в собственную добродетельность, но поступки мои говорили совсем о другом: в лучшем случае я человек эгоистичный, а в худшем — бессердечный. Та самая юнгианская двойственность человеческой природы. Много лет я пытался найти ответ на вопрос, на который нет однозначного ответа. Эти поиски мучили меня: то мне хотелось остаться одному, то я боялся одиночества, то намеренно искал уединения, то не мог ни на секунду остаться без собеседника. Но ни то ни другое не помогало.

Однажды, собирая материал для книги, я натолкнулся на фразу Вирджинии Вульф: «Кто не говорит правду о себе, не может говорить ее и о других». Эти слова запали мне в душу. Я понимал, что прежде всего мне необходимо рассказать правду о самом себе. А для этого сначала надо понять, кто я — хороший человек, совершавший некоторые плохие поступки, или война выявила мою скрытую темную сторону. Я начал свое расследование, записывая на доске аргументы против самого себя. Свидетельства выглядели ужасающе убедительно. Получилось вот что.

«Аргументы против меня»

Обвинение основывалось на трех событиях, которые произошли со мной в течение последних десяти лет. Почти все это время я посвятил репортажам о войне. Можно сказать, что эти три случая демонстрируют проблему выбора, с которым каждому, не только солдатам, приходится сталкиваться во время боевых действий. Но в моей жизни они стали центральными вехами. Решения, принятые именно в эти моменты, определили, какой путь я выберу: разрушительный или спасительный. Когда-то я был уверен, что чувство вины за сделанный выбор сокрушит меня. Скажу больше: этого-то я и хотел. Сейчас мне временами кажется, что без этих событий моя жизнь вообще не имела бы смысла. Как бы то ни было, я несу ответственность за свои поступки. Наверное, если рассказать о случившемся в подробностях и по порядку, всему найдется разумное объяснение, но иногда все это кажется бредом воспаленного воображения.

Случай первый: простая нерешительность. Октябрь 2001 года, город Пули-Хумри в северной части Афганистана на границе с Таджикистаном. Город перерыт глубокими окопами, напоминающими о Первой мировой войне: здесь как раз проходит линия фронта между войсками правительства талибов и НАТО. Через нее время от времени перелетают гранаты; обе армии используют одну и ту же радиочастоту, и бойцы иногда дразнят друг друга. Атмосфера такая, будто мы собрались в соседнем дворе поиграть в бадминтон. Я и еще несколько журналистов сидим на холме возле сломанного танка Т-62, брошенного здесь еще советскими войсками. Мы разговариваем, посмеиваемся над абсурдностью ситуации. Вдруг раздается какой-то хлопок. Один из офицеров наблюдает за позициями талибов в бинокль, который я купил за несколько долларов в Ташкенте по пути в Афганистан две недели назад. В видоискатель камеры вижу, что он роняет бинокль и прячется за танк. Я чувствую, как земля содрогается под ногами. Метрах в десяти позади нас взрывается мина. Осколки попадают в стоящего всего в нескольких сантиметрах слева от меня продюсера National Geographic. У него задеты бедро и ягодица. Он падает. «Я ранен, ранен!» – кричит он, хватаясь за ногу. Все это время я продолжаю снимать. Направляю камеру на продюсера; он сжимает ногу, по рукам течет кровь. Это огромная удача: запечатлены и удар по нашим войскам, и пострадавший от удара; в кадре и взрыв, и жертва. Такое редко удается. Потрясающий кадр, драматичный и, как мне кажется, очень яркий. Теперь наши зрители смогут сами увидеть, что происходит, когда металл ранит живую плоть. Я кричу остальным, чтобы они укрылись с другой стороны танка, талибы ведь тоже могут увидеть в свои бинокли, куда попала мина. Сам я в нерешительности. Я не перестаю снимать, хотя продюсер истекает кровью. А вдруг осколки задела бедренную артерию, одну из самых крупных? Тогда он умрет меньше чем через четыре минуты, если кровотечение не остановить. Но я все снимаю. Да и сам продюсер, по-прежнему зажимая рану на ноге, упрекает своего оператора, пропустившего взрыв: «Давай, снимай!» Я продолжаю смотреть в видоискатель камеры, но мне начинает казаться, будто кто-то настойчиво тянет меня за край рубашки. Наверное, это проснулась совесть. Сначала я не обращаю на нее внимания, но потом, крайне неохотно, кладу камеру на землю рядом с продюсером, не выключая ее. Я начинаю осознавать, что чудом сам не пострадал, ведь продюсер стоял совсем рядом и, наверное, закрыл меня от осколков. Кровь ударяет мне в голову. «Давай сюда шарф!» – кричу я и стягиваю шарф с его шеи, туго перевязываю бедро выше ранения. Потом снова поднимаю камеру, направляю на него и спрашиваю, каково это – быть раненным осколком мины? «Как будто торнадо разорвало ногу», – отвечает он. Только много позже я задумался о том, что ради хорошего кадра мог пожертвовать его жизнью. Но я постарался найти компромисс. Он выжил и на какое-то время даже стал знаменит. Хотя все могло обернуться по-другому, если бы осколок все-таки задел артерию, а я бы промедлил в надежде снять сенсационное видео.

Случай второй: «Ты будешь снимать, если я его застрелю?» Ноябрь 2004-го. Я в

Эль-Фаллудже. Первый день операции по освобождению города от повстанцев. Операция называется «Ярость призрака» (Phantom Fury), Впрочем, если не считать убитых на улицах, не похоже, чтобы осталось много повстанцев. Я иду по городу вместе с двумя морскими пехотинцами. Вдруг в проходе между зданиями вижу лежащего на земле иракца. Его короткая седая борода кажется ослепительно белой по контрасту с алой стружкой крови возле головы. Рубашка распахнута, под ней белая футболка. Он с трудом дышит, жить ему осталось недолго. Правая рука лежит на груди, левая согнута в локте, ладонь развернута вверх, эта неестественная поза чем-то напоминает приветствие. Я подхожу ближе, чтобы посмотреть, насколько серьезно он ранен, но в ужасе отшатываюсь: у него отстрелена правая часть головы. Издалека этого не было видно. Снайпер попал ему прямо в глаз, и пуля раздробила череп. Очень странно, но при этом рана выглядит аккуратно, как разрез хирурга. Я возвращаюсь к пехотинцам, и один из них спрашивает меня: «Ты будешь снимать, если я его застрелю?» Едва ли здесь кроется злой умысел. Почти уверен, что это акт милосердия. Отвечаю не раздумывая: «Конечно, это моя работа». Но тут же начинаю сомневаться: зачем снимать? Мужчина скоро умрет, в этом нет ни тени сомнения. Так почему не оставить все как есть, не добавляя страданий? Пехотинец пожимает плечами, объясняет второму, что не стоит связываться, – зачем лишние неприятности? «Он и так вот-вот умрет». Они уходят, и я остаюсь один на один с человеком с простреленной головой. Смотрю на него. Он все еще дышит, кровь течет. Его жизнь – то, что от нее еще осталось, – в моих руках. Возможно, это самая тяжелая смерть: вокруг никого, кто мог бы понять его, если бы он захотел что-то сказать. Я думаю, что, наверное, надо было позволить пехотинцу застрелить его. Не знаю, сильно ли страдал этот иракец или уже ничего не чувствовал. Приходит в голову, что я вдруг оказался в ответе за последние минуты его жизни. Смотрю на него и вдруг осознаю, что мы с ним одни. Пехотинцы ушли, вокруг никого. Умирающему лет пятьдесят пять – шестьдесят, он в гражданском, безоружен – да и вряд ли у него было оружие. Почти наверняка у него есть дети, может быть, даже внуки, но сейчас с ним только я. Он умрет здесь, лежа на земле, а какой-то незнакомец снимет его смерть на камеру. Я понимаю, что не могу этого допустить. Так нельзя. И вот что я делаю тогда: просто ухожу. Иду вслед за пехотинцами, оставляю его лежать одного на улице, где он и умрет. Как только боевые действия возобновились, мое чувство вины исчезло. Я забыл о человеке с простреленной головой... Или так мне казалось.

Уже и этих двух эпизодов было бы достаточно. Но это еще не все. Случай номер три – самый ужасный поступок, который я когда-либо совершал. Я снова просто ушел, но на этот раз я бросил не умирающего, а живого человека, умолявшего меня о помощи. Когда я ушел, его убили.

Талейб Салем Нидал вместе с другими четырьмя повстанцами был ранен и захвачен в мечети в Эль-Фаллудже во время одной из самых крупных и кровавых американских операций со времен Вьетнама – операции «Ярость призрака». В ноябре 2004-го более 13 000 военнослужащих армий США, Великобритании и правительства Ирака заняли позиции к северу от города. Их задачей было очистить Эль-Фаллуджу от повстанцев, захвативших город несколько месяцев назад. Нидал и еще более десятка боевиков укрылись в мечети на юге города. Через неделю после начала операции морская пехота США подошла к мечети. Американцев обстреляли, и они открыли ответный огонь по повстанцам. (О начале операции подробно рассказано в гл. 1.) Когда перестрелка прекратилась, десять повстанцев были убиты, пятеро ранены.

Талеб Салем Нидал. Он погиб, потому что я отказался ему помочь

Нидалу повезло: он был легко ранен в ногу. Когда пехотинцы захватили мечеть, его взяли в плен и американские санитары оказали ему и остальным раненым помощь. Командир батальона заверил меня, что раненых иракцев отправят в полевой штаб для допросов и что там же их осмотрят врачи. Не знаю, обманул ли он меня намеренно или произошла какая-то путаница после тяжелого и долгого боя, но все случилось совсем не так. Нидал и другие четверо раненых остались в мечети, без оружия, без охраны, рядом с уже начавшими разлагаться трупами своих товарищей в пластиковых мешках. На следующий день младший капрал того же батальона морской пехоты вернулся в мечеть и расстрелял всех раненых, кроме Талеба Салема Нидала, спрятавшегося под одеялом. Наверное, принял его за еще один труп. Непонятно, знал ли капрал, что эти повстанцы накануне были взяты в плен. В любом случае он должен был заметить пластиковые мешки и обратить внимание на то, что повстанцы безоружны, а их раны перевязаны.

Пехотинец рассказал Службе криминальных расследований ВМС, что сначала стрелял по раненым из винтовки М-16, а потом, когда ее заело, – из пистолета Beretta М-9. Я в это время был недалеко от мечети и слышал его выстрелы. Размеренные одиночные выстрелы, как будто стреляли по мишеням в тире, аккуратно прицеливаясь; не похоже, чтобы он руководствовался яростью или страхом. Потом произошло нечто еще менее понятное. Услышав выстрелы, я и еще несколько пехотинцев вошли в мечеть. Я был удивлен, что тела все еще в мечети, но еще больше удивился, что четверо из пятерых взятых в плен повстанцев, которых якобы отправили в штаб, теперь тоже были мертвы или умирали. Я сразу же включил камеру и стал снимать иракцев у дальней стены. В это же время краем глаза я заметил еще одного пехотинца (позже, прочитав отчет Службы криминальных расследований, я понял, что он-то и убил раненых). Я услышал, как он говорит об одном из тех, в кого только что стрелял: «Да этот урод просто

притворяется, что мертв. Косит под труп».

Потом – я по-прежнему смотрел в видеоискатель – он поднял винтовку и еще раз выстрелил в иракца. Это был выстрел в упор, в голову. По стене, возле которой сидел несчастный, растеклись мозги. Я увидел пресловутое розоватое облачко, которое описывают те, кто становится свидетелем выстрела в голову. Оно смешалось с частичками пыли, оседавшими на грязный пол мечети в луче света из окна.

«Ну вот, теперь он точно мертв», – заявил другой пехотинец. Все было настолько очевидно и без этих слов, что они воспринимались просто как восклицательный знак в конце предложения. Потом стрелявший повернулся и ушел, словно всего-навсего прикончил бешеную собаку. Когда видишь такое убийство, становится трудно дышать, как будто весь воздух куда-то исчезает и ты оказываешься в вакууме. Меня начало тошнить. Я понял, что в это мгновение все изменилось. Я столкнулся с нравственной неоднозначностью расплывчатой идеи, что даже в самой жестокой войне существуют определенные правила. Я случайно оказался там и просто нажал кнопку на камере.

Когда я попытался спросить у стрелявшего, зачем он убил раненного накануне иракца, тот ответил: «Я ничего об этом не знал, ничего». Пехотинцы вышли из мечети, а я остался один на один с Талемом Салемом Нидалом. В одних трусах и рубашке, с перевязанной ногой, он вылез из-под одеяла и начал говорить со мной по-арабски, просил о помощи. Я смотрел на него в видеоискатель камеры, так же, как несколько минут назад наблюдал за убийством. Нидал умолял, протягивал ко мне руки. Я ответил, что не говорю по-арабски. Но и так было понятно, что он в опасности и ему страшно. Он ведь только что видел, как его уже раненных товарищей добивали. По моей реакции он понял, что я ничего не собирался для него делать, и в отчаянии снова сел на пол. Он был прав, я действительно ушел, оставив его в полуразрушенной мечети лежащим на полу в грязном белье.

Я вышел из мечети, переполненный гневом из-за убийства, свидетелем которого только что стал. Но почему-то мне не пришло в голову, что Нидал может стать следующей жертвой. Я собирался найти командира батальона и показать ему пленку. Что произошло? Тот пехотинец действовал по собственной инициативе или исполнял приказ не оставлять никого в живых за линией наступления?³ Хотя, в общем, это было не так важно. Канал NBC решил не показывать запись убийства, и я согласился с тем, что кадры оказались слишком откровенными и жестокими⁴. В итоге своим решением мы помогли замять всю эту историю. Мы утаили от общественности важную информацию о войне. Я не исполнил свой долг журналиста, и потом долгие годы это мучило меня.

Я продолжал работать военным репортером, но никак не мог забыть о событиях в мечети в Эль-Фаллудже. Надеюсь, что мне удастся подвести какой-то итог этой главе моей жизни, я направил запрос правительству США о подробностях случившегося. В 2007-м, три года спустя после описанного инцидента, я получил отчет Службы криминальных расследований ВМС. Отчет был огромный, размером с телефонную книгу, и тщательно отредактированный (целые куски текста были вычеркнуты в целях защиты частной жизни названных в отчете лиц или по соображениям национальной безопасности). Сделав глубокий вдох, я открыл его. Я не знал, что меня ждет. Мне понадобилось всего 20 минут, чтобы прочитать все до конца. Когда я закончил, мне стало плохо.

³ Впоследствии выяснилось, что в ходе проведения операции «Ярость призрака» произошло, по крайней мере, еще два подобных инцидента.

⁴ Позже я разместил видео полностью на сайте NPR.

Талеб Салем Нидал, раненый иракец, прятаящийся под одеялом и умолявший меня о помощи, когда его товарищей застрелили, и сам был убит вскоре после того, как я ушел из мечети. Вскрытие показало, что смерть наступила из-за 23 выстрелов в спину. Побегав добиваться справедливого наказания для тех, кто организовал казнь без суда и следствия, я позволил совершить еще одну такую казнь. Я предпочел игнорировать мысль о том, что нечто подобное может произойти и с Нидалом. И он был убит. Если бы я просто вывел его из мечети, возможно, он все еще был бы жив. Он оказался единственным, кроме меня, свидетелем убийства, и, конечно, когда я ушел, у него не осталось никаких шансов выжить. До сих пор не понимаю, как я мог об этом не подумать. Я не желал ему смерти. Но если бы вместо гнева я нашел место для капли сострадания, то мог бы его спасти. Его убийство – самое серьезное обвинение в деле против меня. Эту тяжесть я чувствую на своей совести до сих пор. Долгое время я не мог найти ни утешения, ни оправдания для себя.

Мой посттравматический синдром начался не с осознания этого преступления. Хотя его признаки наблюдались на протяжении всей моей «военной карьеры». Алкоголь, легкие наркотики, беспорядочный секс – все это я попробовал, борясь со своими проблемами. Джонатан Шей, бывший психиатр Управления по делам здравоохранения ветеранов, в своей второй книге «Одиссей в Америке: военная травма и проблемы при возвращении домой» (*Odysseus in America: Combat Trauma and the Trials of Homecoming*) описывает похожее состояние у ветеранов: «Ветераны используют различные средства, чтобы заглушить боль, справиться с кошмарами, забыть о чувстве вины. Это могут быть алкоголь и наркотики, поиск опасности, трюдоголизм, секс. Иногда все вместе».

Шум вертолетов, пейзаж, напоминающий Ирак или Афганистан, даже люди в мусульманской одежде – все это заставляло меня вспоминать прошлое и тосковать. Иногда я мучился из-за того, что мне пришлось пережить; иногда, наоборот, хотелось снова оказаться там. Лечился я привычными средствами, несколько не сомневаясь, что это единственно правильный способ. Ведь книги и фильмы учат нас, что именно так принято справляться с воспоминаниями о войне. Несмотря на то что мои проблемы с алкоголем и наркотиками становились все серьезнее, я отказывался обратиться за профессиональной помощью. Мне казалось, что это было бы проявлением слабости. Это все для тех, кто не в состоянии справиться сам. На самом деле я как раз больше не мог справляться с этим самостоятельно, просто не хотел в этом признаваться. Чтобы как-то отвлечься от войны, бушевавшей внутри меня, я снова отправлялся на войну. После случая в мечети (когда я еще не знал о смерти Нидала) думал, что могу справиться с личными переживаниями, не анализируя произошедшее, а уезжая в горячие точки. Мое тогдашнее состояние отлично описывает строчка из песни Элвиса Пресли: «Немного меньше разговоров, немного больше действий». Я предложил интернет-порталу Yahoo проект «Кевин Сайтс в горячих точках», в рамках которого в течение года я путешествовал по миру и рассказывал о наиболее серьезных военных конфликтах.

Этот проект стал причиной моих новых кошмаров. Но он же помог мне как-то справляться со своими проблемами еще полтора года. Вернувшись домой, я расстался с моей тогдашней девушкой и начал писать книгу воспоминаний о моих путешествиях «В горячей зоне». Собирая материал для этой книги, я и узнал о судьбе Талеба Салема Нидала.

После этого я снова начал бороться с самим собой, и это была самая настоящая военная кампания. В течение пяти лет я не находил себе места, объездил тысячи и тысячи километров. От перепадов моего настроения страдали все мои родные и близкие. Я то впадал в ярость, то погружался в депрессию и искал одиночества. Время от времени, иногда довольно надолго, мне

удавалось скрыть свое состояние благодаря разнообразным занятиям и бесконечным мартини. Я писал и выступал с речами о том, что мне довелось пережить, какие ошибки я совершил, чему они меня научили. Но все мои рассуждения были поверхностными. Я не пытался проанализировать свой опыт глубже, не пытался понять те фундаментальные изменения, которые произошли в моей психике. Можно было сказать, что я просто толку воду в ступе, надеясь заполнить пустоту внутри себя внешней активностью и алкоголем. Я прошел курсы и получил сертификат специалиста по оказанию неотложной помощи, обучился альпинизму, съездил в экспедицию в Танзанию, совершил восхождение на Килиманджаро. Встречался с женщиной почти на 18 лет моложе меня. Но ненависть к самому себе делала меня замкнутым и отстраненным, физически и эмоционально. Моя подруга не выдержала, и мы расстались. Я снова оказался в одиночестве и мог делать все что заблагорассудится, не отчитываясь ни перед кем.

Я решил сбежать и поселиться на Бонэйре, одном из Нидерландских Антильских островов к северу от Венесуэлы. Собираясь купить там мотоцикл, маску и ласты и вдаль от всех работать в местном дайвинг-центре.

Но весной 2009-го, за неделю до отправления на Бонэйр, я получил престижную стипендию Нимана и с сентября мог приступить к учебе в Гарварде. Появилась возможность несколько месяцев не заниматься журналистикой, но всю жизнь так продолжаться не могло. Фонд Нимана выбирает 12 американских и 12 иностранных журналистов и выдает им стипендию \$60 000, чтобы в течение девяти месяцев они посещали любые лекции Гарвардского университета. Выбрать можно все что угодно: от занятий по истории до курсов анатомии. Идея в том, чтобы дать возможность журналистам расширить образование, подарить им, так сказать, год в духе эпохи Возрождения. Единственное условие – активно участвовать в жизни университета. Журналистам даже не запрещается писать книги, хотя это и не поощряется, поскольку может помешать занятиям и нарушить академическую атмосферу. Но в 2008 году я ушел из Yahoo News и стал внештатником. Так что не мог позволить себе не извлечь пользы из этого года, когда не требовалось зарабатывать себе на жизнь. Раз уж мне не придется думать о зарплате, надо за это время написать книгу. Я был полон благих намерений и не догадывался о том, как бездарно распоряжусь этим подарком.

Все началось с выбора жилья. У меня была возможность поселиться в одном из риверхаусов под названием Данстер⁵, где каждый год одну из квартир предоставляют стипендиатам фонда Нимана. Обычно иностранные студенты хватаются за них. Я же остановил свой выбор на этом варианте после того, как мне сказали, что в городе Кембридж, где находится Гарвард, квартиры очень дороги. В августе я въехал в холодную и мрачноватую двухкомнатную квартиру на первом этаже и начал собирать материал для книги. Обычно я работал с бокалом красного вина в одной руке и сигаретой в другой, хотя гарвардские правила и запрещают курить на территории университета. Но мне казалось, что без этого работа не пойдет, поэтому я ставил стул поближе к окну, и запретный дым вылетал на улицу. К несчастью, какой-то особенно чувствительный студент его унюхал и сдал меня. Я получил и проигнорировал несколько писем от коменданта нашего здания. Тогда он отправился к профессору, отвечавшему за Данстер. Обычно за порядок в студенческих домах отвечает кто-то из опытных преподавателей, живущих поблизости. В моем случае это был профессор экономики. Он и его жена, оба мормоны, оказались не в восторге от моего поведения. И вот я

⁵ Риверхаусы – девять зданий на территории Гарвардского университета, расположенных между парком и рекой Чарльз, проживание в которых считается привилегией. Данстер-хаус назван в честь первого президента Гарварда Генри Данстера. – *Прим. ред.*

уже сидел перед Бобом Джайлсом, возглавлявшим тогда фонд Нимана. Очень вежливо, но твердо, немного по-отцовски, он напомнил мне, что, если я живу со студентами, мне совсем необязательно вести себя как студент. Мне было 47 лет, и я получал выговор за курение в неположенном месте. Я понял, что надо искать другое жилье. Мне и так казалось немного унижительным жить в Данстере. По возрасту я был ближе к обслуживающему персоналу, чем к студентам; так что, если бы я носил бордовую служебную форму работников здания, меня легко было бы спутать с ними.

Я съехал и снял квартиру-студию с видом на парк Кембридж Коммон, разбитый на том самом месте, где Джордж Вашингтон принял командование Континентальной армией. Квартира была на втором этаже, очень солнечная и стильная. Моя кровать стояла в нише у окна, так что я мог читать лежа и наблюдать за сменой времен года: сначала яркие цвета осени, потом дожди и, наконец, снег. Место было просто идеальным. Именно здесь я решил начать настоящее сражение с самим собой. Но почти сразу же стал терпеть поражения. Я часто пропускал лекции и встречи с другими стипендиатами, потому что мне не хватало времени на работу над книгой. Но работа не шла. Я садился за компьютер и перечитывал рассказанные солдатами истории, и меня вновь охватывали так хорошо знакомые мне гнев и отчаяние. Их рассказы заставляли меня вспоминать собственный опыт, думать о своих поступках на войне. Я боролся с этими неприятными мыслями, ложась на пол возле камина, распивая виски и выкуривая одну сигарету за другой. Выдыхая сигаретный дым в каминную трубу, я вспоминал, как когда-то писал об одном мексиканском племени из штата Чиapas: они пили кока-колу, ложились на спину и рыгали, считая, что так молятся Богу. Но мой Бог, судя по всему, уже устал от моих молитв и историй.

Работе над книгой мешала не инерция или лень. Просто я столкнулся с необходимостью проанализировать те переживания, которые накопились за проведенные на войне годы. Сейчас я был в безопасности, обстановка располагала к тому, чтобы предаться размышлениям. И вот я оказался один на один со всеми проблемами, которые так долго не хотел признавать. Раньше я думал, что контролирую ситуацию. Но больше притворяться не получалось. Раздумывая о прошлом, укоры совести мучили меня почти постоянно. Мне везде мерещилось лицо Талеба Салема Нидала: оно мне снилось, его форму принимали пятна копоты на камине.

Кроме того, почти никто из ветеранов не соглашался со мной разговаривать. Мне уже казалось, что вся эта затея с книгой ни к чему не приведет. Написать не получалось толком ни строчки. Сначала я заставлял себя написать одну или две страницы, прежде чем сделать перерыв и покурить, потом – один или два абзаца, а потом и вовсе одно предложение. Через какое-то время я садился за компьютер, уже понимая, что поработать не удастся, и тянулся за бутылкой. Я говорил себе, что алкоголь поможет мне расслабиться и слова придут сами. Но они почти никогда не приходили. Я был в отчаянии. Попытался убедить себя, что это не посттравматический синдром, а проблемы с концентрацией внимания. Я знал, что в таких случаях часто прописывают аддералл и что студенты иногда незаконно покупают это лекарство, чтобы тратить меньше времени на сон и лучше концентрироваться. Набрался храбрости и попросил своего врача прописать мне этот препарат. Он согласился, хотя и неохотно.

Первый раз я принял две таблетки по 10 мг, как и полагалось по рецепту. У меня появилось чувство тревоги, зато я действительно смог сосредоточиться на работе. За пару дней написал больше, чем за несколько недель до этого. И решил, что нашел то, что нужно. Но когда действие лекарства прекращалось, я чувствовал огромную усталость. Аддералл вроде кокаина – слишком сильно стимулирует нервную систему. Я начал принимать сначала в два, потом в три раза больше таблеток, чем следовало. Садился за компьютер, писал несколько предложений, но

чувство тревоги нарастало. Чтобы успокоиться, выпивал, после выпивки хотелось покурить. И вот я опять оказывался на полу, наблюдал, как сигаретный дым влетает в каминную трубу, и представлял, что он растворяется среди призраков Вашингтона и его солдат, готовящихся к наступлению на Бостон. После короткого искусственного подъема я снова не мог работать, даже с помощью таблеток.

Будучи не в состоянии писать, думать я все-таки мог, и мысли мои постоянно возвращались к Талебу Салему Нидалу. Снова и снова в голове прокручивались кадры снятого мною видео: безысходность на его лице, его голос. Я полностью погрузился в саморазрушение. Иногда я пытался рассказать другим о том, что сделал. Но мое отчаяние, настойчивость и неразборчивая пьяная речь делали эту и без того мрачную историю совсем невыносимой и никому не понятной. И я оставался один на один со своей совестью.

Однажды утром, пропьянствовав всю ночь, я стоял под фонарем и думал: почему бы мне просто не снять ремень, не накинуть его на перекладину и не затянуть у себя на шее? Мне казалось, нет ничего проще. Это же обыкновенная математика: жизнь за жизнь. Так или иначе, мне скоро придется сделать выбор.

Часть I Убийство Каково это – убивать на войне?

Капрал Уильям Уолд, Морская пехота США,
3-й батальон 1-го полка корпуса морской пехоты.
Война в Ираке (2004 г.)

Глава 1

Убийство вблизи

*Я никогда не расскажу ей, что мне приходилось здесь делать.
Никому не расскажу.*

Представьте, что вы морской пехотинец и вам приказано зачистить здание в ходе одного из самых кровавых боев очень жестокой и грязной войны. Вы понятия не имеете, что вас ждет внутри: бомбы, мины-ловушки, козы, женщины, дети... или до зубов вооруженные бойцы вражеской армии. Вам надо за долю секунды решить, нажимать на спусковой крючок или нет. Благодаря использованию современных технологий: беспилотных летательных аппаратов, управляемых крылатых ракет, даже высокоточного стрелкового оружия, – такого рода операции проводятся достаточно редко. Но сегодня как раз такой исключительный случай. Я смотрю на капрала Уильяма Уолда. Он стоит у стены, окружающей мечеть в Эль-Фаллудже. Видно, что адреналин у него зашкаливает и он едва понимает, что происходит. Так бывает, когда лицом к лицу сталкиваешься с врагом. И надо убивать, пока не убили тебя.

Всего минут сорок назад его подразделение захватило мечеть, в которой был опорный пункт повстанцев. В какой-то момент войны руководство Вооруженными силами США приняло решение не атаковать мечети, даже если в них укрывались боевики. Отход от этого принципа и обстрел мусульманской святыни, несомненно, лишь увеличивали число повстанцев. К тому же эта неофициальная политика привела к «парадоксу военной стратегии». Так, военный стратег и историк Эдвард Люттвак называет следующий феномен: какой бы верной ни была ваша стратегия на поле боя, противник в любом случае очень быстро адаптируется и обратит ее против вас. Американцы перестали разрушать мечети – и повстанцы все чаще использовали их как опорные пункты; снайперы даже стреляли с минаретов. Это заставило американских генералов пересмотреть свою стратегию перед масштабной операцией по освобождению Эль-Фаллуджи под названием «Ярость призрака» (Phantom Fury)⁶. Больше никаких запретов: если враг оккупировал мечеть, ее придется разрушить.

Мечеть, за которую пришлось сражаться Уилли Уолду, – пример этой новой политики. Когда укрывшиеся в ней повстанцы обстреляли американских морских пехотинцев, в ответ те стали наносить удары из орудий 120 мм танка M1A1 Abrams, пробившие в нескольких местах стены мечети. Затем отделение морской пехоты во главе с младшим капралом Патриком О’Брайеном вошло в мечеть. Там они обнаружили одного погибшего и пятерых раненых, видимо в результате танкового обстрела, повстанцев (об этом упоминалось во введении).

Раненые иракцы сразу же сдались. Обескураженные, в крови, они сидели возле стены в главной комнате мечети. Но была еще вторая комната. О’Брайен приказал Уолду и его группе огневой поддержки из трех человек действовать в стиле SWAT⁷ и убедиться, что там никого

⁶ Первый бой за Эль-Фаллуджу, или операция Vigilant Resolve, началась в апреле 2004 года, после того как в марте были убиты четыре американских сотрудника частной военной компании Blackwater, обеспечивавшей безопасность в городе. Их тела были сожжены на мосту в Эль-Фаллудже. Операция закончилась перемирием меньше чем через месяц. Функции по обеспечению безопасности были переданы военной организации иракских суннитов, известной как «Бригада Эль-Фаллуджи». Ее члены считались союзниками США и правительства Ирака, но вскоре переметнулись на сторону повстанцев. Вторая битва за Эль-Фаллуджу – операция «Ярость призрака» – должна была исправить ситуацию. В ней участвовало 13 000 американских, британских и иракских солдат. Эль-Фаллуджа была освобождена от повстанцев за 45 дней. Операция стала самой кровавой за все время войны в Ираке. В ней погибло 1500 повстанцев, 100 солдат коалиции и предположительно 600 мирных жителей.

⁷ SWAT (вначале Special Weapons Assault Team – особо вооруженная штурмовая группа; теперь Special Weapons And Tactics – особое оружие и тактика) – элитные полувоенные боевые подразделения американских полицейских департаментов, предназначенные для выполнения опасных операций, аналог российского СОБРа. – *Прим. ред.*

нет.

Уолд исполняет приказ. Они врываются в комнату. Один направляет винтовку влево, другой вправо, Уолт занимает позицию прямо по центру – как полузащитник футбольной команды, которым он был в школе. В комнате никого нет, но они обнаруживают еще одну дверь.

Первый пехотинец выбивает ее. От неожиданности у него буквально лезут на лоб глаза. Прямо перед ним девять вооруженных повстанцев. Возраст от двадцати до тридцати с небольшим лет; все с бородами; одеты либо в рубашки и брюки, либо в традиционные афганские костюмы, которые американские военные презрительно называют «мужскими платьями». У них в руках автоматы Калашникова и гранатометы, но в первую секунду никто не стреляет. На какое-то мгновение все замерли. У всех только одна мысль: «Черт!» Затем – волна страха, насилие неизбежно. Уолд кричит пехотинцу: «Огонь!», и тот палит в человека напротив. Уолд врывается в комнату и тоже начинает стрелять. Третий пехотинец прикрывает его слева, выпускает очередь за очередью по людям, стоящим почти вплотную к нему. Все повстанцы убиты. Уолд и его команда выпустили больше тридцати патронов. Они переводят дыхание. Пехотинцы понимают, что им самим чудом удалось избежать смерти. Они отбрасывают в сторону оружие повстанцев и проверяют, все ли мертвы, тыкая винтовками или пиная их в пах и другие чувствительные места. Если кто-то еще жив, он не сможет не выдать себя. Пехотинцы поднимают оружие иракцев и складывают его у входа в мечеть.

Затем я наблюдаю, как солдаты неохотно переносят тела в первую комнату, где лежат раненые повстанцы. Я замечаю, что стреляли они очень метко: по голове и торсу, как их учили. Из головы одного убитого вываливается кусочек мозга, и пехотинец какой-то палкой подбрасывает его ближе к владельцу. Некоторые из солдат поздравляют друг друга с победой: хлопают по плечам, обнимаются. Но безжизненные тела мешают ликованию. Одно дело – убивать врагов в бою. И совсем другое – переносить потом их изрешеченные пулями трупы, тащить их за руки, за ноги или пояса. Складывать в кучу тела с неподвижными, распахнутыми глазами, полураскрытыми мертвыми ртами. Запах нестираной одежды смешивается с запахом пороха, все еще ощутимым в воздухе. Пока остальные убирают трупы в черные пластиковые мешки, Уолд бесцельно бродит вокруг, рассматривает дыры в стенах. Он не знает, каких проявлений чувств от него ждут.

Уолд едва заметно качает головой, когда командир бригады подполковник Уильям Бул фотографирует его: победитель после боя. Пехотинцы продолжают свою неприятную работу, в каждый мешок по два трупа. Раненые иракцы пытаются не смотреть, они боятся разделить участь убитых. В этот день им везет: американские санитары дают им воды и оказывают медицинскую помощь. Я рассматриваю раненых. Одному, с красным платком на голове, лет под шестьдесят; другой – коренастый мужчина в сером традиционном костюме, ему я бы дал лет тридцать пять; еще один – молодой усатый парень, одетый только в белье и рубашку, на вид около тридцати лет, ранен в ногу (это Талеб Салем Нидал, о котором я рассказывал во введении). И последний: лет тридцати с небольшим, с многочисленными ранами на руках, ногах и теле. Он одет в сильно поношенную полицейскую форму, темные брюки и голубую рубашку. Несмотря на раны и грязную оборванную одежду, он красив: волевое мужественное лицо, аккуратно подстриженные усы, твердый подбородок. Из всех раненых он кажется мне самым стойким, его вид не выдает ни страха, ни боли⁸.

⁸ Из отчета Службы криминальных расследований ВМС я узнал его имя – Фархан абд Мекелф. Судя по документам, обнаруженным при нем, он служил в иракской полиции. Его расстрелял морской пехотинец на следующий день после захвата мечети. Я снял это убийство на камеру, и позже следователи попросили меня

Во дворе я встречаю Уолда, и первое, что он говорит, глядя в камеру: «Комната была такая маленькая! Такая чертовски маленькая! – он качает головой. – 35 выстрелов! Черт, как я испугался! Верите, чуть в штаны не наложил!» – громко вздыхает.

«Расскажите, что вы там видели», – прошу я его. Он опять качает головой, сам никак не может поверить в то, что ему пришлось пережить.

«Мне было приказано проверить комнату. Мой первый боец вошел... увидел парня с калашом, и я своему крикнул, чтобы стрелял. Потом я застрелил шестерых слева, а мой другой боец – двух остальных».

У меня к Уолду миллион вопросов. Мне интересно, где кто стоял, какое у них было выражение на лицах, каково было нажимать на спусковой крючок, когда они были так близко. И что потом – как изменились их лица, их позы? Они просто упали на пол или, как в кино, их отбросило назад, как будто кто-то потянул за невидимую веревку? Столько вопросов, но почему-то ни одного не могу сформулировать. «Расскажите, что вы видели», – автоматически произношу я. Не знаю, что это за чувство, наверное, какое-то болезненное любопытство.

«Я видел только направленные на меня автоматы, – он опять качает головой, – так что сработал инстинкт: стрелять... Мне надо идти». Со стороны мечети раздаются какие-то крики.

Оказывается, одного из товарищей Уолда только что ранили. Нападавший скрылся, перемахнув через каменную ограду. Уолд и два бойца начинают преследование. Теперь его подстегивает ярость.

«Найдите этого ублюдка и прикончите его!» – кричит Уолд своим бойцам. Они выламывают железные ворота двора. Я снимаю все происходящее. Во дворе два здания, они стреляют по обоим. Все тихо. Уолд бросает гранату между зданиями. «В укрытие!» – и они втроем выбегают из двора и прячутся за стеной. Но граната не взрывается, и Уолд снова отправляет одного из бойцов во двор. Тот бросает еще одну гранату, на этот раз из-за стены слышен взрыв, несколько приглушенный. Пехотинцы врываются во двор и осматривают здания, как до этого мечеть. Но на этот раз они не натыкаются на дула автоматов. Внутри никого. Разочарованные, они возвращаются к бронетранспортеру, в котором оказывают помощь раненому товарищу. Уолд хотел отомстить, кровь за кровь, но ему придется подождать.

Когда мне в следующий раз удастся поговорить с Уолдом, уже начинает темнеть. Видно, что он по-прежнему возбужден, все еще прокручивает в голове эпизод, когда оказался на волоске от смерти. Он не может держать все в себе и максимально откровенен со мной. Возможно, подсознательно чувствует, как важно мне и остальным понять, что до этой войны он был обычным парнем, совсем еще мальчишкой. Ходил на школьные вечеринки и играл в футбол. А здесь, в Ираке, он только что пополнил список отнятых им жизней еще шестью. Наш разговор продолжается примерно полчаса, и нам не мешают ни пулеметные выстрелы, ни взрывы танковых снарядов, ни даже авианалет. Лишь время от времени Уолд прерывается, чтобы отдать распоряжения своим подчиненным. Уже совсем стемнело, но я продолжаю снимать, пока командир отделения не кричит на меня, чтобы я выключил инфракрасную подсветку камеры. Я приведу наш разговор почти полностью:

Пятница, 12 ноября 2004 г.

Уильям Кристофер Уолд (У.): Темнеет. Сейчас начнется.

Кевин Сайтс (К.): Вы видели, что там произошло?

идентифицировать его тело. Я увидел его в пластиковом мешке на каком-то складе американской военной базы. Я сразу узнал его, хотя пуля попала в голову и лицо теперь напоминало резиновую маску, полую внутри, с прилепленным черным пучком волос.

У.: Ну, один из сержантов шел по улице. Прикрытие было. Но этот урод просто выпрыгнул откуда-то и несколько раз выстрелил в него. И убежал. Перепрыгнул стену. Мы не смогли его догнать. А сержант получил пять или шесть пуль. Хорошо еще, почти все попали в бронежилет. Но он ранен в шею и руку.

К.: Как вас зовут?

У.: А?

К.: Как зовут вас?

У.: Уилли.

К.: Уилли. А фамилия?

У.: Уолд. Капрал Уолд.

К.: Как пишется?

У.: У-О-Л-Д. Шесть месяцев осталось. Черт, я просто хочу убраться отсюда поскорее. И вообще из пехоты.

К.: Хотите уйти из морской пехоты?

У.: Да. С меня хватит. Скоро получу сержанта и тогда свалю!

К.: И как давно уже служите?

У.: Три с половиной года.

К.: А сколько вам лет?

У.: Только что исполнилось 21.

К.: Откуда вы?

У.: Штат Вашингтон.

К.: То, с чем вам пришлось столкнуться во время этой войны...

У.: А?

К.: Увиденное во время войны вас изменило?

У.: Я не понял. Повторите вопрос.

К.: Все то, что вам пришлось увидеть и сделать во время боевых действий, – это вас как-то изменило?

У.: Да. И очень сильно. Я же еще совсем молод. Я поступил на службу в 17 лет. Два с половиной года пробыл в службе охраны президента, а потом оказался здесь. Меня это еще как изменило⁹.

К.: И каким образом?

У.: Да просто меняется взгляд на жизнь. Уже не можешь всякое дерьмо считать само собой разумеющимся.

К.: Вы сегодня убили несколько человек.

У.: Да.

К.: Это сложно?

У.: Нет. Убивать подонков нормально.

К.: А вам приходилось убивать до сегодняшнего дня?

У.: Да. Я 12 человек убил здесь за время службы.

К.: 12 человек, а вам всего 21 год.

У.: А?

К.: Вы убили 12 человек, а вам всего 21 год.

У.: [Смеется] Ага. Уйду со службы в 21 год. А поступил в семнадцать. Представляете, я

⁹ Чтобы Уильям смог поступить на военную службу, потребовалось письменное согласие его матери. Он еще учился в средней школе. В учебном лагере его отобрали в службу охраны президента. Он охранял Джорджа Буша-младшего во время его пребывания в Кэмп-Дэвиде.

на год раньше школу закончил, чтобы заниматься вот этим!

К.: Вы рады, что так получилось?

У.: Нет. Если бы можно было отмотать время назад, я бы так не делал.

К.: Почему?

У.: Я бы пошел в университет. Университет – вот это тема, да. Нет, я, конечно, горжусь, что я защищаю мою страну. Потому что я здесь не ради иракцев, а ради американцев.

К.: Многие считают так же, как вы?

У.: А?

К.: Как вы считаете, многие с вами согласились бы?

У.: Я знаю, что многие ребята тоже ненавидят этих ублюдков. Я уже устал видеть, как моих братьев убивают и ранят. С тех пор, как я здесь, четверых моих лучших друзей убили.

К.: Это, наверное, тяжело?

У.: Еще как тяжело! Только бы найти того, кто стрелял! Они стреляют в нас и убегают. Или используют самодельные взрывные устройства. Они просто трусы. Поэтому я и говорю, что спокойно убиваю этих подонков.

К.: Как вам кажется, нынешняя операция стоит понесенных потерь? Вы чего-то добились?

У.: А? *(Уолд, как и многие другие непосредственные участники боевых действий, по-видимому, имел проблемы со слухом.)*

К.: Эта операция имеет смысл?

У.: Я уничтожаю террористов, это понятно. Если удастся убереечь хотя бы одного американца, значит, я выполнил свою работу. На свою жизнь мне плевать, но я здесь ради семьи. Ради них я здесь. И я бы снова приехал сюда, если потребовалось бы. Мне очень не нравится здесь, но это ради моей семьи.

К.: Почему вы хотите уволиться из армии?

У.: А?

К.: Почему вы хотите уволиться из армии?

У.: Я просто хочу быть как все. Жить нормальной жизнью.

К.: А вы думаете, получится, после всего, что произошло здесь?

У.: Уверен, все будет в порядке. Конечно, я сильно изменился с тех пор, как поступил на службу. Особенно здесь... Я теперь ко всему буду относиться по-другому.

К.: Вас ожесточила служба?

У.: Ну... да, я стал более жестким человеком за время службы здесь. Через это здесь все проходят. Становишься таким толстокожим. *[Слышен взрыв.]* От этого я тоже устал уже.

К.: Слишком много взрывов?

У.: Да. Сплошной грохот.

К.: Чем собираетесь заниматься потом?

У.: Ну, я получил стипендию, чтобы играть за университетскую футбольную команду.

К.: Где?

У.: В Вашингтонском государственном университете. В их команде. *[Он делает пальцами знак победы.]*

К.: И на какой позиции играете?

У.: Полузащитник. Я мог сразу после школы пойти в университет, по результатам окончания школы мне полагалась повышенная стипендия. Но я записался в морскую пехоту.

К.: Почему?

У.: Ну, мой отец всегда говорил мне, что мой долг, как и любого американца, служить родине. Он погиб, когда мне было двенадцать. Вот я и решил сделать, как он хотел.

К.: Он тоже был морским пехотинцем?

У.: Нет, он в пехоте служил.

К.: А как он погиб?

У.: Его убили, когда мне было двенадцать.

К.: Как это произошло?

У.: Не знаю. Убийцу так и не нашли¹⁰.

К. Так вы это сделали ради него?

У.: А?

К.: Вы пошли служить в память об отце?

У.: Я просто хочу быть полезным американскому народу. Я люблю свою семью и свою невесту. Я не хочу, чтобы она беспокоилась, что кто-то вторгнется в нашу страну. Лучше уж прикончить их здесь, чем потом сражаться с ними на собственном заднем дворе. *[Снова слышен взрыв.]* Только посмотрите на это. *[Он указывает в сторону, откуда раздаются звуки авианалета.]* Чем больше мы их убьем здесь, тем меньше можно волноваться, что они явятся к нам.

К.: Так что же, вы совсем не боитесь? Когда, например, приходится врываться в здание, а там вас ждут с заряженными автоматами?

У.: У меня времени нет думать об этом. Когда я только попал сюда, я постоянно волновался... Как раз сегодня мне один мой друг сказал: «Ты когда приехал сюда, вечно боялся, что тебя убьют». А сейчас у меня просто нет времени об этом думать. Врываешься в дом... Вот как сегодня, когда на меня были направлены автоматы. А у меня только одна мысль в голове: «Их надо прикончить». Я застрелил шестерых меньше чем за десять секунд. Это надо сделать, и все. Потом все как-то само собой уходит, ничего даже делать не надо.

К.: Если бы вы были уверены, что больше не окажетесь в горячих точках, вы бы остались в морской пехоте?

У.: Да. Но я не знаю, смог ли бы я выдержать еще одну такую командировку. Дело в том, что чем больше времени здесь проводишь, тем сильнее хочется убивать. Сейчас я... мне так надоело, что они убивают моих друзей, что я просто хочу прикончить их всех. Чем дольше здесь находишься, тем больше хочется просто взять и перебить их всех.

К.: Думаете, вернувшись домой, вы сможете с этим справиться?

У.: Надеюсь. *[На лице неуверенность.]* Ну да. Моя невеста очень волнуется, что я вернусь домой другим человеком. Я никогда не расскажу ей, что мне приходилось здесь делать. Никому не расскажу. Я совсем не горжусь тем, что мне приходится убивать. Но горжусь тем, что служу своей стране. Я этого не понимал, пока не оказался здесь. Никогда не понимал, что значит сказать: «Я служу своей стране. Я служу в морской пехоте». Нельзя сказать, что служишь родине, пока не окажешься в таком вот месте. Только тогда можно по-настоящему это понять. И по-настоящему гордиться тем, что делаешь. Я ненавижу службу здесь. И одновременно мне здесь нравится. Есть свои плюсы и минусы... Я уже почти месяц не разговаривал со своей невестой. Надеюсь, что у нее все в порядке.

К.: Если хотите, можете позвонить с моего телефона.

У.: Ой, нет. Не могу. Я не могу.

К.: Ну, пожалуйста!

У.: Нет-нет, я не могу.

К.: Я многим давал позвонить.

¹⁰ Полиция предполагает, что смерть отца Уильяма, Томаса Нельсона, произошла в результате несчастного случая. Его тело нашли на обледенелой дороге с переломанной шеей, когда Уильяму было всего одиннадцать. Семья Уильяма рассказала мне, что он сильно переживал из-за смерти отца и до сих пор считает, что его убили.

У.: Ну, может быть, как-нибудь в другой раз...

К.: Хорошо.

У.: Я...

К.: Очень многие с него звонили. Что здесь такого?

У.: Я так много пропустил, пока был здесь. Нашу годовщину. Мой день рождения, ее день рождения. Но все, больше так не будет. Через полгода все кончится. А здесь осталось всего два месяца.

К.: И что вы будете делать в оставшееся время службы? Эти четыре месяца?

У.: Эти последние три-четыре месяца, да?

К.: Ну да. Это просто переходный этап или как?

У.: Ну да... Буду ходить в тренажерный зал. Знаете, я настоящий фанат этого дела. Я здесь похудел уже на 15 килограммов! Так что, когда вернусь, надо будет много тренироваться.

К.: Будете опять играть в футбол?

У.: Да. Представляете, я весил 103 килограмма, а теперь 86. Я ни разу не был в зале за все это время.

К.: Да, тяжело будет.

У.: Очень тяжело, да.

К.: А как вы думаете, эта злость, которую вы сейчас испытываете, она пропадет после возвращения домой?

У.: Со временем учишься контролировать злость. Я думаю, у меня все будет нормально. Я так рад, что скоро опять стану гражданским, что, думаю, все пройдет само собой. Знаете, сегодня мы с этим парнем, которого ранили, целый день только и думали о том, чтобы вернуться домой, купить бигмак и провести ночь со своей... ну, с невестой. Понимаете? Все, чего мы хотим, – снова стать нормальными людьми. Представляете, для него это третья горячая точка! Я бы не выдержал.

К.: Трудно здесь?

У.: Убивать нетрудно. Трудно остаться в живых. В моей роте столько убитых, это уже совсем не дело.

К.: Да, особенно в этой операции. Столько жертв.

У.: [*Кричит.*] Эй, мы выдвигаемся! [*Своим подчиненным.*] Эй, Дар! Сюда, тут есть кое-что для вас! Осторожно, осторожно! Слышите? Внимание на крыши! Осторожнее, не высовывайтесь!

К.: А город ваш какой в штате Вашингтон?

У.: Ванкувер.

К.: Красивый город.

У.: Да, там очень красиво. Я очень скучаю по дому. У меня мотоцикл, совсем новый еще. Никак не могу дождаться, когда приеду и...

К.: А что за мотоцикл?

У.: 636 Ninja. Фирма Kawasaki. Совсем новенький.

К.: Интересно, а почему все, кто возвращается из армии, покупают именно эти мотоциклы?

У.: Нет, я его купил еще до того, как пошел служить. Всегда мечтал о мотоцикле.

К.: А Уилли – сокращенное от Уильяма или это полное имя?

У.: От Уильяма. Хотя меня все зовут Уилли.

К.: А братья или сестры есть?

У.: Да. Три брата и две сестры.

К.: Старшие или младшие?

У.: Одна сестренка младше меня.

К.: И как они относятся к вашей службе здесь?

У.: Им очень тяжело. Моя сестренка... Эй, если ты вдруг это смотришь, слушай: я тебя люблю! Она мне постоянно пишет. Они с мамой постоянно мне пишут. А больше никто. И еще моя невеста. Это единственное... единственное, что позволяет как-то держаться. Единственное, что имеет смысл, – это семья.

К.: Если мы покажем это интервью по телевидению, вам надо будет им позвонить, предупредить, чтобы посмотрели.

У.: А?

К.: Говорю, если вас будут показывать по телевидению, надо будет их предупредить, позвонить им.

У.: Я пытался. Просто я же пробуду здесь до конца службы, так что смогу с ними поговорить только недели через две. Может быть, получится отправить им письмо по электронке через кого-нибудь, не знаю.

К.: Дайте мне на всякий случай адрес их электронной почты, вдруг я решу использовать это интервью для сегодняшнего репортажа. Мы же каждый день готовим какой-нибудь материал.

У.: Меня уже несколько раз показывали по телевизору. Дважды по CNN, когда президент встречался с начальниками штабов и с участниками миротворческих операций в Кэмп-Дэвиде.

К.: Вы тогда были в охране?

У.: Да. Когда он выходил... Когда глава государства выходил из вертолета, мы должны были его охранять.

К.: А как получилось, что вам так быстро присвоили звание сержанта?

У.: Пока я только капрал. Но скоро получу сержанта. Ну, у меня хорошая подготовка. Я физически сильный. Пока я сюда не попал, каждый день ходил в тренажерку. И стреляю я хорошо. Сами могли убедиться сегодня.

К.: И скольких вы сегодня застрелили? Шестерых?

У.: Да, сегодня шестерых. Из девяти. Мог и больше, просто все время волнуюсь, что кто-то из моих ребят может погибнуть.

К.: И сколько времени все это продолжалось?

У.: Пока мы убивали этих девятиерых?

К.: Ну да.

У.: Секунд 30. Это один из наших пехотинцев промедлил. Он просто замер там. Из-за него нас всех чуть не убили. Не могу долго на него злиться. Каждый день бешусь оттого, что он все очень медленно делает. Но не могу на него злиться, потому что с точки зрения нравственности... Он мне сказал, что с моральной точки зрения... с моральной точки зрения... Ну, он думал, что не должен был его убивать. Он даже не понял сначала, что происходит. Когда я ему сказал, что делать, он начал стрелять. И он рад, что... Уверен, ему больше не придет в голову сомневаться в моих приказах.

К.: И все их автоматы были направлены на вас?

У.: Да. Я сегодня ему жизнь спас. И я очень рад. Обожаю его как человека, а вот пехотинец из него не очень. [*Кричит пехотинцам .*] Да? Нет! Что нужно-то? [*Один из домов обстреливают из танка .*] Вот так мы зачищаем дома. Это, наверное, наша главная задача. Зачищать дома, вот так. Вот как работает морская пехота. Раз-два – и готово. И все... Тут надо быть осторожным. У вас ведь нет оружия, да?

К.: Нет. Мы же не военные, нам не положено носить оружие.

У.: Я бы так не смог. Уж если оказываешься в таком месте, надо хотя бы оружие при себе

иметь. Вот что мне так не нравится в этой стране – у всех есть оружие.

К.: Да, и в Афганистане так же. Просто сумасшествие какое-то.

У.: В Афганистане все по-другому. Мы же здесь проводим такие... как сказать... вспомогательные, что ли, операции. Не сегодня, конечно, сегодня совсем другое дело.

К.: Какие операции?

У.: Ну это когда войска стараются помочь людям. Знаете, когда раздаем, там, футбольные мячи населению. Смотрим, чтобы у всех все было хорошо. Чтобы школы работали, ну и так далее. Пытаемся поставить на ноги местную полицию.

К.: Понятно.

У.: Ну а здесь все совсем по-другому. Слишком много террористов. Считается, что в конце концов мы должны будем заняться такими вспомогательными операциями и здесь, только это никогда не произойдет. Ситуация здесь слишком серьезная. Когда население начнет возвращаться, вернутся и все террористы.

К.: Понятно.

У.: Здесь еще очень много террористов. Они все трусы. Они стреляют в нас, потом бросают оружие и убегают. Если бы они были готовы драться, пехотинцы смогли бы дать им отпор. Да, конечно, и у нас бывают потери, но мы даем им отпор. Пусть не сомневаются: морская пехота свое дело знает. Им с нами не справиться. Да, иногда у нас бывают потери, иногда. Зато я шестерых сегодня прикончил. А другой мой пехотинец еще троих застрелил. В одной комнате. Им нас не одолеть. Этот пехотинец, которого сегодня ранили, вы бы слышали, что он сказал в бэтэре! «Уолд, убей их всех» – вот что он мне сказал, по-моему. «Уолд, я тебя люблю. Убей их всех». Да я запросто! Если они подонки, значит, надо их прикончить!

К.: Этот пехотинец – ваш близкий друг?

У.: Да, один из самых близких. Я с ним познакомился, как только поступил на службу. Мы с ним дружим.

К.: Его серьезно ранили?

У.: Ну, несколько раз в него попали. Он ранен в плечо и руку. И еще пять пуль попало в бронежилет. Стреляли в упор. Но с ним все будет в порядке. Он сильный парень. Он единственный, кто может меня побороть. Очень сильный. Он в таком же положении, что и я, ему четыре месяца осталось. Его дома тоже ждет невеста, ее даже зовут так же, как мою. *[Кричит пехотинцам.]* Эй, осторожнее там!

[Удаляется со своими бойцами.]

Только потом, несколько раз пересмотрев это интервью, я заметил, что по ответам Уолда можно проследить все шесть стадий реакции на убийство противника в бою, описанные подполковником Дейвом Гроссманом в книге «Об убийстве» (On Killing). Это опасения по поводу убийства, само убийство, чувство эйфории, раскаяние, рационализация, примирение.

Вот что он пишет: «Как и стадии реакции на смерть, описанные Элизабет Кюблер-Росс, они чаще всего, но не всегда, сменяют друг друга. Кто-то может перескочить через некоторые из них или плавно переходить от одной к другой, не догадываясь об их существовании».

Когда Уильям Уолд вернулся домой из Ирака, сначала у него все шло хорошо. Мне рассказала об этом его мать, Сэнди Уолд. Я позвонил ей семь лет спустя после интервью, взятого у ее сына в Эль-Фаллудже. Чтобы пойти в морскую пехоту в 17 лет, Уильяму пришлось заниматься дополнительно и окончить школу экстерном, на год раньше. Ему потребовалось для этого письменное согласие матери. Но после четырех лет службы он почувствовал, что с него довольно.

«Они собирались дать ему сержанта, но он не захотел оставаться там. Он просто снова хотел стать обычным человеком», – рассказывает Сэнди, почти повторяя слова самого Уильяма. Срок его службы в морской пехоте заканчивался в марте 2004-го. А его возвращение из Ирака Сэнди решила отметить, устроив ему и еще двум его друзьям-пехотинцам поездку в Лас-Вегас. Вместе со своим вторым мужем, Джоном Уолдом (отчимом Уильяма, чью фамилию он взял), они встретили ребят в отеле MGM Grand Hotel, где для всех были забронированы номера. Сэнди была счастлива, что ее сын вернулся из Ирака целым и невредимым, и очень хотела, чтобы война для него осталась в прошлом.

Она помнит, как сказала ребятам: «Я не знаю, как мне благодарить вас за то, что вы готовы были отдать за меня жизнь». Чтобы выразить свою благодарность, она даже заказала им в номер стриптизерш по объявлению в газете.

«Они уговорили меня купить им костюмы и арендовать огромный лимузин. И вот они все такие разодетые отправились гулять. Я столько денег потратила, просто смешно, – и она на самом деле смеется, вспоминая тот вечер. – Они втроем так напились, что, когда вернулись в отель, менеджер даже позвонил мне, чтобы уточнить, мои ли это ребята».

Когда к пехотинцам пришли стриптизерши, шум был, как в зоне боевых действий. Около двенадцати кто-то стал долбить в дверь Сэнди.

«На пороге стоял Уилли, пьяный в доску. Он представил мне стриптизерш, без которых я прекрасно могла обойтись, и сообщил, что ему нужно еще \$1200. Я возмутилась, черт подери, но отсчитала деньги, а он радостно продолжил пляски!»

По ее словам, вся эта поездка демонстрирует, насколько близки были их отношения с сыном. Он все время звонил ей, даже из Ирака.

«Он всегда по ночам шел к снайперам, потому что у них были спутниковые телефоны. И почти каждую неделю звонил. Иногда просто чтобы сказать: “Привет, это я! Все в порядке. Разговаривать не могу. Люблю тебя, пока”. Мы с ним были очень-очень близки. Он мне рассказывал абсолютно все. Иногда я даже говорила, что мне не стоит этого знать».

Сэнди впервые почувствовала что-то недоброе после поездки Уильяма к своей девушке. Он познакомился с ней, когда служил в охране президента в Кэмп-Дэвиде. Уильям собирался жениться на ней, но после его возвращения из Ирака они расстались.

«Он улетел к ней, в восточную часть США, но и суток не прошло, как он позвонил мне и попросил забронировать ему место на рейс обратно домой. С ним что-то случилось. “Я глаза не могу закрыть, я не могу спать, – говорит он мне. – Что со мной происходит?” Думаю, он чувствовал, что может просто наброситься на нее в этом состоянии».

Летом, когда Уильям уволился со службы, стало очевидно, насколько серьезны его проблемы.

«Четвертое июля стало для него настоящим испытанием. Соседи начали взрывать петарды».

Уильям просто съехал с катушек.

«Он весь дрожал. Я попыталась его успокоить, но он оттолкнул меня и начал кричать: “Ты понятия не имеешь, что со мной происходит! Ты думаешь, есть кнопка, на которую можно нажать и все прекратить, да? Нет!”. Он весь в поту, ходит туда-сюда по комнате, и в глазах у него такое выражение... Это продолжается полчаса или дольше. Я просто вижу, как у него пульс зашкаливает, еще немного – и у него случится удар. Как мне ему помочь? Надо постараться его перекричать. Власть – вот на что реагируют морские пехотинцы. Ему просто нужно, чтобы кто-то взял ситуацию под контроль. И вот мы кричим друг на друга. Я ору: “Контролируй себя!” И перехожу на армейский язык: “Смирно! Смирно! Смирно!” Раз на пятый срабатывает».

Уолд прекратил кричать и начал успокаиваться. Вероятно, в тот момент он понял, что ему не удалось оставить войну в прошлом, он привез ее домой.

«Потом, я думаю, ему стало стыдно, что он мог меня обидеть, – рассказывает Сэнди. – До отправки в Ирак у него в глазах был блеск, ему было не наплевать на людей. Он взял на себя обязательства перед своей родиной и относился к ним серьезно. А когда он вернулся, то был весь издерган. Я обратилась к психологам, мы сделали для него все что могли... На заднем дворе у нас есть беседка и пруд. Сейчас я с вами как раз из этой беседки разговариваю. Здесь чувствуешь себя уютно, в полном умиротворении. За деревьями никто тебя не увидит. Ему нравилось сидеть в беседке. Так нравилось!.. Сначала он жил с нами, потом купил дом. Но через какое-то время сказал, что не может жить один. Просто не может».

После всего пережитого в Эль-Фаллудже в ноябре 2004-го Уолд, как он сам рассказывал психологам, не мог приспособиться к гражданской жизни. Его мучили кошмары, воспоминания, он находился в эмоциональном ступоре. Ему поставили диагноз: посттравматический синдром в острой форме. По-видимому, вдобавок он был контужен. Мне не удалось найти подробной информации о контузии, но, судя по результатам медицинских анализов, он страдал от когнитивных расстройств, вызванных, по всей вероятности, черепно-мозговой травмой¹¹. Как и многие другие солдаты, вернувшиеся с войн в Ираке и Афганистане с физическими и психологическими травмами, Уолд пытался справиться со своей болью с помощью целого коктейля болеутоляющих средств, миорелаксантов и антидепрессантов.

Судя по медицинской карте Уолда, через какое-то время после возвращения из Ирака он начал злоупотреблять мощным болеутоляющим средством оксиконтинум и постепенно попал в зависимость от этого препарата. Уолд становился все более нервным и раздражительным. В конце концов он заявил матери, что собирается вновь поступить на военную службу. Он провел дома немногим больше года. Значительную часть этого времени он потратил на визиты к врачам, психологам и психиатрам. Но никто из них не помог ему. Ему казалось, что, хотя служба в армии и стала причиной всех его проблем, только там он может почувствовать себя в безопасности. Его болезненному сознанию такие рассуждения представлялись вполне логичными.

«Мои братья позаботятся обо мне», – объяснял он матери.

«Мы целыми часами убеждали его отказаться от этой идеи. Говорили: “Ты только посмотри, что морская пехота уже с тобой сделала. Ты же хотел получить образование. Вот и исполни свою мечту. Посмотри, что с тобой сейчас творится”», – рассказывает Сэнди. Она очень не хотела, чтобы сын возвращался туда, где ему было так плохо.

Но было уже слишком поздно: «Искра в его глазах погасла. Внутри у него была только пустота».

Дальше дела пошли еще хуже. Уильям вернулся в армию. Ему дали звание сержанта и зачислили в 1-й бронепехотный разведывательный батальон. Сэнди утверждает, что он не хотел больше возвращаться в зону боевых действий. Он предпочел бы чинить оружие на

¹¹ Врачи клиники Майо так определяют черепно-мозговую травму: «...результат толчка или сотрясения, вследствие которого мозг ударяется о внутреннюю часть черепа, либо результат проникновения в мозг какого-нибудь объекта, например, пули или осколка кости черепа. Легкая травма приводит к временной дисфункции клеток головного мозга. При более тяжелых травмах наблюдаются гематомы, разрыв тканей, кровотечения и другие повреждения головного мозга, что может привести к долгосрочным последствиям или смерти. Согласно данным исследования корпорации Rand «Невидимые раны: Психическое здоровье и когнитивные проблемы военнослужащих США, участвовавших в боевых действиях», 320 000 из 1,64 млн солдат, служивших в Ираке, перенесли какую-либо разновидность черепно-мозговой травмы.

какой-нибудь базе. Его боевой опыт сначала вызывал уважение новых сослуживцев, но, когда узнали о его лекарственной зависимости, уважение быстро исчезло.

Более того, он рассказал матери, что однажды ночью трое пехотинцев набросились на него, пока он спал, и избили так сильно, что он стал заикаться.

Сэнди объясняет это так: «Ему снились кошмары, и им это надоело».

Зависимость Уолда стала настолько очевидной, что его поместили в стационар, где он должен был пройти курс реабилитации. Когда ему не удалось успешно пройти программу, его перевели в медицинский центр ВМС для решения вопроса об увольнении по состоянию здоровья. Всего за несколько лет он превратился из бесстрашного воина, прошедшего боевое крещение в одном из самых опасных сражений в современной истории, в наркомана с психическими проблемами, которого должны были выгнать из армии, некогда принесшей ему столько славы.

9 ноября 2006 года Уолд провел с двумя своими друзьями, Джошуа Фреем и Натаниэлем Леонсио. К вечеру они отправились в салон татуировок. У Уолда уже было семь, и он сделал еще одну. На внутренней части предплечья он выбил женщину, орла и надпись: «Плохой американский парень».

Они пришли в его комнату примерно в половине седьмого вечера, собираясь посмотреть фильм. В отчетах следователей и врачей говорится, что Уолд хотел принять таблетки, но один из его друзей напомнил ему, что он в тот день уже пил их. Судя по всему, Уолд часто по рассеянности выпивал двойные или тройные дозы. Он прилег на кровать, засунув в рот кусок жевательного табака, как привык делать перед сном в Ираке. Позже он сказал друзьям, что неважно себя чувствует. Они ушли в 23:30, пообещав вернуться утром и забрать его на прогулку, которую запланировали на выходные.

Когда Фрей и Леонсио вернулись девять часов спустя, на их стук никто не ответил. Они сообщили об этом охране медицинского центра и взломали дверь. По их словам, Уолд лежал в той же позе, как они его оставили, на кровати поверх одеяла, с пачкой табака на груди. Только он уже не дышал. Фрей и Леонсио попробовали сделать искусственное дыхание и вызвали врачей, которые поместили его в реанимацию медицинского центра. Но все было напрасно. Они заметили у него в уголках рта розоватую пену.

Несмотря на усилия врачей, им не удалось запустить его сердце. Час спустя, в 9:35 утра, официально была зарегистрирована его смерть. Уильяму Кристоферу Уолду было 23 года. Он умер 10 ноября 2006 года, за два дня до двухлетней годовщины событий в Эль-Фаллудже, когда он застрелил шестерых повстанцев в мечети и дал мне интервью.

Конечно, я помнил о нашей с ним встрече. Но о смерти его узнал только год спустя. Я работал со своим другом Джефффри Портером над документальным фильмом об Ираке, и он упомянул, что смотрел мое интервью с Уолдом. Мы решили использовать его в фильме, но подумали, что неплохо было бы узнать, чем Уолд занимается сейчас. Портер навел справки у бывших сослуживцев Уолда, и ему сказали, что тот совершил самоубийство. Мы оба были поражены. Когда я разговаривал с Уильямом, ничто не предвещало его близкой смерти. Он казался мне живым, энергичным. Его ответы были не всегда последовательны, но честны. Он убивал людей – именно этому его и учили. Но сам при этом был невероятно ранимым. Мне бы и в голову никогда не пришло, что Уолд может покончить жизнь самоубийством. Несомненно, у него были сильно развиты чувство долга и целеустремленность. Кроме того он очень любил свою семью. Тогда у нас не хватило средств и времени завершить съемки фильма, так что мы занялись другими проектами. Но, начав работу над книгой, я захотел узнать больше о жизни и смерти Уильяма Кристофера Уолда. Я решил поговорить с его семьей, спросить, что произошло после его возвращения из Ирака. Сначала я запросил копии заключения судмедэксперта округа

Сан-Диего, результатов вскрытия и токсикологической экспертизы. Смерть Уолда оказалась, пожалуй, в каком-то смысле еще более досадной и обидной, чем если бы это было самоубийство. Судя по всему, он умер от случайной передозировки.

Как я узнал из полученных документов, психиатры, у которых наблюдался Уолд, рассказали сотрудникам Службы криминальных расследований ВМС, что ему были прописаны следующие препараты: флуокситин (более известный как прозак и использующийся для лечения депрессии), кветиапин (или сероквел, применяемый при лечении психозов, часто при шизофрении или депрессии вместе с другими лекарствами), клонидин (средство от высокого давления), дивалпрокс (или депакот, используемый для лечения мании, депрессии, эпилепсии, мигреней) и клоназепам (известный как клонопин, успокоительное средство, снижающее электрическую активность мозга, ведущую к эпилептическим припадкам и приступам паники).

После смерти Уолда следователи обнаружили в его комнате пустые флаконы из-под прописанных лекарств, но и кое-что еще.

Из заключения судмедэксперта округа Сан-Диего, 19 декабря 2006 года: «В комнате был также обнаружен небольшой пластиковый пакет с таблетками. Пакет был маркирован как сероквел, но согласно данным экспертизы таблетки оказались метадон. Следователи уточнили у психиатра погибшего, какие лекарства ему были прописаны. Врач подтвердил, что погибшему были прописаны прозак, сероквел, клонидин, дивалпрокс и клонопин и что, судя по обнаруженным в комнате погибшего препаратам, тот принимал их согласно рецепту. Однако метадон погибшему прописан не был, и тот получал его не от своего лечащего психиатра. Следователи не обнаружили признаков борьбы, насилия, предсмертную записку или запрещенные лекарственные средства».

Через семь дней после смерти Уолда сотрудник Службы криминальных расследований ВМС связался с заместителем судмедэксперта округа Сан-Диего, чтобы получить дополнительную информацию, включенную в отчет о следствии по делу.

Из заключения судмедэксперта округа Сан-Диего, 19 декабря 2006 года: «Друзья погибшего Натаниэль Леонсио и Джошуа Фрей показали, что после того, как они сделали татуировки, погибший предложил им принять таблетки, чтобы снять боль. Таблетки он достал из кармана. Они отказались, но сам погибший принял как минимум одну. По их словам, она начала действовать перед их уходом, тогда погибший взял табак и лег на кровать. Утром они нашли его в той же позе, что и перед уходом».

Вот к какому выводу пришел судмедэксперт о вероятной причине смерти:

«Результаты вскрытия, 11 ноября 2006 года, 9:11: Токсикологическая экспертиза подтвердила наличие следующих препаратов: methadone (0,32 мг/л), fluoxetine (0,20 мг/л), norfluoxetine (0,33 мг/л), 7-aminoclonazepam (0,07 мг/л) и nordiazepam (незначительное количество). Концентрация метадона в крови достаточна для летального исхода. Концентрация других препаратов либо незначительная, либо допустимая, однако они могут усиливать седативное действие метадона.

Учитывая вышесказанное и известные обстоятельства смерти, ее причиной с наибольшей вероятностью является передозировка метадона, клоназепама, диазепама, флуоксетина, и произошла она случайно.

*Стивен Кампман,
доктор медицины, заместитель судмедэксперта.*

По мнению врачей, Уильям Кристофер Уолд помимо прописанных ему лекарств принимал также метадон – средство, используемое при лечении героиновой зависимости. Метадон уменьшает проявления абстинентного синдрома, но, в отличие от героина, не вызывает чувства эйфории. По данным Национального центра сведений о лекарственных средствах при Министерстве юстиции США, злоупотребление находящимся в свободной продаже метадоном встречается все чаще, особенно среди людей, зависимых от героина или оксиконтин. В результате приема лекарства замедляется дыхание, появляется сердечная аритмия. Поэтому передозировки препарата крайне опасны и могут привести, в частности, «к затрудненному дыханию, замедлению сердечного ритма, снижению кровяного давления, коме, смерти».

По мнению судмедэксперта, другие препараты, обнаруженные в крови Уолда в незначительных количествах, могли оказать дополнительное седативное воздействие на его организм. Возможно, это приводило к тому, что Уолд забывал, какие препараты и в каком количестве он принимал.

Несмотря на все это, Сэнди настаивает на том, что в смерти ее сына много непонятного. Так думала бы любая мать на ее месте. Сэнди работает в детективном агентстве, поэтому ее заявления звучат вполне обоснованно. Например, ей показалось подозрительным, что она получила страховые выплаты еще до того, как ей вернули тело Уильяма. Может быть, кто-то надеялся, что тогда она не будет задавать лишних вопросов? Более того, она утверждает, что стала получать анонимные телефонные угрозы, когда попыталась выяснить подробности смерти сына. Однако она отказалась рассказать что-либо о характере угроз.

Первоначально я нашел ее контакты через Интернет. Я искал фотографии Уильяма, и на одной из них увидел ее. Фотография была размещена на сайте об автогонках, созданном Сэнди и ее мужем Джоном. Сэнди стала интересоваться гонками вскоре после того, как врачи поставили ей диагноз, изменивший ее жизнь.

«В 1991 году мне поставили диагноз “рассеянный склероз”, – рассказала мне Сэнди по телефону. – Однажды утром я проснулась, а вся левая сторона парализована. До этого я иногда чувствовала слабость в ногах, и в глазах все двоилось, но я не придавала этому значения. Мне сделали МРТ и поставили диагноз – рассеянный склероз. Невролог сказал, что я больше никогда не смогу ходить».

Сэнди с азартом приняла этот вызов судьбы. Она справилась с болезнью и не только начала снова ходить, но и села за руль гоночной машины. Теперь это их с Джоном хобби.

«Уилли очень нравилось, что я участвую в гонках», – говорит она. Он тоже хотел стать гонщиком. Но после возвращения из Ирака он не мог справиться даже с собственными нервами, так что гоночный автомобиль ему бы никто не доверил. Джон рассказал, что они использовали часть страховки, полученной после смерти Уильяма, на покупку машины для Сэнди.

«Я многому научилась от своего сына, хотя он и прожил так недолго», – написала она мне в одном из писем.

Сэнди никак не может понять, почему Уильям, выживший в одной из самых опасных горячих точек со времен вьетнамской войны, не смог пережить возвращение домой. Ее сын достойно исполнил свой долг морского пехотинца, защищая сначала президента, а потом и весь американский народ во время командировки в Ирак. А вот морская пехота не смогла защитить ее сына. Так же считают Джонатан Шей и другие врачи, работающие с ветеранами,

вернувшимися из зоны боевых действий. «Когда вкладываешь ребенку в руки оружие и отправляешь его на войну, – сказал мне Джонатан во время интервью, – ты навсегда остаешься в долгу перед ним за то, что будет с его душой».

Сэнди знает, как высоко Уильям ценил солдатское чувство товарищества. Но она знает и то, чем обернулась для ее сына служба в армии. Несмотря на это, она похоронила его в форме морского пехотинца. Она видела у него на груди справа еще одну татуировку: сложенные в молитве руки и надпись: «Только Бог может судить».

Штаб-сержант Микеал Отон, Армия США,
1-й батальон 4-го пехотного полка.
Война в Ираке (2004 и 2006 гг.)

Глава 2

Нажать на спусковой крючок

«Когда я попал сюда, оказалось, что нажать на спусковой крючок не так сложно, как я думал. Может быть, только в первый раз».

Со штаб-сержантом пехоты Армии США Микеалом Отоном я познакомился весной 2004-го в Ираке. Ему был 21 год, и он убил 12 человек в бою. Подразделение 1-й бронетанковой дивизии, в котором он служил, заняло позиции недалеко от священного города шиитов Кербела. Был еще только май, но испепеляющая жара заставляла бойцов 3-го взвода растягивать брезенты и маскировочные сетки между боевыми машинами пехоты Bradley и танками Abrams в поисках хотя бы какой-то тени. Настроение у солдат было подавленное, однако вовсе не из-за жары. После года пребывания в Ираке дивизия должна была возвращаться домой. Но теперь им было приказано остаться еще на три месяца. Из-за восстания суннитов в Эль-Фаллудже и шиитов в Кербеле и Эн-Наджафе вся операция союзнических войск оказалась под угрозой. Опытной и мощной 1-й бронетанковой дивизии было приказано отправиться на юг для противодействия «Армии Махди» шиитского лидера Муктады ас-Садра. Стычки с боевиками происходили постоянно. Шиитские бойцы были плохо вооружены и не имели никакой тактики, но их было много, и сражались они ожесточенно. Их манеру обращаться с оружием американские и британские солдаты презрительно прозвали «навывлет». Они переводили свои калашниковы в автоматический режим стрельбы и поднимали их как можно выше над головой. В результате автоматы зачастую просто выпадали у них из рук и задевали своих же. Но их было так много, что солдатам становилось не по себе при одной мысли о том, скольких человек они убивали в каждом бою. Они рассказывали мне, что просто стреляли по толпе с двух сторон перекрестным огнем, словно зомби из какого-нибудь второсортного фильма.

В перерывах между перестрелками солдаты 3-го взвода, как и любые другие солдаты, чистили оружие, играли в карты, валяли дурака. Я наблюдал, как они подшучивали друг над другом, иногда не совсем безобидно. А в какие-то моменты вдруг становились легкоранимыми, невинными школьниками, какими почти все они были всего год или два назад. Но потом они делали то, о чем я писал в статье, опубликованной на сайте MSNBC.com:

«Один солдат передает другому клочки разорванного американского флага. На них ручкой написано: “Грязь за грязь”. Это своего рода визитные карточки, которые они собираются оставить на трупах врагов, несанкционированный акт устрашения. Чтобы армия Муктады ас-Садра знала, с кем имеет дело. Он же рассказал мне, как однажды шиитский боевик выскочил из боковой улицы и начал палить из АК по американскому танку. “Мы видели, как башня танка развернулась в сторону боевика и выстрелила. В парне вот такая дырка получилась!” Он показывает руками размер “дырки” – не меньше суповой тарелки».

У Отон, как я заметил, на ремне висела какая-то цепочка, другой конец которой был спрятан в кармане камуфляжных штанов. Я попросил показать, что на ней. Он вытащил цепочку из кармана и продемонстрировал маленькую книжку. Он раскрыл ее и начал листать справа налево. Страницы были испещрены арабской вязью. Это оказался миниатюрный Коран. Отон объяснил, что это подарок его девушки-турчанки, с которой он познакомился в Германии, где базировалось его подразделение.

Конечно, в том, что американский солдат, христианин, в бой против мусульман берет с собой Коран, была определенная ирония. Но больше меня удивило то, что Отон полностью игнорировал все насмешки сослуживцев по этому поводу. Военные часто возят с собой талисманы, и Отон верил, что Коран приносит ему удачу. В его поведении чувствовалась уверенность человека, который не должен никому ничего доказывать и уж тем более –

объяснять причины своих поступков. Но он вполне откровенно общался с теми, кому это было интересно. И я спросил у него, как он относится к убийствам, которые ему пришлось совершить.

«Когда я попал сюда, оказалось, что нажать на спусковой крючок не так сложно, как я думал. – Мы сидели в его машине с открытым люком. – Может быть, только в первый раз. Тогда я подумал: “Надо же, я убил человека, а может быть, это был обычный человек, он просто защищал свою семью!” Но потом говоришь самому себе, что нет, он же бегал тут с автоматом и стрелял в нас. И все. Все забываешь и двигаешься дальше».

Отон действительно смог справиться с эмоциями, но не забыл подробности своего первого убийства. Это произошло в суннитском квартале Багдада Аль-Адамийя. Задачей взвода Отона было оказывать поддержку другим подразделениям по мере необходимости.

Однажды ночью взвод отправился на задание. Едва их танки и боевые машины пехоты Bradley вошли в Аль-Адамийю, как их обстреляли из гранатометов и автоматов. Экипаж большинства боевых машин состоит из трех человек: командира, водителя и наводчика орудия. Перевозит Bradley шесть или семь солдат в специальном небольшом отсеке. Если по металлу бьют из автомата, кажется, как будто находишься в стальном барабане, по которому бьют со всех сторон. Эффект от удара из гранатомета намного хуже. Напоминает взрыв глубинной бомбы такой силы, что звенит не только в ушах, но и как будто во всем теле.

Выйдя из машины, Отон и другие бойцы укрылись за зданиями. Когда началась перестрелка, все правила просто вылетели у них из головы. Любой, кто оказывался в зоне дальности стрельбы, становился мишенью.

«Мы с командиром отделения были в укрытии за углом здания, – рассказывает Отон, – и увидели, что к нам идет какой-то человек, руки в карманах».

Было непонятно, вооружен ли он. Командир приказал стрелять. Отон навел оптический прибор винтовки М-4 на голову человека, медленно нажал на спусковой крючок. Они были довольно далеко от цели, так что выстрел получился не совсем точный, но человек все равно упал.

«Я попал ему в шею с расстояния 200–240 метров. Он упал на колени, хватая ртом воздух».

Отон и командир подошли ближе. Раненый еще был жив, но лежал на земле, не двигаясь. Руки он по-прежнему держал в карманах.

«Что мне сделать?» – спросил Отон у командира. Тот сомневался всего несколько секунд.

Выбор, убить или не убить раненого противника, неоднозначен. Солдату будто выпадает еще один шанс подумать, должен ли он отнимать чью-то жизнь. Но какое решение принять? Выполнить первоначальное намерение и убить человека? Или наблюдать за страданиями раненого и позволить ему умереть или выжить, не вмешиваясь?

Эту мучительную дилемму описывает Эрих Мария Ремарк в романе «На западном фронте без перемен». Немецкий солдат Пауль ранит французского военного, попавшего в его окоп. Француз умирает долго и мучительно, на глазах у Пауля: «О, эти долгие часы! Я снова слышу хрип. Сколько же времени нужно человеку, чтобы умереть? Я ведь знаю: его уже не спасти. Сначала я еще пытаюсь убедить себя, что он выживет, но в середине дня этот самообман рухнул, разлетелся в прах, сметенный его предсмертными стонами. Если бы только я не потерял револьвер, я бы пристрелил этого человека. Заколоть его я не могу»¹².

Отону и его командиру здесь, на улице иракского города, придется сделать выбор. Этот

¹² Ремарк Э. На Западном фронте без перемен. – М.: Правда, 1985.

человек больше не представляет опасности? Или же он может причинить какой-то вред? Решение, которое они примут, скажется на всей их дальнейшей жизни. Оно должно быть оправданным – с точки зрения и морали, и закона.

Командир отделения решил, что иракец еще может представлять угрозу. «Заканчивай с этим», – приказал он Отону. Тот опять прицелился.

«Я дважды выстрелил ему в висок с расстояния полуметра». Пули выбили мозг, по улице растеклась темно-красная лужа крови. Они обыскали убитого и обнаружили в кармане осколочную гранату с еще не выдернутой чекой. Отон и командир снова укрылись за углом здания. Похожие инциденты повторялись несколько раз в течение ночи. Когда они замечали кого-то на улице, командир освещал его своим фонарем, а Отон стрелял.

«Я же здесь не в благотворительной организации», – объясняет Отон совершенно спокойно, без всякой напускной бравады. Для него это вопрос целесообразности: «Не надо на этом заикливаться. Да, какое-то время испытываешь угрызения совести, какое-то время думаешь о сделанном. Но в тот момент просто некогда было размышлять. Надо просто радоваться, что сам остался в живых».

Шесть лет спустя я написал Отону. Он служит все в том же подразделении, по-прежнему базирующемся в Германии. Он получил звание штаб-сержанта и теперь командует взводом. Отон доволен своей карьерой в армии. Его отношение к службе не изменила и вторая командировка в Ирак, куда он снова попал два года спустя после нашей встречи в Кербеле. Он не собирается уходить из армии, считает это своей профессией. Отон порвал с девушкой-турчанкой после возвращения из Ирака, но по-прежнему носит повсюду с собой свой талисман.

«Да, я все еще ношу тот Коран с собой. Он останется при мне до самой смерти. И в Ирак я его с собой возил, хотя с девушкой мы уже два года к тому времени не встречались. Нас направляют в Афганистан, я его обязательно возьму».

Отношение Отона к убийству тоже не изменилось, хотя у него и прибавилось опыта и ответственности. Вот что он написал мне: «Я провел в горячих точках довольно много времени. И я чувствую определенную гордость за все, что делал. Не сомневаюсь, что те, кого я убил, при малейшей возможности убили бы меня или кого-то из моих товарищей. Поэтому я рад, что убил их. Уверен, что таким образом спас много жизней и сделал бы то же самое еще миллион раз, если бы это понадобилось моим боевым товарищам или моей стране».

Тем, у кого нет подобного опыта, эти слова могут показаться наигранно патриотичными или даже жестокими, однако за время общения с Микеалом Отон я убедился в том, что он разумный и уравновешенный человек. Но в отличие от многих своих товарищей, которые так и не смогли примириться с совершенными или увиденными убийствами, его, по крайней мере сейчас, не тревожит та опасная работа, которой он занимается вот уже треть своей жизни.

Психиатров, психологов, социологов, антропологов и других ученых давно интересуется вопрос о том, как человек, отнявший чью-то жизнь, примиряется с этой мыслью. Большое внимание в этой связи уделяется юнгианской концепции Тени. Впервые швейцарский психиатр Карл Юнг изложил ее в книге «Психология и религия: Запад и Восток»: «У каждого есть тень, и чем меньше она проявляется в сознательной жизни, тем она темнее».

Это западный вариант китайского учения об «инь» и «янь», двух противоположных, но взаимозависимых началах, о светлом и темном, мужском и женском. Но если «инь» и «янь» не обязательно ассоциируются с добром и злом, то Тень по Юнгу – воплощение темных сторон человеческой природы и в то же время отражение творческого начала. Многие специалисты использовали понятие Тени для объяснения способности человека совершить убийство и его реакции на него.

В книге «Воины: размышления о мужчинах в бою» ветеран Второй мировой войны Гленн Грей пишет: «Стать солдатом было подобно бегству от собственной тени. Насилие, не предусматривающее обычных последствий со стороны общества, сначала казалось неестественным, но для многих даже приятным. К сожалению, слишком быстро это может стать привычкой».

Для редких людей Тень является доминантной, или сознательной, а не бессознательной силой в жизни. Их обычно называют социопатами или психопатами. В книге «Социопат по соседству» доктор Марта Стаут пишет, что у 4 % американцев отсутствует способность к состраданию и раскаянию, даже когда речь идет об убийстве. Данных о численности социопатов в вооруженных силах нет (существуют специальные психологические тесты, направленные на отсеивание таких людей из рядов военнослужащих). Но, вероятно, их должна привлекать профессия, в которой отсутствие эмоций перед лицом смерти могло бы расцениваться как преимущество.

Что касается остальных 96 %, то способность убивать обусловлена их теневой половиной, а с последствиями содеянного вынуждена справляться другая их же половина. Для одних ноша оказывается слишком тяжелой, независимо от того, при каких обстоятельствах произошло убийство. Другим удастся изолировать и нейтрализовать свои воспоминания, так что они не мешают им вести нормальную жизнь. Вероятно, для этой группы людей определяющими являются ранние жизненные впечатления. Именно от них зависит, сможет ли человек, участвовавший в боевых действиях, контролировать Тень не на войне.

По-видимому, история Отона как раз и подтверждает это предположение. Суровая жизнь сельской бедноты подготовила его к тому, что пришлось делать на войне.

В телефонном разговоре Отон объяснил мне: «Если честно, как бы странно и непонятно это ни звучало, надо просто забыть обо всем пережитом. Нельзя жить прошлым, надо жить настоящим».

Я отнюдь не осуждаю Отона. Наоборот, искренне уважаю его способность сохранять невозмутимость в очень сложной ситуации. Я завидую силе его характера, решительности и целеустремленности. Я стал причиной смерти другого человека из-за равнодушия и несообразительности, даже не нажав на спусковой крючок. И все же мой поступок часто заставлял меня сомневаться в ценности и смысле собственной жизни.

А для Отона очевидно стремление жить настоящим, учитывая, что его детство прошло в городке Ленуар в Северной Каролине, на границе с заповедником Чероки, примерно в 40 км к северо-западу от Шарлотт. В семье Отона было четверо детей: старшие брат и сестра и младший брат.

«Я вырос в очень бедной семье. Помню, иногда мне приходилось греть воду на керосинке, чтобы умыться, – рассказывает Отон. – Мне всегда было известно, что у нас сегодня на обед, потому что мы ели одно и то же: капусту и картошку».

Родители Отона развелись, и мать больше интересовалась мужчинами, чем воспитанием собственных детей.

«Мы были очень близки с сестрой, и из всей семьи я до сих пор поддерживаю отношения только с ней. Однажды мы вернулись из школы и нашли на столе записку и деньги, долларов триста, по-моему. Мне тогда было лет десять. В записке было сказано, что это плата за квартиру за два месяца вперед и хорошо, если мы найдем, где жить». Их мать уехала с мужчиной, которого встретила несколько недель назад.

Сестре Отона было пятнадцать. Она встречалась с парнем постарше, и его семья забрала их обоих к себе и в течение восьми лет заботилась о них, по словам Отона, как о собственных

детях.

В последнем классе школы у Отона начались проблемы. Он ушел от приемных родителей, поселился с друзьями, начал пить, связался с уличной шпаной. В школе тоже было не все гладко, ему едва удалось избежать отчисления. Сестра вышла замуж за того парня, чьи родители воспитали их. Отон ничего не знает ни о матери, ни о братьях. С отцом он тоже порвал отношения, когда тот отказался забрать детей после исчезновения матери. По словам Отона, ему от многих приходилось слышать, что они плохо кончат, потому что их бросили родители. Ему захотелось доказать, что они неправы, и добиться чего-то жизни. Поэтому он и решил поступить на военную службу.

Армия стала для Отона настоящей семьей. Она дала ему все, что его собственная семья не смогла: еду, жилье, одежду, деньги и, что не менее важно, общение и возможность делить с другими свои радости и горе. Армия помогла Отону почувствовать себя частью коллектива. Но именно прошлое научило его не давать волю эмоциям. Он сумел оставить трудное и несчастливое детство позади и научился жить настоящим. Этот опыт позволил ему пережить и травмы войны.

Конечно, ему не всегда было легко. Когда Отона повысили и он стал отвечать за жизнь и благополучие своих подчиненных, ему пришлось сблизиться с ними. А это сделало его более уязвимым. Но и здесь Отон сумел удержать свои чувства под контролем. Во время второй командировки в Ирак его подразделению было приказано освободить захваченный повстанцами город Эр-Рамади в суннитском районе Анбар. В отделении Отона служил 22-летний сержант Эдвард Шеффер. Всеобщий любимчик, Эдвард был настолько умным и сообразительным, что его прозвали Мозгом. В ноябре одна из боевых машин подразделения подорвалась на самодельном взрывном устройстве. За рулем был Шеффер. Его выбросило из люка, он упал на землю весь в огне. Огонь потушили, но ожоги оказались настолько серьезными, что Шеффер умер. Отон признает, что смерть Эдварда сильно повлияла на него:

«Это была не столько грусть, сколько злость. Он был так молод. От этого еще больше хочется оставаться там и найти их [нападавших]. Не знаю уж, нашли ли мы именно того, кто виновен в его смерти, зато убили многих других. Мы окружили территорию и в течение следующих трех часов организовали несколько рейдов. Это была настоящая облава, никаких поправок».

Гибель товарищей пережить непросто. Но в целом Отон был менее эмоционален, чем большинство его сослуживцев, поэтому ему легче было понять и принять некоторые вещи. Например, убивая врагов, Отон просто выполнял свою работу. Он не чувствовал необходимости ненавидеть или унижать их. Если кто-то представлял угрозу, его надо было устранить. Но он считал противника равным себе, видел в нем такого же солдата, как он сам. Он мог уважать его, если тот оказывал достойное и упорное сопротивление. Так, например, он рассказал один случай, произошедший с ним на западной границе Ирака.

В каком-то амбаре отделение Отона обнаружило спрятанные в сене взрывчатку и «пояса шахида». Они продолжили обыск в соседнем доме. Солдаты осматривали этаж за этажом и, когда дошли до последнего, ничего не обнаружив, расслабились. Вдруг они услышали звук, который ни с чем нельзя спутать: скрежет металла о бетон. По полу к ним катилась граната. «Граната!» – закричал кто-то из солдат, и все бросились в укрытие от осколков металла, разлетавшихся по комнате. Атака была настолько неожиданной, что, казалось, гранату бросил человек-невидимка.

«Мы знали, что в комнате никого нет, значит, он должен был скрываться где-то в самой стене», – рассказывает Отон. Они вызвали саперов (об их работе рассказывается в получившем «Оскара» фильме «Повелитель бури»). Те с помощью пластиковой взрывчатки C4 снесли часть

дома. Когда пыль от взрыва рассеялась, стал виден вентиляционный канал за лестницей. Если нападавший укрывался там, он должен был погибнуть. Но вскоре солдаты поняли, что ошиблись, поскольку в них начали стрелять. В ответ они изрешетили вентиляционный канал пулями, но стрелок продолжал свое.

«Я сам бросил туда пять гранат, но он не сдавался», – смеется Отон. Перестрелка продолжалась несколько часов, и тогда саперы просто взорвали все, что оставалось от здания. Когда пыль осела, они увидели снайпера, лежащего на груде бетона. Случившееся дальше повергло всех в изумление. Казалось, это не человек, а робот и его невозможно убить.

«Этот тип поднялся, нашел свой автомат и повернулся к нам. Не знаю уж, наверное, сидел на адреналине или еще на каких-то таблетках», – вспоминает Отон. Кто-то из солдат метнул гранату, положив конец пятичасовой перестрелке.

«Таких, как он, нечасто встретишь. Он мог бы спрятаться, и мы бы никогда его не нашли. Его храбрость, его характер нельзя не уважать. Я очень хорошо его помню: худое, гладко выбритое лицо, черные волосы, черная футболка, джинсы. И все тело изранено осколками гранаты».

Сейчас Отона ждет третья командировка, на этот раз в Афганистан. Он помолвлен с немкой, но не уверен, что их отношения сложатся удачно. Она не хочет никуда уезжать из Германии. Отон говорит, что тоже любит эту страну, но все зависит от того, куда направят его подразделение. Армия заменила ему семью, именно здесь он нашел свое призвание. Он уверен, что никогда не уйдет с военной службы, сколько бы еще командировок в горячие точки ему ни предстояло. Это его работа, и, несмотря на все, что ему довелось пережить, именно она придала его жизни стабильность, подарила ему чувство покоя и цели. Вот что он написал мне:

«Военная служба – самая простая работа, какую только можно вообразить. Все, что от вас требуется, – это быть в нужном месте в нужное время и исполнять приказы. И чем выше звание, тем лучше работа. Сейчас моя задача – отдавать распоряжения и обучать солдат. Мне нравится этим заниматься. Я могу выйти на пенсию в 39 лет. Какая-нибудь гражданская должность может мне предложить такое? Кроме того, все оплачено. Единственный минус – опасность для собственной жизни и необходимость отнимать чужие. Но и с тем и с другим мне удалось примириться».

P.S. В марте 2012-го я получил письмо от Отона. В октябре прошлого года он женился в маленьком немецком городке Вецлар. Кроме того, он прошел предварительный отбор в войска специального назначения в Форт Брагг, Северная Каролина, всего в сотне с небольшим километров от того места, где вырос. Осенью начнется первый из пяти этапов курсов переподготовки. Если Отон успешно завершит этот курс, он наденет форму одного из элитных, хорошо подготовленных и знаменитых подразделений Армии США – легендарных «зеленых беретов».

Часть II

Боевые раны

Каково это, когда в тебя попадает пуля или осколок гранаты?

Самое яркое и лучшее, что было в моей жизни, – это война. Лучшие нее уже ничего не будет. Но и самое темное, отвратительное – это тоже война. Хуже нее тоже ничего не будет. Так я прожил свою

ЖИЗНЬ.

Аркадий Бабченко,
русский солдат и журналист. Из книги «Война одного солдата».
Аркадий Бабченко служил по призыву в первой Чеченской
кампании в 1995 г. и добровольцем во второй – в 1999-м.

Младший капрал Джеймс Сперри, Морская пехота США,
3-й батальон 1-го полка корпуса морской пехоты.
Война в Ираке (2004 г.)

Глава 3 Чувство вины

Мне всего 24 года, но я пережил столько, что никому не пожелал бы.

Спасение может прийти оттуда, откуда его совсем не ждешь. В моем случае это оказалось письмо от 24-летнего ветерана из Лебаноны, штат Иллинойс:

«Уважаемый мистер Сайтс,

Вы были прикомандированы к 3-му батальону 1-го полка морской пехоты во время операции «Ярость призрака». Я – тот раненый пехотинец, которого вы помогли спасти. Я хотел сказать, как вам благодарен. И еще я хотел спросить, не осталось ли у вас фотографий меня или моих погибших товарищей. В той войне погибло двадцать моих друзей, и я хотел бы найти как можно больше их фотографий. Я заплачу, сколько захотите. Еще раз огромное спасибо за все. Моей дочери уже три года, и, если бы не вы, она никогда бы не появилась на свет. Я перед вами в долгу. Спасибо,

Джеймс Сперри».

В тот момент я находился в глубочайшей депрессии. По утрам, когда из зеркала на меня смотрело собственное уставшее и опухшее лицо, я задавался вопросом, есть ли у меня вообще право на жизнь. У меня ничего не выходило с книгой, были серьезные проблемы с алкоголем: почти каждый день я выпивал по бутылке водки или виски. Моя жизнь потеряла смысл и

надежду после возвращения с войны. И на какой-то, пусть недолгий, момент письмо Джеймса Сперри вернуло мне и то и другое.

На самом деле я не заслужил его благодарности, хотя и помог поднять его носилки. Я всего лишь присоединился к пятерым пехотинцам, так что вряд ли меня можно считать его спасителем. Благодарить ему нужно санитаров и хирургов. Я просто помог переместить его из автомобиля в самолет для эвакуации. Я действительно был прикомандирован к подразделению Джеймса, но впервые его увидел только раненным. Это произошло в первый день наступления пехоты. Он лежал на спине в узком проходе с перевязанной головой. Видимо, был в состоянии шока. Снимая его на видео, я заметил темно-красные четки на ремне его камуфляжа. Я тогда подумал: интересно, не поколебало ли ранение его веру в свой талисман. Может быть, наоборот, укрепило? Только несколько лет спустя я узнал, что это были даже не его четки.

Очень странно, что именно письмо Джеймса так ободрило меня. Я хорошо помнил тот день, о котором он говорил. Но не потому, что совершил тогда нечто достойное похвалы, а, наоборот, потому что не смог помочь другому человеку. Хотя я помог ему, чему очень рад, но за несколько часов до этого я оставил истекать кровью раненого иракца (этот инцидент описан во введении). Письмо Джеймса не оправдывает моего бездействия, но напомнило о том, что я сделал, и в данный момент это было для меня очень важно.

Во время учебы в Гарварде я начал общаться со Сперри по Skype. Выяснилось, что у него такие же проблемы, что и у меня. Как и я, он пытается справиться с ними с помощью алкоголя. Кроме того, он курит марихуану и ежедневно принимает с десятков прописанных ему лекарств. Иногда он пропадает на несколько недель, перестает отвечать на звонки, игнорирует мои письма. Потом появляется снова. Я понимаю, что нужно встретиться с ним лично, если хочу узнать всю его историю. Наконец мне удается договориться, что я заеду к нему домой на денек во время рождественских каникул, по пути к родителям в Аризону. Он соглашается, но опять исчезает. Я уже готов отказаться от визита, когда он снова появляется, всего за пять дней до запланированной поездки.

Полшестого вечера, и уже темнеет, когда я подъезжаю к дому Сперри в узком неосвещенном переулке городка на юге штата Иллинойс, минутах в сорока езды от Сент-Луиса. Два дня до Рождества. Как можно было ожидать в это время года, мой рейс многократно откладывался из-за непогоды и слишком большого числа пассажиров. Я должен был приехать еще пять часов назад. Машины перед домом нет, в окнах не горит свет, и я еще раз проверяю адрес: вроде бы все верно. Другие дома и дворы в переулке украшены пластиковыми Санта-Клаусами и гирляндами лампочек. Это единственное освещение в переулке. На доме Сперри никаких украшений нет. Я стучу в дверь. Мне немного не по себе, кажется, будто я без спроса вторгаюсь в чужую жизнь. Да, наши пути пересеклись во время боя за Эль-Фаллуджу, но на самом деле нас ничего не связывает.

В последние два месяца мы общались со Сперри, рассказывали о пережитом за годы, что прошли с нашей встречи в Ираке. Научиться доверять друг другу было непросто. Во-первых, у Джеймса не так много свободного времени, у него же трехлетняя дочь. Во-вторых, его физические и психологические травмы настолько серьезны, что он ни дня не может прожить без целого коктейля лекарств: клоназепам от приступов ярости, циталопрам для поддержания нормального уровня адреналина, гидрокодон от головной боли, миртазапин и амбиен от бессонницы, празосин, чтобы не снились кошмары. Еще Сперри приходится постоянно носить с собой специальное устройство, чтобы самостоятельно делать инъекции: его мучают непереносимые мигрени, настолько сильные, что он запирается в темной комнате и накрывается с головой одеялом, надеясь уснуть. До недавнего времени у него были и проблемы с алкоголем. Почти два года после возвращения из Ирака, которые он провел на базе

Кэмп-Пендлтон, он вместе с другими ветеранами пытался справиться со своими проблемами, целыми днями заливая их спиртным или проделывая смертельно опасные трюки на своем спортивном мотоцикле (очень многие ветераны покупали такие по возвращении домой), гоня на нем пьяным на бешеной скорости.

Он говорит, что своей жизнью обязан знакомству с военными, участвовавшими в войне во Вьетнаме. Это произошло в психиатрической больнице Управления по делам здравоохранения ветеранов, где Сперри оказался после неудачной попытки самоубийства. Там он понял, что, хотя алкоголь и помогает ему временно заглушить боль, в конце концов пристрастие к нему может стоить ему жизни. По словам Сперри, он сменил выпивку на марихуану (иногда он может позволить себе бокал-другой пива). Он утверждает, что это ему посоветовали врачи в больнице. Они, конечно, не могли прописать ему травку, так что Джеймс покупает ее у школьного приятеля: «Это единственное, что мне действительно помогает».

Сперри говорит, что, хотя марихуана и успокаивает, на самом деле смысл жизни вернула ему дочь Ханна. В одном из писем в ноябре 2009-го он рассказал мне о своих проблемах:

«Я потерял двадцать друзей и хотел бы собрать как можно больше их фотографий. Возвращение оказалось очень тяжелым. Почти каждую ночь мне снятся кошмары, почти каждый день мучают мигрени. У меня нет друзей, кроме моей семьи, потому что я ни с кем не могу сблизиться. Три года назад, еще до рождения дочери, я пытался убить себя. После этого провел месяц в психбольнице. У меня большие проблемы с краткосрочной памятью. Учиться я не могу, и меня отовсюду отчислили. Раньше был довольно неглупым человеком, но из-за нескольких черепно-мозговых травм больше ни на что не годен. Могу только выполнять работу по дому и играть с дочерью. Засыпаю, только приняв таблетки. Принимаю всевозможные лекарства: от приступов ярости и паники, депрессии, повышенной тревожности. Я был слишком молод, чтобы пережить смерть всех моих друзей. Не хочу ни с кем сближаться, потому что не хочу еще раз потерять кого-то близкого. Мне нужно постоянно находиться со своей семьей, иначе у меня начинается паника из-за того, что я оставил без защиты тех, кто мне дорог и кто у меня еще есть. Я ненормальный человек. Я живу в иной реальности, чем большинство спокойных и уверенных в себе американцев. Каждое утро, когда я просыпаюсь, у меня болят ноги, спина, плечи, голова. Интересно, как я буду себя чувствовать лет в тридцать? Сейчас мне только 24 года, но я пережил столько, сколько никому бы не пожелал. Единственный лучик света в моей жизни, единственное, что меня заставляет вставать по утрам и терпеть эту ежедневную рутину, – это моя невинная дочурка. Джеймс Сперри».

Я стучу в дверь, и Сперри почти сразу же открывает. Он в футболке и джинсах, в носках, но без обуви. С ним две собаки: Карли, недавно купленный, очень непослушный бультерьер, названный дочкой Джеймса в честь известного сериала iCarly, и Эверет, наполовину сенбернар, наполовину спаниель. Эверет плетется за хозяином и, как и сам Сперри, выглядит старше своего возраста.

Мыжимаем руки. Я говорю, что он выглядит лучше, чем когда я видел его в видеоискателе камеры. Он смеется. А вот Эверет от меня прячется. Я нагибаюсь, протягиваю ему руку, чтобы он мог меня обнюхать, но он настороженно отходит в сторону. Я выпрямляюсь, и он начинает лаять.

«Надо же, – удивляется Сперри, – как странно. Никогда не слышал, чтобы он на кого-то лаял. Никогда».

Я удивлен не меньше, чем он. У меня всю жизнь были собаки, и я знаю, как найти с ними

общий язык. Возможно, Эверету передалась повышенная настороженность Сперри. По мнению психологов и психиатров, это один из распространенных признаков посттравматического синдрома у ветеранов. Причина в том, что в зоне боевых действий солдатам приходится быть в постоянном напряжении. Кроме того, многие из них перестают доверять людям. Владельцы собак иногда слишком полагаются на инстинкты своих питомцев, но я надеюсь, что к Сперри это не относится. Мы обмениваемся любезностями, но я чувствую, что ему неловко в моем присутствии. При личной встрече все совсем не так, как при разговоре по телефону. Дистанционное общение не создает близости и дает возможность контролировать ситуацию, ведь его можно прекратить в любой момент. Как бы то ни было, я добился, чего хотел: я здесь, в его гостиной. Теперь мы можем поговорить о его жизни после возвращения домой. Мне кажется, что, несмотря на все свои сомнения и колебания, он и сам хочет рассказать мне свою историю.

Джеймс знакомит меня со своей женой Кэти (он просил не упоминать ее настоящее имя в этой книге). Они начали встречаться еще в первом классе средней школы. На следующий год они вместе поступили на военную службу.

Кэти хотела стать военным фотожурналистом, но оказалась в автомастерской. Все время службы она оставалась в США, ни в Ирак, ни в Афганистан ее не направили. Сперри с самого начала хотел поступить в пехоту, куда, конечно, и попал. Я достаю ноутбук и показываю им видео, снятое в день, когда ранили Джеймса. Он никогда раньше его не видел, в отличие, как ни странно, от Кэти. Ей эта запись попала на глаза в учебном центре морской пехоты Кэмп-Лиджен в Северной Каролине, куда ее направили после тренировочного лагеря для получения специальности механика. Она случайно увидела репортаж NBC News об операции в Эль-Фаллудже. Кэти говорит, что, несмотря на кровь и повязку на голове, она сразу же узнала Джеймса. Сейчас они не отрываясь смотрят запись, наблюдая, как камера крупным планом показывает темно-красные пластиковые четки на брючном ремне Сперри.

Снимая те кадры, я подумал, что четки – это талисман Сперри. Многие солдаты верят, что какая-нибудь вещь приносит им удачу в бою. Но поговорив однажды со Сперри, понял, что на самом деле четки значат для него гораздо больше. Они – напоминание об одном из тех событий, которые, как считает Джеймс, превратили его из наивного и полного надежд подростка в солдата с каменным сердцем.

Самым близким другом Сперри во время службы в морской пехоте был Фернандо Хэннон, с которым он познакомился во время начальной подготовки в Кэмп-Пендлтон. Хэннон не собирался становиться профессиональным военным, его просто вдохновлял пример отца, участвовавшего в войне во Вьетнаме. Фернандо, наполовину мексиканец, был настоящим гигантом, под два метра ростом. При этом он был очень добродушным и открытым и, по словам Сперри, каждый день молил Бога о том, чтобы ему не пришлось никого убивать во время службы. Хэннон был очень привязан к семье и, когда незадолго до их отправки в Ирак стало известно, что у его сестры рак, без разрешения покинул базу, чтобы навестить ее. Сперри пришлось прикрывать друга.

Хэннон хотел, чтобы отец мог гордиться его службой в армии. Но настоящей его мечтой было стать хиропрактиком и жениться на своей школьной подружке, Рут Понс. Рут была так влюблена в Хэннона, что пригласила его пойти с ней на выпускной школьный бал. Хэннон тоже был от нее без ума. Сперри вспоминает, что Хэннон больше всего любил говорить о предстоящей свадьбе. Он считал, что свадьба – самый счастливый момент в жизни человека, и начал копить на нее еще до знакомства с Рут. Фернандо рассказал Джеймсу, что собрал уже \$48 000, откладывая понемногу из тех денег, которые получал, подрабатывая еще подростком.

«Он был прямо как девушка, – с улыбкой вспоминает Сперри. – Мог в подробностях

рассказать, как будет украшен зал, в каких цветах, даже какой будет торт. Хэннон рассказывал, что в детстве никогда не играл в солдатиков. Он больше всего любил воображать мир принцев и принцесс».

В отличие от Сперри, Хэннон был очень религиозен. Он воспитывался в католической семье, часто молился, даже привез с собой в Ирак четки. Фернандо ни за что не хотел никого убивать, и Сперри делал все, чтобы помочь другу.

Их рота базировалась в деревне Эль-Карма неподалеку от Эль-Фаллуджи, на территории заброшенной школы. Сперри и Хэннону часто приходилось дежурить на КПП № 8 на окружной дороге Эль-Фаллуджи, известной среди военных как «Лист клевера». Там они дежурили и 14 августа 2004 года. Хэннону было приказано занять более опасную позицию, на дороге из Эль-Фаллуджи. Город по-прежнему занимали боевики, и на пост пехотинцев часто совершали нападения смертники. Сперри должен был дежурить на КПП напротив, на дороге из Багдада. Но они поменялись. Они и раньше так делали, чтобы у Хэннона было меньше шансов столкнуться с противником и не пришлось бы убивать. Но на этот раз на пост напали с другой стороны. Смертник в начиненной взрывчаткой машине ехал со стороны Багдада прямо на позицию Хэннона.

«Я услышал оглушительный взрыв, – рассказывает Сперри. – КПП был полностью разрушен. Когда дым рассеялся, я побежал туда и увидел Хэннона на обочине. Обе руки и ноги у него были сломаны, грудь изранена осколками, один глаз выбит».

Несмотря на боль, Хэннон спросил, что случилось со вторым пехотинцем. Джеффри Перес, друг Хэннона и Сперри еще с учебного лагеря, погиб. Сам Хэннон умер во время эвакуации в Багдад. Сперри узнал о смерти лучшего друга только на следующий день.

Хэннона эвакуировали на вертолете. А Сперри остался на посту. С наступлением темноты на них опять напали. Боевики обстреляли их из минометов. Мины взрывались так близко, что Сперри помнит, как со стен здания, за которым они укрылись, осыпалась штукатурка.

«Там никогда не чувствуешь себя в безопасности, но приходит момент, когда больше не хочется убегать», – его рассказ звучал убедительно.

Обстрел, смерть Переса и тяжелые ранения Хэннона – все это оказалось слишком для Джеймса. В какой-то момент ему просто расхотелось жить. Он снял каску и положил ее на землю. Медленно расстегнул бронежилет. Лег на землю, беззащитный перед минами, и стал ждать, даже надеяться, что его убьют. Но ничего не происходило.

На следующее утро он все еще был жив. Сперри говорит, что после той ночи стал другим человеком. Служба потеряла в его глазах всякий смысл, и с каждым днем росло чувство обреченности.

«Я сказал жене, что не вернусь домой. Мы все погибнем. Я ей сказал, что люблю ее, но все кончено. Наша служба просто-напросто не имела смысла. Она просила меня не говорить так. Но у меня было предчувствие. В каждой операции кого-то из наших убивали. Я был уверен, что и мой черед не за горами».

Вернувшись на базу в Эль-Карме, Сперри узнал о смерти Хэннона. Потеря друга означала для Сперри и потерю собственной невинности и наивности. Он начал понимать, что мир жесток и беспощаден. Сперри захотелось сохранить что-нибудь на память о Фернандо, который никого не убил, но погиб сам на этой войне. Он взял четки Хэннона, протянул их через петлю на ремне, а крест положил в правый карман, и больше никогда не покидал базу без них.

Сперри не сомневался, что тоже погибнет в Ираке. Несколько раз ему чудом удавалось спастись. Некоторые случаи были не лишены мрачного юмора. Когда их подразделение только прибыло в Ирак, у них в распоряжении оказались небронированные автомобили. Сперри пришлось самому соорудить некое подобие орудийной башни на своем «Хамви». Он положил

лист фанеры на крышу, а сверху навалил мешки с песком. Он втаскивал на крышу ручной пулемет, забирался сам и садился по-турецки между мешков. «Водитель иногда тормозил и смеялся над тем, как я падал с крыши автомобиля». Ему нечем было закрепить мешки, и он чувствовал себя абсолютно незащищенным. Однажды, когда они возвращались на базу в Эль-Карме, на обочине возле самой машины послышался хлопок и появилось облачко дыма. Вызванные саперы обнаружили три артиллерийских снаряда, соединенные вместе и заложенные в придорожной пальмовой роще. Скорее всего, устройство управлялось дистанционно, то есть кто-то следил за приближением американских солдат. Детонатор сработал – как раз этот хлопок они и слышали, – но снаряды не взорвались. Если бы взрыв произошел, Сперри, скорее всего, вылетел бы из своей «башни», как из средневековой катапульты.

«Если бы снаряды взорвались, наша песенка была бы спета, – говорит он. – Потом мы над этим случаем смеялись. Говорили, что это самое безобидное самодельное взрывное устройство в мире».

В другой раз Сперри и его товарищей отправили сопровождать саперов. Те должны были обезвредить такси, багажник которого боевики оборудовали многозарядной пусковой ракетной установкой. Установка сломалась, и несколько ракет было случайно выпущено в направлении города. В результате был убит один человек. Когда саперы подошли к машине, она взорвалась. Двух саперов подбросило в воздух на 15 метров. Они погибли.

Происходящее не всегда было настолько драматичным. Но иногда Сперри начинало казаться, что злой рок преследует именно его. В такие моменты ему едва удавалось держаться. Однажды ночью Джеймс был на дежурстве. С крыши школы он оглядывал окрестные поля, чтобы к лагерю не могли подобраться незаметно. На горизонте закат напоминал тлеющий огонь сигареты. Он заметил вспышку и инстинктивно упал на колени. Над головой пронеслась трассирующая пуля. Это стало последней каплей.

«Больше я не мог. Я бросился на землю и расплакался. Не знаю, может быть, просто слишком большой выброс адреналина. Капрал Крюгер увидел, что произошло, и поднялся на крышу. Он мне сказал: “Ты самый большой счастливчик из всех, кого я знаю!”».

Были и другие, не менее опасные, инциденты: взрывы мин, обстрелы из минометов, патрули, обыски домов. Однажды на том же самом КПП, где погибли Перес и Хэннон, Сперри расстрелял автомобиль, не остановившийся по его требованию. Он убил всех, кто находился в машине. К счастью для его собственного душевного равновесия, в автомобиле действительно оказались вооруженные боевики, а не запаниковавшая семья местных жителей, испугавшихся остановиться на КПП.

Он ни на секунду не мог расслабиться. В ноябре началась подготовка к операции «Ярость призрака», второй попытке освободить Эль-Фаллуджу от повстанцев. Времени горевать о Пересе и Хэнноне не было. Не было времени и горевать о том, что умерло внутри самого Джеймса.

Детство Сперри прошло вдалеке от военных действий, но ему в очень раннем возрасте пришлось столкнуться с насилием. Виновата в этом его мать. Родители Сперри развелись, и первые одиннадцать лет он прожил с матерью, двумя старшими сестрами и младшим братом по матери в маленьком поселке штата Иллинойс, между Спрингфилдом и Сент-Луисом. По словам Сперри, у его матери был очень непростой характер, и она обычно не сдерживала себя с дочерьми. Но и ему доставалось.

«Я помню, как однажды, – рассказывает Сперри, – мы сидели в машине и я открыл “Хэппи Мил”, чтобы показать игрушку брату, не дожидаясь, пока мы приедем домой. Она так

разозлилась, что начала меня избивать».

В другой раз, когда Сперри было восемь или девять лет, она выгнала его из дома зимой в одном белье. Что вызвало эту вспышку гнева, он не помнит. Он стоял в снегу почти голый и стучал в дверь. Частично проблема была в деньгах. Матери и ее второму мужу было непросто содержать семью. Сперри помнит, как она прятала детей в подвале, когда приходили кредиторы.

К тому времени, как Сперри исполнилось одиннадцать, припадки злости у его матери стали слишком частыми. Он с двумя сестрами переехал к отцу и его новой жене, жившим в городе Бельвиль, в том же штате. Младший брат остался с матерью и ее мужем. Жить с отцом оказалось гораздо лучше. Но сначала Сперри было трудно принять перемены. Он вел себя как любой подросток: стал носить длинные волосы, слушать тяжелую металлическую музыку, грубить отцу и мачехе, плохо учился. Мачеха сумела усмирить этот бунт. Сперри вспоминает, что ей удалось поставить жесткие, но справедливые рамки. Отношения наладились окончательно, когда Сперри начал посещать психолога. А потом отец познакомил его со своим хобби – гольфом, и это стало настоящей страстью Джеймса.

Сперри научился превосходно играть. Он радовался возможности разделить увлечение с отцом. Но еще больше ему нравился сам вид спорта, в котором главный соперник – это ты сам. «Я каждый день тренировался. Хотел добиться совершенства». Целеустремленность, которую он проявил в спорте, скоро стала помогать ему и в других делах. Оценки в школе исправились.

Он начал побеждать в соревнованиях. Отец поверил, что Джеймс может стать профессиональным спортсменом. Все изменилось во втором классе средней школы. Теракт 11 сентября заставил Сперри задуматься о том, что в мире есть кое-что поважнее игры в гольф.

«Это событие стало новым Пёрл-Харбором для моего поколения. Сражаться с теми, кто причастен к убийству американцев, – наш долг. Это важнее, чем моя личная жизнь, и я обязан был принять в этом участие».

Для Сперри это означало возможность быть вместе с другими. В книге «Воины: размышления о мужчинах в бою» Гленн Грей пишет:

«Для большинства из нас потребность принадлежать обществу – одна из важнейших, но попытки удовлетворить ее часто бывают неловкими и беспомощными. Нужны экстремальные условия, смертельная опасность, например, чтобы мы могли почувствовать настоящее единение с нашими товарищами или природой. Очень жаль, что это так, ведь наверняка есть и другие пути, более созидательные и менее ужасающие. Только люди их не ищут. Война всегда привлекала нас, потому что, даже если мы не хотим этого признавать, она приоткрывает нам тайны и радости единения. Чувство товарищества никогда не бывает таким сильным, как во время боя».

Как высока цена такого товарищества, Сперри поймет, лишь потеряв стольких близких ему людей в Ираке.

Из родственников Сперри только его дядя был морским пехотинцем. Его отец служил в Национальной гвардии, и ему не пришлось сражаться во Вьетнаме. Он не хотел, чтобы сын шел в армию, понимая, что его почти наверняка отправят на войну. Но Сперри ходил на призывной пункт каждый день в течение шести месяцев, пока отец не сдался и не дал свое согласие. Он поставил одно условие: Сперри должен окончить школу, прежде чем отправится в учебный лагерь.

Его жена Кэти, с которой они тогда уже встречались, тоже решила пойти в морскую пехоту. Они подали документы одновременно, надеясь попасть в одно подразделение. Они

учились вместе и были влюблены друг в друга с первого класса средней школы. Но Кэти попала в учебный лагерь Пэррис-Айленд в Южной Каролине, а Сперри – в Кэмп-Пендлтон в другой части страны, откуда его должны были отправить в Ирак.

«Я тогда увлекался видеоиграми, – рассказывает мне Сперри, пока мы сидим за столом у него дома. – Хотелось врываться в дома, выбивать двери. Отец очень злился из-за моего решения пойти в морскую пехоту. Считал, что я упускаю шанс добиться чего-то в гольфе».

Хотя своей физической формой Сперри занимался несколько месяцев до отправки в учебный лагерь, но психологически он оказался не готов к тому, что его ждало в следующие 13 недель в Кэмп-Пендлтон. Джеймс вспоминает, что за всю первую неделю не было ни секунды отдыха. Сначала всех построили и обрили наголо. Теперь они были как братья-близнецы. Потом начались тренировки, и такие, каких Джеймс до этого даже представить себе не мог, – тренировки до полного изнеможения. Когда, наконец, удавалось поспать несколько часов, он валился на койку, как тряпичная кукла. Каждое утро, просыпаясь, он оказывался в аду: крики, беготня, столпотворение в ванной. У некоторых новобранцев из-за толчеи и спешки даже начались проблемы с мочеиспусканием.

Присесть не удавалось ни на минуту, приходилось либо стоять, либо сидеть на корточках. Именно в этой позе они чистили оружие, иногда так подолгу, что боль в ногах становилась невыносимой. И еще их заставляли пить воду. Столько, что они просто ею захлебывались. Провинившихся в чем-либо отправляли на дополнительные тренировки, один на один с инструктором. Этого все боялись.

Через несколько недель Сперри начал привыкать к лагерю. Он перестал чувствовать себя потерянным. Он старался не злить инструкторов, выкладывался на тренировках и помогал другим в своем подразделении. Справлялись не все. Были и такие, кто вообще попал в учебный лагерь только по недосмотру офицеров на призывных пунктах. Приказы и окрики командиров вводили их в ступор. Некоторые теряли над собой контроль, даже пытались драться с инструкторами. Это ничем хорошим не заканчивалось.

«Я смог продержаться только потому, что хотел доказать родителям, что способен добиться чего-то самостоятельно. Я не хотел всю жизнь провести в Иллинойсе. Я так хотел стать морским пехотинцем, что не мог сдаться. Я знал, что после учебного лагеря начнется настоящая жизнь».

И она началась. Сперри был высокого роста и крепко сложен, так что его назначили пулеметчиком. Ему выдали ручной пулемет M-249 SAW бельгийского производства весом почти 7 кг и скорострельностью от 750 до 1000 выстрелов в минуту. Это оружие с патронами 5,56×45 мм совмещает точность стрельбы из винтовки и скорость стрельбы из обычного пулемета; работает по принципу отвода пороховых газов и стоит \$400. Пулемет обслуживает оружейный расчет из четырех солдат, в чьи задачи входит при необходимости прикрывать подразделение в ожидании подкрепления или эвакуации. Сперри гордился, что ему доверили обращаться с таким оружием, хотя это было и нелегко в самом прямом смысле слова: вместе с патронной лентой пулемет весил около 10 кг.

После учебного лагеря Сперри зачислили в 3-й взвод 3-го батальона 1-го полка корпуса морской пехоты. Подразделение было практически полностью сформировано, и через два месяца их ожидала отправка в Ирак. Во взводе царили сплоченность и чувство товарищества. Сперри вспоминает их нелепые выходки, например, как они устраивали «показы военной моды» на импровизированном подиуме: один вышагивал в трусах и бронежилете, на другом не было вообще ничего, кроме боевой раскраски и фляги в руках. Типичное поведение морских пехотинцев. Они знали, что очень скоро столкнутся с опасностью, и своей бравадой хотели продемонстрировать, что ничего не боятся. Сперри сразу же почувствовал, что именно здесь

его место.

За неделю до начала операции «Ярость призрака» взвод Сперри перевели на базу Абу-Грейб, где уже размещались остальные подразделения их батальона.

Здесь начались бесконечные боевые учения: как обыскивать и зачищать дома, как выбить окно с помощью дула винтовки, как вынести раненого товарища из зоны огня без прикрытия. Командиры снова и снова проверяли, как они обращаются с оборудованием. Когда кто-то потерял тепловизионный прибор наблюдения, сержант заставил их всю ночь искать его, хотя на следующее утро они должны были выдвигаться на боевые позиции около Эль-Фаллуджи. Сперри говорит, что именно в этот период, непосредственно перед началом операции, некоторые из пехотинцев начали искать разнообразные предлоги, чтобы не принимать в ней участие. Их младший капрал, например, «случайно» выстрелил себе в ногу из пулемета три раза. После взрыва мины другой солдат, не получив никаких физических повреждений, «внезапно» потерял память. Сперри неодобрительно качает головой и передразнивает его: «Где это я? Это что, неужели автомат у меня в руках?» Однажды уставшим от бесконечных тренировок и учений солдатам удалось устроить себе праздник. Рота «К» во время патрулирования территории захватила фуру, перевозившую мясо. Стейков и ребрышек хватило, чтобы сотни молодых ребят, уставших от армейских пайков¹³, смогли вдоволь наесться.

«Чем-то напоминало Тайную вечерю», – с грустью вспоминает Сперри. И причину грусти понять несложно: в 19 лет он уже убил девять человек и потерял одного из лучших друзей. А впереди его ждал самый жестокий бой в его жизни.

Перед каждой операцией войска получают специальный приказ. В нем ставятся задачи, которые им предстоит выполнить. На этот раз приказ зачитывал младший офицер, какой-то штабной лейтенант, которого никто из них раньше не видел. Это было странно.

«В общем, если вкратце, нам сказали так: это зона свободного огня, и мы имеем право стрелять, как только заметим какое-либо движение», – рассказывает Сперри. Если морские пехотинцы действительно получили такой приказ, становится понятно, почему, в нарушение положений Женевских конвенций, они убивали пленных. Было зафиксировано, по крайней мере, три подтвержденных свидетельскими показаниями подобных инцидента (включая описанный мною).

Сперри вспоминает также слова генерал-лейтенанта Джеймса Маттиса, командующего Экспедиционными войсками США, известного своим напором и несдержанностью в высказываниях. Выступая с речью перед войсками, он заявил, что их ждет самая важная битва с 1968 года, когда во время Тетского наступления морской пехоте пришлось освобождать город Хюэ от пятидесяти тысяч контингента войск Северного Вьетнама и Вьетконга.

Сперри запомнились слова Маттиса: «То, что мы сейчас делаем, попадет в учебники ваших детей».

Перед наступлением некоторые из пехотинцев писали своим семьям и просили товарищей отправить письма по назначению, если они сами погибнут. Сперри так делать не стал. «Я не хотел ни думать, ни говорить об этом».

План боя был следующий: рота «К» должна была выбить повстанцев из города и оттеснить их к югу, а рота «I» – атаковать сбоку и добить их. Морские пехотинцы, как когда-то во время операции в Хюэ, получили приказ обыскать все дома без исключения. На самом деле они зачищали только те дома, из которых по ним стреляли. В три часа ночи 8 ноября 2004 года

¹³ Американские подразделения, занимающие позиции на аванпостах или отдаленных базах, получают паек в виде готовых и упакованных в пластиковые лотки полуфабрикатов. Их часто называют T-rats.

рота «I» заняла боевые позиции к северу от железнодорожной станции Эль-Фаллуджи. Когда пехотинцы прибыли на место, боевики встретили их выстрелом из гранатомета. Граната попала в один из автомобилей, но не взорвалась.

Пехотинцы окопались на позиции. В течение всего следующего дня и некоторое время после наступления темноты артиллерия обстреливала город, а бойцы пытались выспаться после бессонной ночи.

Когда, наконец, они вошли в город, Сперри поразило, что улицы были абсолютно пусты. Эль-Фаллуджа показалась ему городом-призраком. Повсюду, возле стен и в других тактических позициях, они находили брошенное заряженное оружие. Но никаких повстанцев. Сперри поднял один из автоматов, отсоединил магазин, увидел, что патрон уже в патроннике. Он положил автомат обратно на землю. Кто-то крикнул ему: «Придурок! Они же могли заложить туда взрывное устройство!».

Но скоро повстанцы дают о себе знать. По пехотинцам начинают стрелять. Первым ранен младший капрал Джоди Перрит – ему прострелили правую руку. Пуля прошла насквозь прямо под татуировкой бульдога – символа морской пехоты. Потом начинают попадать и в других. Боевики хорошо подготовлены и отлично знают город. У них свои тактические приемы: например, рассыпать осколки разбитых электрических лампочек на лестницах домов, где они прячутся, чтобы пехотинцы не могли застать их врасплох. Несмотря на напряжение, иногда даже во время боя возникают комические ситуации. Сперри и его отделение поднимаются на последний этаж одного из домов и оказываются перед железной дверью на крышу, где могут скрываться повстанцы. Один из пехотинцев пытается выбить дверь. Но она не поддается, а лишь издает резкий металлический звук, похожий на удар в литавры. Пехотинцы смеются, понимая, что неожиданной атаки уже не получится. На крыше никого нет, но их обстреливают с соседнего дома. Они укрываются за парашетом. Один из бойцов надевает каску на дуло винтовки и поднимает ее, чтобы вызвать огонь повстанцев и понять, где именно те находятся. Тогда командир отделения дает залп по противнику из подствольного гранатомета M203. Стрельба прекращается, но ненадолго. Оказывается, цель боевиков – заманить пехотинцев в квартал Аль-Джолан, где в мирное время обычно идет торговля. Как только американцы оказываются в лабиринте узких улочек, по ним открывают огонь одновременно со всех сторон, из автоматов, гранатометов, а потом и минометов. Эль-Фаллуджа больше уже не кажется брошенным городом. Пехотинцы вызывают подкрепление.

На улицах, где можно проехать, появляются танки Abrams M1A1. Они напоминают фантастических железных боевых слонов. Орудия поворачиваются из стороны в сторону, и любая мишень, будь то припаркованная на улице машина или даже показавшийся танкисту подозрительным мусорный бак, превращается в огненный шар.

Командир приказывает Сперри занять позицию справа и чуть впереди танка, чтобы прикрыть остальных. Тот сначала отказывается: там слишком опасно. Потом все-таки выполняет приказ. А дальше он ничего не помнит. Этот день навсегда изменил его жизнь.

«Я почувствовал запах пороха. Я ничего не слышал, помню только, что упал на спину, – рассказывает Сперри, – а потом просто вырубился. Когда я очнулся, увидел доктора Джекоби. Помню чьи-то слова: “Господи, вы только посмотрите на его каску!” И как сержант Лав говорит мне: “Держись Сперри, не сдавайся! С тобой все будет хорошо”. Потом увидел, как вы меня снимаете. И снова потерял сознание».

Я сижу с Джеймсом и его женой у них дома и затаив дыхание слушаю его рассказ. Всех этих подробностей я не знал. Сперри был первым американским солдатом, которого ранили у меня на глазах во время той операции. Помню, как пехотинцы отнесли его за угол дома, в

безопасное место, помню четки Хэннона у него на поясе. Пока санитары перевязывали ему голову, другие пехотинцы поддерживали его. «Меня несли куда-то на носилках. Потом я очнулся уже в “Чинуке”¹⁴. У меня изо рта шла кровь, все лицо было перепачкано. Я перевернулся на левый бок и увидел пластиковые мешки, в которых перевозят тела. Врач стер мне кровь с лица. Потом я снова потерял сознание и очнулся уже в Баладе¹⁵, в палатке. Вокруг санитары. Медсестра, я ее запомнил, брюнетка, спрашивает, как я себя чувствую. Голова раскалывается. Меня повезли делать снимок, и я опять потерял сознание. О Баладе я почти ничего не помню, только ту медсестру, которая за мной ухаживала».

Сперри перевезли в Германию. Он очнулся в палате с тремя офицерами. Они все были в коме. Когда вошла медсестра и обратилась к нему «капитан Сперри», он понял, что его поместили в эту палату не по чину, и его действительно вскоре перевели в другую часть госпиталя к военнослужащим рядового и сержантского состава. Как оказалось, это была не единственная ошибка. Сперри был внесен в списки погибших в бою. К счастью для его семьи, до них эта информация дойти не успела. Джеймсу удалось позвонить отцу и, так как ни его, ни мачехи не было дома, он оставил им сообщение, что жив, но ранен и эвакуирован в Германию. Кэти по-прежнему находилась в Кэмп-Лиджен и узнала о случившемся из моего репортажа еще до того, как ей что-либо сообщили официально. Кадры, переданные мной по спутниковой связи с ноутбука, были темными и расплывчатыми, но, по словам Кэти, она ни секунды не сомневалась, что пехотинец, которому перевязывали голову, – ее муж Джеймс.

До сих пор непонятно, каким все-таки образом Сперри был ранен. Сослуживцы думают, что его задела срикошетившая пуля, а врачи – что осколок гранаты пробил каску и попал ему в голову. Как бы то ни было, у Джеймса оказалась повреждена лобная доля головного мозга. Эта часть отвечает за эмоции и, как принято считать, за личностные особенности человека. Кроме того, у Сперри оказалось еще множество переломов: основания черепа, носа, грудины и четырех ребер (результат попадания в бронежилет осколков гранат и пуль). Его накачали стероидами, чтобы стабилизировать внутричерепное давление и транспортировать в США. Сперри рассказывает, что пока ждал возле госпиталя, когда за ним приедут, ему стало скучно. Он заметил неподалеку ларек, подъехал к нему на своем инвалидном кресле и купил шесть банок пива, хотя ему еще кололи морфий. Джеймс с удовольствием выпил банку, впервые за несколько месяцев, пока санитары не отобрали остальное.

Самолет, на котором Сперри перевозили из Германии в Калифорнию, делал остановку на базе ВВС в Сент-Луисе, и отец с мачехой смогли его увидеть. Он звонил им из Германии и просил узнать, что стало с его сослуживцами, – сам он ничего не слышал о них, с тех пор как его эвакуировали из Ирака. Во время остановки в Сент-Луисе отец передал ему лист бумаги с двадцатью именами. Это были имена товарищей Сперри, погибших в Эль-Фаллудже¹⁶. Джеймс рассказывает, что выронил лист и закрыл лицо руками. Он представить не мог, что такое вообще возможно.

Сперри поместили в госпиталь ВМС Бальбоа в Сан-Диего. Кэти приехала навестить его

¹⁴ Тяжелый военно-транспортный вертолет, который использовался американскими вооруженными силами во время вьетнамской войны.

¹⁵ Балад – город примерно в 100 км к северу от Багдада, служивший перевалочным пунктом во время воздушных операций и для иракского диктатора Саддама Хусейна, и для коалиционных войск. Во время военной оккупации США его называли объединенной базой Балад.

¹⁶ По официальным данным, 3-й батальон 1-й дивизии корпуса морской пехоты понес самые большие потери во время операции «Ярость призрака»: 22 убитых и 206 раненых.

там. Встреча оказалась совсем не такой, как они ожидали. Они не виделись несколько месяцев, но Сперри не чувствовал никакой радости. Он вообще ничего не чувствовал. Он встретил ее так, будто к нему зашла какая-то его приятельница, с которой они собрались сходить пообедать или поиграть в боулинг. Я смотрел на Кэти, пока он говорил об этом, она никак не реагировала. Возможно, и она чувствовала то же самое по отношению к нему. Глядя на них, я думал: может быть, это черепно-мозговая травма виновата в том, что Джеймс разучился испытывать эмоции?

Следующие два года Джеймс и Кэти прожили в Кэмп-Пендлтон. Время от времени им казалось, что жизнь понемногу налаживается. Но чаще они поддавались отчаянию. И поводов для этого было достаточно. Кэти работала на базе морской пехоты, а Сперри вместе с другим раненым сослуживцем пили с утра до вечера, пока не вырубались.

«Мы тогда стали жить каждый своей жизнью, – рассказывает Кэти. – Он целыми днями пил с Филом. Я ничего не могла поделать, так что в конце концов просто сдалась». А Джеймсом овладело какое-то безрассудство: он начал пьяным разъезжать на своем мотоцикле и выделять смертельно опасные трюки.

Накачавшись текилой, Сперри на одном заднем колесе разгонял мотоцикл до 180 км/ч. Однажды, вдребезги пьяный, он выехал на шоссе на скорости 250 км/ч. Тогда он понял, что был всего на волосок от смерти. Через две недели он продал мотоцикл, испугавшись, что решит повторить свою выходку. Но пить не перестал.

«Два года я не плакал. Свое горе заливал спиртным». Или пытался залить. Выбор у него был небольшой: либо терпеть непереносимые мигрени, участившиеся в результате травмы головы, либо мучиться каждое утро от похмелья после ежедневных попок. Отношения с женой становились все более напряженными.

«Все было так запутанно, – вспоминает Кэти. – Я была еще слишком молода и не знала, как ему помочь».

«Я пытался объяснить ей, что со мной происходит, – говорит Сперри. – Она не могла понять это».

Несмотря на проблемы в их отношениях, Кэти забеременела, и 12 июля 2006 года у них родилась дочь Ханна. Джеймс назвал ее в честь своего погибшего друга, Фернандо Хэннона. Рождение дочери подарило Сперри надежду, но не смогло полностью рассеять окружавший его мрак. Он никак не мог смириться со смертью двадцати друзей. Он постоянно видел перед собой их лица, каждый день вспоминал, как порой могли и поссориться, но в бою стояли друг за друга до последнего. Джеймс знал теперь, что о чувстве товарищества между солдатами говорят не зря. Но он также знал, что война всегда непредсказуема. Как бы внимателен ты ни был, разве можно разглядеть все мины? Разве можно остановить выпущенную пулю? Да, товарищи прикрывают тебя, ты прикрываешь их, но слишком многое остается за пределами контроля, особенно когда сражаешься против повстанцев, почти всегда остающихся невидимками. Он пил, чтобы все это забыть. Но алкоголь больше не помогал: он не уменьшал и не заглушал полностью физическую и психологическую боль, с которой Джеймсу приходилось жить каждый день. Пьянство не могло излечить мигрени, боль в спине, бессонницу. 6 сентября 2006 года, почти два года спустя после событий в Эль-Фаллудже, Сперри понял, что больше не может все это терпеть.

«Помню, тот день начался как обычно, – рассказывает он. – Не могу точно сказать, что все это спровоцировало. Просто внезапно я стал думать о пережитом, вспоминать все, и так живо, ярко. Думал о том, скольких друзей потерял и как я по ним скучаю». От алкоголя ему становилось только хуже. В то утро он пошел в гараж своего дома в Кэмп-Пендлтон и

перекинул веревку через потолочную балку – всего несколько недель назад так покончил с жизнью его сосед, комендор-сержант, тоже недавно вернувшийся из Ирака. Его мозг, поврежденный осколком, одурманенный алкоголем и измученный чувством вины из-за того, что ему удалось выжить, в тот момент не отвергал мысль о том, что впереди может быть что-то хорошее. Сперри не знает, сколько он простоял так, решая, затянуть ли ему петлю. Но неужели он и вправду хочет, чтобы все закончилось именно так? Чтобы жена нашла его болтающимся на веревке и никогда не смогла стереть из памяти эту картину? Сперри сорвал веревку с балки, сел в машину и поехал в местный центр психологической помощи ветеранам. Там уже была очередь из трех человек. Он сидел в машине на парковке с включенной на максимум магнитолой, пока кто-то из специалистов не вышел к нему.

«Они говорят, что я отвечал на все вопросы, как робот». Беседовавший с ним психолог понял, что Сперри на грани самоубийства. Он вызвал полицию, и Джеймса отвезли в психиатрическую больницу для ветеранов в Сан-Диего. Там он несколько часов разговаривал с психиатром, который в конце концов решил положить Сперри в госпиталь для его же собственной безопасности. У него забрали все личные вещи, все, чем он мог бы причинить себе вред. Следующие две недели он провел в больнице.

Сперри, в отличие от многих других вернувшихся из Ирака и Афганистана военных, удалось не переступить эту последнюю черту. По данным, предоставленным министром по делам ветеранов Эриком Шинсеки, в Америке ежегодно совершается 30 000 самоубийств, 20 % из них – участниками боевых действий. Согласно отчету Министерства обороны США о количестве самоубийств среди военнослужащих различных родов войск, за четыре года, с 2005-го по 2009-й, 1100 солдат покончили с собой. Получается, одно самоубийство каждые 36 часов.

Собирая материал для этой книги, я разговаривал с психиатром Джонатаном Шеем, работавшим в клинике Управления по делам здравоохранения ветеранов в Бостоне. Он рассказал мне, что мысль о самоубийстве приходит на ум многим военнослужащим, с которыми он работает, – в основном это ветераны войны во Вьетнаме. «Почти все они ежедневно думают о возможности покончить с собой. Мне кажется, это последнее, что позволяет им верить в свободу и достоинство человека. Это такой талисман, прикасаясь к которому они могут бороться дальше».

Для Сперри пребывание в госпитале в Сан-Диего оказалось важным по двум причинам. Во-первых, он, наконец, перестал пить. Во-вторых, он познакомился с ветеранами войны во Вьетнаме. Это знакомство заставило его постараться изменить свою жизнь. Он видел, что алкоголь и наркотики сделали со многими из них. Эти ветераны тоже никак не могли принять пережитое во время войны и каждый день очередным стаканом приближали собственную смерть. Они и так уже мало чем напоминали живых людей и, наверное, предпочли бы гибель в бою этому медленному разложению изнутри. И они попытались донести до Джеймса, что отказ от алкоголя – его единственный шанс выжить.

Их аргументы выглядели очень убедительно. Сперри понял, что, если не хочет закончить свою жизнь в петле, ему надо прекращать пить. Но он был уверен, что алкоголю необходимо найти замену, просто так он не справился бы. И он решил попробовать бороться с воспоминаниями с помощью марихуаны.

Но он знал, что надо менять и что-то еще. В Кэмп-Пендлтон его окружали другие вернувшиеся из Ирака пехотинцы, чья жизнь, как и его собственная, была разрушена. Необходимо было уехать оттуда. Ему казалось, что только дома он сможет почувствовать себя по-настоящему в безопасности. А именно это ему было сейчас так нужно. В октябре 2007 года

Джеймс с женой и дочерью вернулся к отцу в Иллинойс. Они прожили там полгода. Жизнь вроде бы понемногу стала налаживаться. В апреле 2008 они сняли дом, но чувство безопасности, возникшее, пока они жили с семьей Джеймса, снова исчезло, как только они оказались одни. Проблемы Сперри вернулись. Его опять начала мучить бессонница. Дни и ночи превратились в один непрекращающийся кошмар, прерываемый только приступами гнева и злости, во время которых он бил кулаками в стены с такой силой, что в них оставались вмятины. Сперри понимал, что после ранения любая новая травма могла превратить его в инвалида или даже убить. Тем не менее неконтролируемые приступы ярости по любому незначительному поводу заставляли его ввязываться в драки. Однажды Джеймс набросился на мужчину на парковке магазина без какой-либо провокации с его стороны.

Сперри рассказал мне, что однажды чуть не убил человека. Как-то ночью он не мог заснуть и смотрел телевизор. Внезапно он услышал громкий стук. Он вышел проверить, что случилось, и увидел во дворе какого-то мужчину. Сперри набросился на него и приставил к горлу нож, который всегда носил с собой.

«Я едва не зарезал его», – вспоминает Сперри. Но парень указал на черный круглый предмет, лежавший во дворе. Это была крышка, соскочившая с колеса на повороте и подкатившаяся к дому. Он просто хотел ее забрать. Вместо этого он натолкнулся на разъяренного морского пехотинца, намеренного не допускать посторонних на свою территорию.

Сперри отпустил ворот рубашки незнакомца и сел на землю. Тот схватил крышку, сел в машину и умчался, даже не поставив ее на место, так что из-под обода колеса разлетались искры. Сперри не помнил, сколько он так просидел, может быть, несколько минут, а может быть, несколько часов. Он пытался понять, что же с ним происходит. Почему каждый звук, каждое движение он воспринимает как угрозу себе и своей семье?

Рассказывая это, Сперри встает из-за стола, чтобы сделать сэндвич с арахисовой пастой для дочери. Потом он перечисляет все лекарства, которые по-прежнему стоят у него на тумбочке и без которых он не может прожить ни дня. Видно, что Кэти немного не по себе от нашего разговора. Понадобилось много времени, чтобы мы смогли собраться здесь. Мне было нелегко добиться от Джеймса рассказа о своей жизни. Как только мы договаривались об интервью, он куда-то исчезал, а когда появлялся снова, находил какие-то предлоги для своего отсутствия: телефон разбился в автомобильной аварии, собака сгрызла зарядку. А однажды сказал, что не сможет со мной разговаривать, потому что умерла его мать. Не знаю, как насчет остальных его отговорок, но это была правда. Отношения с матерью так и не наладились до самой ее смерти. Умерла она внезапно, подхватив какую-то простуду и проболев всего три дня. Сперри объясняет это осложнениями после свиного гриппа. На мой вопрос о том, не связана ли ее смерть с алкоголем или наркотиками, Сперри ответил, что, насколько ему известно, нет. Он сказал, что у матери была непростая жизнь, и не стал дальше обсуждать этот вопрос. Джеймс утверждает, что смог ее простить, а она осознала свои ошибки и вырастила младшего сына в любви и понимании.

После смерти матери он пропал почти на месяц. Сейчас, у него дома, временами беседа получается оживленной и веселой. Я вижу, как их заинтересовало видео, которое я снял тогда в Эль-Фаллудже: какие-то подробности случившегося в тот день они не знали. Но в другие моменты мне кажется, что я здесь лишний, что я просто очередное напоминание о причине всех неприятностей Джеймса и что все, даже собака, хотят, чтобы я поскорее уехал.

Рассказ Сперри сводится к одному горькому выводу: он разучился любить. Он говорит, что больше никого не любит, ни свою жену, ни... – он смотрит на Ханну, свою очаровательную белокурую дочурку, которая лепит что-то из пластилина.

В чем причина, он не знает. Возможно, способность чувствовать отнял у него небольшой кусочек металла, попавший в лобную долю головного мозга и повредивший ту его часть, которая и делает нас людьми. Может быть, виной всему тот ужас, что ему пришлось пережить во время войны. Как бы то ни было, Сперри говорит, что больше не способен чувствовать любовь.

«Раньше я знал, что такое любовь. Теперь я ничего не чувствую». Он рассказал об этом и репортерам местных газет, взявшим у него интервью после возвращения домой. «Я не люблю свою жену», – заявил он им. Он не хотел ее задеть, но, конечно, ей было больно услышать такое признание. Я смотрю на Кэти. Видимо, она столько размышляла над этими его словами, что смогла с ними смириться.

Она пожимает плечами. «Ему нужна профессиональная помощь, чтобы снова научиться испытывать эмоции. Я бы хотела, чтобы он обратился к психологам. Иногда кажется, что он счастлив, но только когда накурится. Это не по-настоящему». Джеймс же уверен, что психологи больше не в состоянии ему ничем помочь.

«Ну расскажу я им о том, как мне не хватает погибших друзей, поплачу, как в исповедальне. Что с того? Что они могут мне сказать такого, что позволило бы оживить ту часть моего мозга?» – оправдывается он.

Я спрашиваю у него, кивая в сторону Ханны: «Но вы же отец. Что вы чувствуете к своей дочери? Вы ее любите?»

«Я должен о ней заботиться, это моя обязанность. Но я не чувствую какой-то теплоты внутри, какого-то трепета».

Сперри понимает, что жизнь уже никогда не станет такой, как прежде. Но он надеется, что что-то хорошее еще ждет его впереди. Он хотел пойти работать в правоохранительные органы, однако травмы так сильно сказались на его умственных способностях, что он уверен: на службу его не возьмут. После возвращения домой он пытался пройти несколько тестов на интеллект, но не справился ни с одним. Он думал пойти учиться, но не смог из-за проблем с концентрацией. Джеймс говорит, что раньше был неглупым человеком, и не понимает, что с ним происходит.

Его по-прежнему мучают кошмары, в которых переплетается прошлое и настоящее. Например, ему часто снится, что он в машине с Ханной, собаками и детьми сестры на улицах Эль-Фаллуджи.

Он надеется, что жизнь еще наладится. Ему надо только продолжать принимать лекарства, не начать снова пить, обучиться какой-нибудь профессии и воспитывать дочь. Ему нравится проводить время с дочерью и племянниками, готовить им обеды, отводить в школу и забирать оттуда.

«Дети невинны. Они ничего не знают о войне».

«Вы когда-нибудь расскажете ей обо всем пережитом?»

«Она знает, что папа был морским пехотинцем. Я думаю, этого достаточно».

Сперри понимает, что война навсегда уничтожает невинность в человеке.

«Я был так молод и наивен. Учился в школе, любил видеоигры. В 17 лет еще ничего не понимаешь. В таком возрасте не знаешь страха. Но сейчас, вернувшись с войны, мы все ужасно боимся смерти. Все, с кем я был в Ираке, либо погибли, либо тоже столкнулись с огромными проблемами».

Гленн Грей пишет, что только ранение может заставить некоторых солдат перестать быть по-детски наивными. Так случилось и с Джеймсом. «Отношение к смерти большинства этих военных несложно понять. Они считают, что смерть реальна только для других. Они сохранили детское представление о том, что находятся в центре мироздания, а потому бессмертны... Возможно, ранение им необходимо. Выражение удивления и возмущения на их лице просто

невозможно забыть.

Один жестокий удар навсегда лишает их веры в свое физическое бессмертие. Приспособиться психологически к этому новому для них миру наверняка окажется куда сложнее, чем восстановиться после травмы».

После той встречи мы продолжаем переписываться со Сперри. Письма от Джеймса приходят нерегулярно и отражают резкие перепады его настроения. Видимо, причиной тому алкоголь и наркотики. Мне эти перепады знакомы не понаслышке. Временами он кажется беспомощным, иногда настроен агрессивно.

21 февраля 2010 г. (письмо Сперри ко мне)

«Извините, что пропал, но в последнее время мне все сложнее справляться со своими демонами. Я по-прежнему пытаюсь заглушить боль травмой, алкоголем и таблетками. Подумываю о том, чтобы при следующей встрече сказать врачам, что со мной все в порядке, чтобы меня вновь признали годным к службе. Я был отличным пулеметчиком, и я им нужен. Не хочу со стороны наблюдать, как другие парни сражаются в этой войне. Я же могу ходить, могу нажимать на спусковой крючок. Наверное, я просто зависим от войны. Извините, что так долго не писал, но я пытался довести себя до такого состояния, чтобы забыть, как ужасен этот мир. Мне хотелось бы больше с вами общаться. Тем более что вам знакома моя боль. Как вы справляетесь с болью и воспоминаниями? Думаю, не лечь ли мне в госпиталь? Но тогда мне точно уже не попасть в армию. А я не хочу оставаться в стороне. Раньше меня уважали, а теперь я никто. Я потерял...»

14 сентября 2010 г. (сообщение от Сперри в Facebook)

«Знаете, что я хочу сказать? У меня было время поразмыслить. И вот что я понял: тот Джеймс, каким я был до всего этого, – амбициозный, наивный, полный надежд, – умер там. А теперь я просто существую. Я ничего не чувствую. Я все продумываю. Например, что нужно делать, когда оказываешься среди людей, но ничего не чувствую. Делаю вид, что у меня есть какие-то эмоции, чтобы люди не поняли, как мне плохо. Но я ничего не чувствую, если только не гоняю на мотоцикле на скорости 200 км/ч. Меня спрашивают, почему я не хожу к врачам. А как они мне могут помочь? Они не могут понять, с чем я живу. Во-первых, постоянные боли в голове, спине, ногах, коленях, ступнях. Во-вторых, по ночам я не могу уснуть, мне снятся кошмары. Дальше: я ничего не чувствую, кроме ярости. Меня мучают воспоминания. Я психую по малейшему поводу. Я постоянно спрашиваю себя, как так получилось, что 26 моих друзей погибли, а я остался жив. Я все время думаю о том, какими были их последние минуты. О чем они думали? Каждый день думаю о своей смерти. И о смерти своей дочери. Когда я вижу других людей, я представляю их мертвыми, хотя и пытаюсь этого не делать. Я постоянно курю травку, иначе просто взорвусь. Травка меня успокаивает. Думаю, ее надо прописывать ветеранам, страдающим посттравматическим синдромом, чтобы они могли хотя бы немного успокоиться. Я столько раз был на волосок от смерти, и не сосчитать. Не знаю, что мне делать. Сдаваться нельзя. Я не из тех, кто сдается».

Позже Джеймс написал на своей страничке в Facebook, что расстался со своей женой. Меня эта новость не удивила. Их брак нельзя было назвать счастливым. Кэти говорила, что алкоголь и лекарства так влияют на Сперри, что она постоянно чувствует себя одиноко. Кроме того, иногда он ведет себя очень агрессивно. Его приступы ярости заставляли ее опасаться за себя и дочь. Я попросил ее рассказать подробнее об этом. Она ответила только через несколько недель.

29 декабря 2010 г. (сообщение от Кэти в Facebook)

«Здравствуйте, Кевин. Я не собиралась игнорировать ваш вопрос, но мне было проще попытаться не думать о своих чувствах и о том, что произошло. И, честно говоря, мне немного неловко рассказывать о таких личных вещах. Наверное, наш разрыв окончательный. Мне больно видеть, как он страдает. Надеюсь, ему помогут и он сможет снова стать счастливым. Хотя бы ради Ханны. Мне небезразлична его судьба, но в наших отношениях уже много лет не было страсти. Может быть, это прозвучит эгоистично, но он столько лет не обращал на меня внимания. В конце концов я перестала нравиться самой себе. Может быть, виной всему его неуверенность в себе. Он знает, что внутри он слаб, и боится, что я окажусь сильнее. Впервые я чувствую себя сильной и независимой. Мне кажется, что в наших отношениях проявлялись только худшие наши стороны. Частично в этом виноват Ирак. Но, кроме того, в 19 лет мы просто плохо понимали, что такое брак. Мы не знали, что значит уважать друг друга. Просто как пример: он взял кредит, чтобы купить мотоцикл, не посоветовавшись со мной, а я сделала себе кредитную карточку, ничего не рассказав ему. Мы с самого начала вели себя так друг с другом. На следующей неделе он едет в реабилитационный центр в другом штате, и я очень рада, что он, наконец, обратился за помощью. Я очень хочу, чтобы с ним все было хорошо. Он всегда будет мне дорог, и мне очень грустно, что у нас ничего не получилось. Но мои чувства к нему изменились. Было бы нечестно продолжать жить вместе, для нас обоих. У нас разные взгляды на жизнь. Мы оба сильно изменились со времени свадьбы, стали совсем разными людьми. Мне кажется, мы оба не обладаем теми качествами, которые каждый из нас ищет в партнере. Мне нравится, что я теперь свободна и могу попытаться понять, кто я на самом деле. Я чувствую, что я сейчас сильнее, чем когда мы были вместе».

Вскоре после этого я увидел в профиле на Facebook, что Кэти поменяла свою фамилию на девичью. Я написал Джеймсу, спросил его, считает ли он войну и свой посттравматический синдром причиной распада их семьи. Жалеет ли он о чем-нибудь? Хотел бы он что-нибудь изменить?

Он ответил мне достаточно подробно и откровенно. Признал, что Кэти во всем права, но добавил кое-что от себя.

14 декабря 2010 г. (сообщение от Сперри в Facebook)

«Мне тяжело без Кэти, она всегда была для меня опорой. Но весь этот стресс, все, что я пережил, — я больше не был тем уверенным и спокойным человеком, каким был раньше. У меня постоянно менялось настроение. Я не испытывал никаких эмоций. Я сделал много того, о чем жалею. Мы часто ссорились. Как только я ее ни обзывал! Я часто злился. Бывал буйным. Потом открыл для себя травку. Она помогла мне расслабиться и спокойнее воспринимать ситуации, которые раньше выводили меня из себя. Но, конечно, у нее есть и плохие стороны. Запах, например. Кэти видела, что мне это помогает, и была не против. Мы ссорились почти каждый день. Говорили друг другу такое! Мы делали друг другу очень больно. Мы так часто ссорились и кричали, что просто перестали слышать друг друга. Но были и хорошие времена. Вечеринки и поездки на пляж. Мы не все время ссорились, иногда нам было хорошо вместе. Но я часто выходил из себя. Мне очень жаль, что я так себя вел. Мне искренне жаль, что я заставил Кэти пережить все это. Сейчас она стала совсем другим человеком. У нее большая сила воли. Но я не вижу в ней той страсти, которую она раньше испытывала ко мне или к искусству, к фотографии. По крайней мере, при мне она ее больше не показывает. Мне этого

очень не хватает. Раньше она была очень живой. Я уже несколько лет не видел ее счастливой. Наверное, другие видели, но не я. Она очень меня любила раньше, и я думал, ничто не может этого изменить. Но война изменила. И то, как я пытался справиться со всей этой болью, мои постоянные мигрени, тошнота... болели даже зубы... ноги, плечи, грудь, колени... И психологическая травма, боль из-за потери стольких друзей. Мое мировоззрение полностью изменилось. Я стал ненавидеть людей. Не из-за того, на что люди способны, а из-за иерархии, которая правит миром... Боюсь даже представить, в каком мире придется жить моей дочери. Я живу в том же доме, где мы с вами встречались. Кэти живет в полчаса езды отсюда. Стараюсь навещать Ханну три раза в неделю. Ради нее я хочу поправиться. Собираюсь поехать в клинику Центра Шепарда в штате Джорджия. Мне надо сделать это и ради самого себя тоже. Как у вас дела, Кевин? Ханна иногда о вас спрашивает. Она так и спит с пандой, которую вы ей подарили».

В январе Сперри написал, что лег в клинику в Атланте, Джорджия, как и собирался. Центр Шепарда – благотворительная медицинская организация, специализирующаяся на исследовании и лечении проблем спинного и головного мозга, с которыми как раз и столкнулся Сперри. Он сам был настроен оптимистично.

Через месяц я получил от него сообщение с описанием методов лечения, используемых в центре. Как видно, врачи клиники стремятся применять лучшие западные и восточные методики.

Февраль 2011 г. (сообщение от Сперри в Facebook)

«Здесь действительно лечат, работают над всеми аспектами проблемы. Они рассказывают о том, что происходит в результате черепно-мозговой травмы и что такое посттравматический синдром. Проводят групповые занятия на разные темы: посттравматический синдром, возвращение к обычной жизни, когнитивные способности. Учат контролировать вспышки гнева. Есть физиотерапевт, он помогает восстанавливать травмированные части тела и укреплять организм. Есть врач, чья задача – помочь бывшим солдатам изменить свой образ мыслей. Еще несколько врачей подбирают болеутоляющие средства и следят за общим состоянием здоровья. И они предлагают разные оздоровительные курсы: йогу, тай-чи, акупунктуру».

Я думаю о том, что пришлось пережить Джеймсу Сперри. Вспоминаю первое письмо, которое получил от него. Это был самый трудный для него период. Тогда ему было невыносимо больно, физически и психологически. Он был озлоблен, ощущал собственную ненужность, испытывал чувство вины просто потому, что был жив. Но, несмотря на все это, он помог мне. Благодаря его письму мне удалось справиться с собственным чувством вины. Я стал свидетелем его выздоровления – он поделился со мной и этим. Несмотря на все его раны, на весь ужас, который ему пришлось пережить, я вижу в нем воина. И человека. В благодарность за ту небольшую помощь, что я ему оказал, он открыл мне путь к спасению. Он предложил мне защиту от самого беспощадного врага, с которым (он знал это по личному опыту) приходится сталкиваться после окончания боевых действий, – от самого себя. Я радуюсь каждый раз, когда вижу фотографию, которую он разместил на Facebook по окончании лечения. Подпись под ней очень проста: «Новый Джеймс».

Новый Джеймс. Фотография из профиля Джеймса Сперри на Facebook, 12 мая 2011 г.

P.S. Джеймс сейчас работает наставником в подразделении для раненых бойцов и помогает другим участникам боевых действий в разных частях страны. Президент Обама узнал историю Джеймса и пригласил его, Кэти и Ханну в Белый дом.

Джеймс Сперри и Ханна с президентом и его женой

Комендор-сержант Леонард Шелтон, Морская пехота США,
3-й батальон 5-го полка корпуса морской пехоты.
Война в Персидском заливе (1991 г.)

Глава 4

Никто нас не слышит

«После этого боя все стало, как в тумане. Я перестал молиться Богу. Меня воспитывали в христианской семье, но я больше ни во что не верил. Обугленная человеческая плоть...»

Несмотря на очевидное, сержант морской пехоты Леонард Шелтон все никак не мог поверить, что скоро ему предстоит участвовать в боевых действиях. Вернее, не хотел в это верить. Его подразделение направили в Саудовскую Аравию, где они сейчас и находились, под испепеляющим солнцем среди песков пустыни. Это было первое боевое задание их бронепехотного батальона, сформированного всего шесть лет назад, в 1985 году. На вооружении у батальона были легкие бронированные машины LAV-25 – восьмиколесные машины-амфибии, оснащенные орудием 25 мм и способные развивать скорость до 80 км/ч. LAV-25 обслуживаются экипажем из трех человек и могут перевозить от четырех до шести солдат. Шелтон был командиром одной из машин, но никогда раньше не был на войне и представить не мог, что его ожидало.

«Мы просто сидели в своих машинах, отдыхали, расслаблялись, прятались от солнца. Мы не думали, что все это всерьез. С первого взгляда на нас было понятно, что мы не воспринимали все это всерьез».

Как всегда, когда у солдат появлялось свободное время, они дурачились и подшучивали друг над другом или рассказывали о своих семьях. Шелтон, афроамериканец из Кливленда,

штат Огайо, пошел в армию, чтобы убежать от того мира, где в детстве ему пришлось пережить сексуальное насилие от одной дальней родственницы. Служба в морской пехоте не была его призванием, но он чувствовал, что теперь у него, по крайней мере, появилась цель в жизни. Кроме того, он нашел новых друзей, с большинством из которых вряд ли встретился бы в обычной жизни. Одним из них был младший капрал Томас Дженкинс из города Марипоса в Калифорнии. Город основали золотоискатели, и предки Томаса стали одними из первых поселенцев на этой земле. Каждое лето Дженкинс, прошедший курсы по оказанию первой медицинской помощи, помогал тушить лесные пожары.

Шелтон рассказал мне, как во время обучения они с Дженкинсом иногда, если никто не видел, устраивали гонки на бронированных машинах. Такие выходки продолжались и в Саудовской Аравии, пока командир роты «А» капитан Майкл Шупп не остановил их.

«Он собрал нас в кружок, прямо как в школе. И, знаете, он с нами разговаривал, а не кричал на нас. Говорил с нами как с людьми, как с военными. Он нам сказал: “Я хочу, чтобы мы все вернулись домой. Но вы должны мне помочь”. И по выражению его лица было понятно, что он говорит искренне, он действительно переживает за нас. Этот разговор изменил все для меня. Тогда я понял, что мы должны быть одной командой».

Очень скоро Шелтону и его товарищам предстояло увидеть настоящее лицо войны. Воздушная 22-дневная кампания союзнических войск должна была завершиться первым за время войны в Персидском заливе наступлением сухопутных сил. Бронепехотный батальон Шелтона был включен в группу «Шепард», в чьи задачи входило занять позиции на границе с Кувейтом и задержать возможное наступление войск противника до прибытия основных сил союзников. 29 января 1991 года части трех иракских дивизий, двух пехотных и одной танковой, вошли на территорию Саудовской Аравии. В бой вступили разведывательные и бронепехотные подразделения морской пехоты, охранявшие границу.

«Тогда мы впервые приняли участие в боевых действиях, – рассказывает Шелтон. – Было много суматохи, выстрелов, дыма. Первое столкновение произошло вечером. Нас обстреляли иракские танки».

Самые ожесточенные бои велись в районе позиции, обозначенной коалиционными войсками как «Наблюдательный пост 4». Орудия калибра 25 мм, которыми были оснащены легкие бронированные машины американских пехотинцев, были не в состоянии пробить танковую броню.

«Это был какой-то сумасшедший дом. Мы запросили поддержку с воздуха и продолжали стрелять по танкам, пытаясь попасть в их наблюдательные приборы. И только когда все они были взорваны, начался бой, так сказать, лицом к лицу».

На помощь подразделению Шелтона пришли бронированные машины LAV-AT. Вместо орудия 25 мм они были оснащены противотанковой ракетной установкой TOW и могли взорвать танк, находящийся в зоне попадания. В какой-то момент Шелтон услышал оглушительный взрыв сзади. Сначала он подумал, что иракский танк смог прорвать их оборону и стрелял по ним с тыла. На самом деле произошло следующее. Экипаж одного из LAV-AT принял другую американскую машину, находившуюся всего в нескольких сотнях метров от них, за вражеский танк и выстрелил по ней. Выстрел попал точно в задний люк. В результате взорвались перевозившиеся там ракеты. Машина превратилась в гигантский огненный шар. Все четыре человека экипажа мгновенно погибли, в том числе командир капрал Исмаил Котто. Котто, 27-летний пуэрториканец, вырос в Южном Бронксе, беднейшем районе Нью-Йорка. Несмотря на это он сумел не только окончить среднюю школу, но и проучиться три года в университете. Стать морским пехотинцем было его мечтой. С Шелтоном они давно служили вместе и были близко знакомы.

Смятение и неразбериха продолжались. Через несколько часов они получили поддержку с воздуха. Но пилотам А-10 Thunderbolt¹⁷ было плохо видно мишени, и чтобы осветить территорию, они стали запускать сигнальные ракеты. Одна из таких ракет приземлилась возле американской машины с позывными Red Two. Согласно официальным отчетам, командир попытался подать сигнал о том, что его машина не является вражеским объектом. Но пилот все равно ударил по ней ракетой AGM-65 класса «воздух – земля». Весь экипаж погиб, кроме водителя, которого выбросило из машины. Расследование показало, что причиной инцидента стала неисправность ракеты, а не ошибка пилота. Как бы то ни было, еще семь морских пехотинцев были убиты своими же сослуживцами, в том числе друг Шелтона Томас Дженкинс. В общей сложности 11 американских военнослужащих погибли от так называемого дружественного огня¹⁸.

Только днем, когда закончился бой, Шелтон узнал, что два его друга, Дженкинс и Котто, были убиты, причем не противником, а собственными товарищами. Но у командующих американскими войсками не было времени разбираться в причинах произошедшего. После этого первого столкновения иракские войска захватили приграничный город Аль-Хафджи. Несколько разведчиков морской пехоты, не замеченные противником, сумели укрыться в домах. Позже они помогли организовать операцию по освобождению Аль-Хафджи от иракских войск, сообщив пилотам А-10 расположение вражеских танков.

На следующий день подразделение Шелтона участвовало в контратаке. Они оказывали огневую поддержку саудовским и катарским войскам, входившим в коалицию, созданную для освобождения Кувейта от иракской оккупации. Во время боя оружие Шелтона заело, и ему было приказано поступить под командование комендор-сержанта Лероя Форда в тылу. Шелтон говорит, что именно тогда увидел то, что до сих пор не может забыть.

«Я спросил у Форда, что нужно делать. Когда я приехал, он стоял, прислонившись спиной к своему Humvee. Я посмотрел налево. Там лежали тела, прикрытые брезентом. Ветер сорвал его, и я увидел Дженкинса. Это был настоящий шок. Его тело было полностью сожжено. Один черный уголь, и только зубы белеют. Я понял, что это он, потому что у него на ноге была бирка с именем. И я узнал его машину. Это был такой ужас! Настоящий шок! Я потерял дар речи. Я даже вообразить такого себе не мог. Но это все происходило на самом деле. Я упал на колени. Я посмотрел на Форда, вдруг он мне объяснит, как это все возможно. Но нет, он ничего не сказал».

Увиденное стоит перед глазами Шелтона и сейчас, 20 лет спустя. Он рассказывает мне все это по телефону и начинает рыдать. Мне приходит в голову, что моя затея с книгой на самом деле может оказаться очень рискованной. Если мне и удастся убедить ветеранов поделиться со мной своим опытом, кто знает, к каким последствиям это приведет? Не станет ли им после этого еще хуже?

«Я не знаю, что это было – шок или злость, только я кричал и кричал, что они мертвы и что я больше не хочу заниматься всем этим. Я был в ярости, сбит с толку. Мне казалось, что

¹⁷ А-10 Thunderbolt – американский военный самолет, разработанный в 70-е гг. специально для оказания поддержки сухопутным войскам. Самолеты выглядели немного неуклюже и не могли развивать особенно высокую скорость, поэтому солдаты окрестили их «кабанами». Однако они были оснащены оружием 30 мм и противотанковой ракетной установкой. Во время войны в Персидском заливе ими была уничтожена почти тысяча иракских танков и несколько тысяч единиц другой военной техники и артиллерийских орудий.

¹⁸ Это были одни из первых потерь американских войск во время сухопутных операций в Персидском заливе. Фотография Дженкинса была опубликована на обложке журнала *Time* от 18 февраля 1991 г. с подписью: «Война добралась до наших домов».

командир взвода специально сделал так, чтобы я увидел тела», – говорит Шелтон, продолжая плакать.

«Форд стал меня успокаивать, пытался переключить мое внимание. Вообще был очень добр ко мне. Но я не хотел, чтобы ко мне кто-то прикасался, чтобы со мной кто-то говорил. Они не видели того, что увидел я. Они не могли сказать мне, что все будет в порядке. В тот день никто ничего не мог мне сказать. Никакие слова не могли изменить то, что я увидел. Я просто хотел, чтобы меня оставили в покое. Это был шок. Да, я был в шоке. Помню, я сел в машину. А они лежали на песке. Я посмотрел на моего наводчика орудия... По рации меня вызывает лейтенант, я уже давно не связывался с ним. Он вызывает меня по рации, а я не могу ответить, просто не могу. Я смотрю на наводчика, а он мне говорит: “Ответь, пожалуйста”. В конце концов я беру рацию и начинаю повторять: “Они мертвы, мертвы, они все мертвы”».

Шелтон молчит несколько минут, потом продолжает: «Сначала тишина. Потом мне говорят: “Успокойся, Blue 2 [позывные Шелтона], успокойся”. Я видел, что наводчику страшно. Но я не хотел с ним разговаривать. Он ничего не мог мне сказать. Мы с ним так никогда это и не обсуждали, было слишком больно. Мне не было страшно, я испытывал только ярость. Нет, даже не ярость, что-то еще более ужасное. Шок оттого, что вот так, лицом к лицу, столкнулся со смертью. Я больше никогда не хочу такого пережить. Это какое-то животное чувство. Испытываешь ярость. Хочется убивать. Гнев был просто невыносимый. Мы снова вернулись на передовую. Мы стреляли и стреляли, я даже не понимал, кто это вокруг, не понимал, что это иракские солдаты.

Потом стрельба закончилась. Я почувствовал себя опустошенным. Во мне как будто что-то оборвалось. Появилась какая-то пустота. После этого боя все стало, как в тумане. Я перестал молиться Богу. Меня воспитывали в христианской семье, но я больше ни во что не верил. Обугленная человеческая плоть... Нас просто никто не слышит. После этого я участвовал во многих облавах. Я вызывался участвовать во всех операциях. Меня подстегивал гнев. Мне хотелось занять себя чем-нибудь. После этого первого боя мне было уже все равно. Если честно, так было даже легче. Я не испытывал ни грусти, ни чувства вины. Я только был очень зол. Ну и думал о том, что единственная возможность попасть домой – выполнить эту работу».

Через два дня Аль-Хафджи удалось освободить от иракских войск. Батальон Шелтона получил приказ войти на территорию Кувейта. После ожесточенного боя и потери 11 человек бойцы чувствовали себя беспокойно и напряженно.

«Мы пересекли границу Кувейта 2 февраля 1991 года. Мы сожгли почти все свои письма, чтобы они не попали в руки врагу. У меня осталось всего несколько писем и фотография сына Тирона. На рассвете, когда должно было взойти солнце, все до самого горизонта стало черным. Они [иракцы] подожгли месторождения нефти».

Чтобы прикрыть свое отступление, иракские войска подожгли 600 нефтяных скважин. Дым пожаров был настолько густой, что его видно на фотографиях из космоса. Шелтон смотрел на огни на огромном пространстве затянутой дымом пустыни, и ему все это казалось картиной из Апокалипсиса, мрачной и сюрреалистичной. Направляясь в Кувейт по дороге, расчищенной саперами от мин, его машина заглохла.

«Я смотрел, как войска уходят к горизонту. Я забрался на крышу машины, снял каску и бронежилет. Я хотел, чтобы в меня попали. В нас стреляли, и я хотел, чтоб в меня попали». Но его желание не исполнилось. Он снова надел каску и бронежилет, и его LAV отбуксировали в тыл на ремонт.

«Пока чинили машину, мы не принимали участия в бою. Из-за пожаров, устроенных иракцами, нефть буквально лилась с неба. Мы все были покрыты нефтью. Она была повсюду.

Как будто дождь, только нефтяной. И никуда от него не спрячешься».

Машину починили, и они направились в Кувейт.

«Мы нагнали свое подразделение в аэропорту Кувейта. И тут рядом с нами взорвалась ракета Scud. Такой взрыв, земля под ногами закачалась! Но вот что взбесило всех нас, не только меня: нам было приказано освободить аэропорт Кувейта от иракских войск. Ну, мы вошли в аэропорт, и какие-то пехотинцы установили там американский флаг. И попросили кувейтских бойцов поставить свой. И нас стали снимать. Представляете, это все ради фотографии! Нам столько пришлось пережить, чтобы получился хороший кадр!»

После окончания войны в Персидском заливе Шелтон еще двадцать лет прослужил в морской пехоте. Но несмотря на кажущуюся стабильность, душевного равновесия ему достичь не удалось. Воспоминания о погибших товарищах и сожженном трупe Дженкинса не оставили его до сих пор. Вернувшись в США, он начал пить и принимать наркотики. Но у него появилась и другая, еще более опасная привычка. Наверное, в этом была виновата не только война, но и какая-то более давняя травма. От этой привычки он не мог избавиться в течение 13 лет.

«Это началось в 1994 году. Я стал резать себя ножом. Выглядит ужасно, но помогает справиться с болью. Я брал кухонные ножи, ножи для мяса. Я это делал несколько раз в месяц. У меня весь живот в шрамах. И руки, и ноги тоже. Даже швы приходилось накладывать. На ногах из-за волос их не так видно, а вообще они заметные. Вот так, я ношу свою боль на себе. Нужно было как-то справляться с этой внутренней болью. Это немного помогало».

Кроме того, Шелтон вымещал свою злобу и боль на жене. После того как во время ссоры он ее ударил, его обязали пройти специальные курсы, чтобы научиться контролировать вспышки гнева. Несмотря на психологические проблемы, Шелтон подал заявку на одну из самых ответственных должностей в морской пехоте – должность инструктора. Отбор кандидатов предполагал встречу с психологом.

«Он спросил меня, все ли у меня в порядке. Я ответил: “Готов к бою!” Но я даже не мог смотреть ему в глаза. Он понял, что что-то не так», – рассказывает Шелтон. Но его кандидатуру все равно утвердили.

Шелтон обучал тех, кого должны были отправить на войну. Но у него самого внутри бушевала война. Он продолжал пить и резать себя. Дела шли все хуже. Брак Шелтона распался, после десяти лет совместной жизни жена забрала троих детей с собой в Нью-Джерси. Его направили в Косово, и там он два раза подвергался взысканиям за угрозы в адрес сослуживцев. В итоге его вернули обратно и направили на психологическую комиссию. Он женился во второй раз и снова развелся. Его карьера и даже жизнь висели на волоске. Однако причиной посттравматического синдрома у Шелтона стало не только пережитое на войне, но и более ранние события. Он утверждает, что в детстве пострадал от сексуального насилия со стороны одной дальней родственницы. Его семья не верит ему, поэтому он уже много лет не общается с ними.

Можно предположить, что психологические проблемы начались у Шелтона задолго до войны в Персидском заливе. Но участие в военных действиях окончательно подорвало его способность держать их под контролем. Травма, полученная то ли во время военных действий, то ли еще в детстве, привела к тому, что Шелтон перестал полностью осознавать происходящее с ним, перестал воспринимать события как часть реальной жизни. Доктор Джонатан Шей считает, что это довольно распространенное явление. В книге «Ахиллес во Вьетнаме» он пишет: «Столкнувшись со слишком большим злом, человек навсегда перестает быть доверчивым, “нормальным” человеком, который воспринимает привычный общественный порядок как систему личной безопасности. Когда ветеран перестает видеть смысл в том, что с ним происходит, это может привести к деперсонализации личности».

В конце концов проблемы Шелтона стали очевидны и военным врачам. За девять месяцев до его выхода на пенсию врач Управления по делам ветеранов поставил ему диагноз: депрессия и посттравматический синдром. Ему прописали целый ряд различных лекарств, в том числе антидепрессанты. Единственное, что ему оставалось, – попытаться получить увольнение по состоянию здоровья и постараться не попасть в какую-нибудь переделку, пока оформляют документы.

Сейчас, больше 20 лет спустя после войны в Персидском заливе, Шелтон практически нетрудоспособен и живет на небольшую военную пенсию по инвалидности. Для своей семьи он стал изгоем из-за обвинений в их адрес. Они живут в одном городе, но даже не разговаривают друг с другом. Он отказался от всех лекарств. Часто по ночам ходит по улицам со своей собакой Роско. Он старается не думать о войне.

«Я очень не хочу об этом думать. Но мне все время кажется, что я продолжаю слышать выстрелы. Я сижу дома, никуда не хожу. Все пережитое по-прежнему со мной, физически со мной. Я думаю, к этому нельзя быть готовым. Нельзя, если только ты уже не сумасшедший».

Шелтон говорит, что пережитое опустошило его, лишило его жизнь смысла и цели. Но он все еще надеется их обрести. Он активно принимает участие в различных программах психологической реабилитации, пытаюсь понять и принять все случившееся. Одна из программ называется «Боевая бумага» (www.combatpaper.org). Бывшие военнослужащие отправляют свою форму на переработку, а на изготовленной из нее бумаге рисуют или делают скульптуры из папье-маше. В рамках другой программы, «Военные писатели», он пробовал себя и в роли журналиста.

Вот одна из его статей, опубликованная на сайте программы www.warriorwriters.org:

«В своей жизни я сам демон. Я – тьма, окутывающая мои дни, пожирающая мои мысли, разрушающая меня изнутри. Я слишком далеко, чтобы мне можно было протянуть руку помощи: я уже сдался. Я не тот, кем кажусь вам со стороны или каким вы меня представляете. Я другой. Когда вы закрываете глаза, вы меня видите; когда вы идете по пустынной улице, я иду за вами; когда вы слышите шепот – это я. Но вы меня не найдете. Как вы можете искать меня, если даже не знаете, кто я? Я слышу голоса, слышу смех – это смеются надо мной. Я знаю, что моя жизнь кончена. Я просто инструмент, который день за днем ковали и завинчивали, пока я не погрузился во тьму, откуда нет выхода, впереди только еще большие страдания».

Эти слова полны пессимизма и отчаяния. Но врачи считают, что это, по крайней мере, попытка разделить с окружающими груз всего пережитого. А значит, шаг на пути к спасению.

P.S. Когда моя работа над книгой уже подходила к концу, я получил от Шелтона СМС-сообщение, подарившее мне надежду, что он все-таки сможет справиться со своими проблемами: «Кевин, недавно я встречался со своими детьми. Впервые за 10 лет!»

Отец автора, лейтенант ВМС Эдвард Сайтс (слева).
Папуа—Новая Гвинея, 1945 г.

Небольшое отступление Война моего отца

Как и многие другие представители воспетого в литературе «величайшего поколения»¹⁹, мой отец никогда не рассказывал мне о Второй мировой войне. Он служил энсином на десантном судне, доставлял морских пехотинцев на острова в южной части Тихого океана. Никогда он не говорил со мной и о службе на эсминце во время войны в Корее.

Знал я только то, что он участвовал в так называемой программе V12. Целями этой разработанной в 1943 году программы было, во-первых, пополнить ряды офицеров ВМС, в которых флот так нуждался во время войны. А во-вторых, помочь американским университетам: в них почти некому было учиться, ведь молодые люди уходили в армию, добровольцами или по призыву. Федеральное правительство обязалось оплатить обучение 100 000 человек в разных университетах, как государственных, так и частных. Они проходили ускоренный курс, три семестра, по четыре месяца каждый, а потом попадали либо в военно-морские училища, либо в учебные лагеря, в зависимости от того, где они собирались служить: в ВМС или морской пехоте. Тот, кто успешно проходил обучение, получал звание соответственно энсина или второго лейтенанта и отправлялся на войну.

Так случилось и с моим отцом. Он уехал из своего родного городка Женева в штате Огайо, чтобы командовать моряками в Тихом океане. Ему было 19 лет, и до этого он почти никогда не путешествовал дальше границ штата. И уж тем более никогда не был за границей. Я знал, что он гордился тем, что ему удалось завершить программу. Ускоренный курс обучения было нелегко пройти, и очень многие не выдерживали заданного темпа. Но, хотя отец рассказывал мне кое-что о том, как попал в ВМС, о самой службе он не говорил никогда.

¹⁹ Так журналист и телеведущий Том Брокау назвал в одноименной книге поколение американцев, выросшее во время Великой депрессии и участвовавшее во Второй мировой войне, – поколение, создавшее современную Америку.

Когда-то его молчание казалось мне ужасно эгоистичным. Как можно принадлежать к «величайшему поколению» и ничего, совсем ничего не рассказать о своей жизни! Сейчас я понимаю, что, наверное, просто не проявлял достаточного интереса. Или задавал не те вопросы.

Если я что-то и знал о его службе, то только благодаря старым фотографиям. Некоторые висели на стенах его кабинета, другие он хранил в коробке на чердаке. Почти на всех он старается произвести впечатление крутого парня: распахнутая на груди рубашка, развевающийся флаг – точно такие же фотографии солдаты сейчас снимают в Ираке или Афганистане. Помню, что одна из них по-настоящему поразила меня. Мой отец в камуфляжной форме держит в руке пистолет, направленный на пленных японцев. Они стоят в два ряда с поднятыми над головой руками. Мне было десять лет, когда я впервые увидел этот снимок, разбирая вещи отца на чердаке. Тогда я не совсем понял, что на нем изображено. Вроде бы мы с братом пытались расспросить отца об этой фотографии, но он по существу ничего не отвечал. Однажды, много лет спустя, я навещал родителей, живших в поселке для престарелых недалеко от Тусона. За несколько месяцев до этого я стал причиной международного скандала: опубликовал видео, на котором американский пехотинец расстреливает безоружного раненого – пленного иракца в мечети Эль-Фаллуджи. Они поддержали мое решение сделать эти кадры достоянием общественности, но отец очень спокойно заметил, что во время Второй мировой войны у них вообще был приказ пленных не брать. Мне тут же пришла на ум та фотография. Что же тогда на ней изображено? Этот вопрос стал неотступно меня преследовать. Я всегда был уверен, что мой отец никогда бы не поступился своими моральными принципами. Он работал в местном банке в отделе кредитов и, если клиенты дарили ему небольшие подарки на Рождество – скажем, корзины с фруктами, – всегда возвращал их. И прикладывал записку, что эти подарки никак не повлияют на его решение, давать дарителю кредит или нет. Неужели сейчас отец хотел сказать мне, что принятые в цивилизованном обществе правила поведения перестают действовать на войне? И правда, разве можно говорить о каких-то правилах, когда речь идет об убийстве? Именно этого я и боялся: что человек, воспитавший меня, любящий и заботливый муж, скромный служащий банка и любитель поиграть в выходные дни в гольф, – на самом деле хладнокровный убийца. Неужели он убил тех пленных, в которых целится на фотографии? Неужели мой отец поступил так же, как и многие другие: совершил казнь без суда и следствия, оправдывая себя тем, что, сложились обстоятельства по-другому, казнили бы его? Я снова и снова анализировал каждое его высказывание, когда-либо услышанное мной. О его гнев по поводу того, что творили японцы в Пёрл-Харбор, о том, как он оправдывал случившееся в Хиросиме и Нагасаки. Неужели под добродушной внешностью скрывался кровожадный зверь?

Эдвард Сайтс в Тихом океане, Вторая мировая война

Мне стыдно об этом говорить, но я, считавший своим долгом раскрыть правду об убийствах в мечети, не мог набраться смелости спросить собственного отца, не совершал ли он нечто подобное.

Я наблюдал, как мой отец стареет. Он стал плохо ходить и уже почти ничего не видел. И перестал быть в моих глазах гигантом, каким казался в детстве. Все свое время он посвящал заботе о моей матери (тоже ветеране: она была санитаркой во время войны в Корее), 35 лет проработавшей хирургической медсестрой и теперь мучавшейся болями в спине. Еще он любил слушать аудиокниги, которые ему выдавали в местном отделении Управления по делам

ветеранов.

Каждый раз, приезжая их навестить, я обещал себе, что задам ему этот вопрос. Но потом убеждал себя, что не стоит ворошить прошлое. В течение многих лет я мучился сомнениями, но все никак не мог собраться с духом и спросить его напрямую. Зато это сделал мой старший брат Тим. Однажды мы с ним вместе приехали к родителям на Рождество. Втроем с отцом мы сидели в гостиной и разговаривали о моей книге, когда Тим вдруг выдал: «Пап, а ты участвовал в настоящих боевых действиях во время войны? Тебе приходилось убивать?»

Я был как громом поражен. Вот так просто, не задумываясь, Тим задал вопрос, столько лет не дававший мне покоя. Вопрос, ответ на который я боялся услышать. Отец молчал.

Он скрестил руки на груди, прокашлялся. «Ну, вы же видели ту фотографию». Я затаил дыхание: вот сейчас, одним коротким ответом он разрушит всю мою систему ценностей, уничтожит все мои моральные принципы. Он продолжал: «Ту, с японцами». Как будто читал мои мысли. Мы с братом молча кивнули.

Я боялся, что сейчас оправдаются мои самые страшные сомнения. Вдруг этот добрый и честный человек на войне оказался не лучше остальных? Вдруг он тоже способен исполнить приказ и убить противника, сдавшегося в надежде на его человечность?

«Ну, так вот... Война-то уже закончилась. Япония капитулировала, и мы конвоировали их в лагерь для военнопленных. Наверное, тогда я был ближе всего к этому».

«Так ты их не застрелил?» – спросил Тим.

«Нет, – ответил отец с удивлением, как будто глупее вопроса и представить себе было нельзя. – Я никогда никого не убивал».

Боясь поднять глаза на отца, я очень старательно собирал вилкой остатки салата с тарелки. Конечно, он не мог прочесть мои мысли. Но мне было ужасно стыдно. Я ведь мог так никогда и не задать ему этот вопрос. Мог позволить ему уйти навсегда, так и не разрешив мои сомнения. И все из-за моей трусости. И с какой стати я вообще стал в нем сомневаться, ведь он никогда не давал мне ни малейшего повода для этого? Но в то же время я почувствовал и странное разочарование. Его ответ лишил мой рассказ иронии, изюминки. Наверное, это самая большая опасность, которой подвергается рассказчик историй о войне, – он начинает искать в них скрытый смысл. Смысл, которого они лишены.

P.S. Мне до сих пор стыдно за свои подозрения. Поэтому я даже немного рад, что отец вряд ли когда-либо сможет прочесть эту книгу.

Часть III

То, что убивает душу

Что никогда не получится забыть?

Стена внутри

Конечно, есть еще одна стена.

О ней мы никогда не говорим.

Ее мы никогда не видим.

Граница между памятью и забвением.

Стена, к которой не несут цветов.

СТЕНА ВНУТРИ.

Гостей туда мы не пускаем.
Моя – такая же, как все другие,
Одна из миллиона безымянных стен.
Стоящих посреди души обломков.
Ее не посещает разум,
Боясь испачкаться.
Оттуда скорбь и ярость
Мечут с бранью камни
В задвинутые ставни
Уходящей юности.
Вы знаете, о чем я говорю?

Стив Мейсон,

капитан Армии США (война во Вьетнаме), поэт. Отрывок из стихотворения «Стена внутри» (The Wall Within) Стивена Мейсона, ветерана и автора, возможно, самых известных стихов о войне во Вьетнаме. Стихотворение было прочитано на официальном открытии Мемориала ветеранов Вьетнама в Вашингтоне; оно вошло в книгу Мейсона «Песни Джонни: поэзия ветерана вьетнамской войны» (Johnny's Song: Poetry of a Vietnam Veteran).

Специалист Джо Кэли, Армия США,
1-й кавалерийский полк 25-й пехотной дивизии.
Война во Вьетнаме (1968–1970 гг.)

Глава 5 Псы войны

«Я заметил, какого они цвета. И увидел червей. Меня вырвало. Такое никогда не забывается. Но такая у нас была задача: нам надо было сосчитать количество погибших. Еще два трупа, можно занести в списки».

Впервые увидев тела погибших насильственной смертью, люди реагируют по-разному. Они могут испытывать какое-то извращенное, неодолимое любопытство. Им хочется рассмотреть все подробности, каждую мелочь во всем ее отвратительном великолепии. Они

почти наслаждаются видом изуродованного человеческого тела. Других, наоборот, начинает тошнить от одного только взгляда на это. Именно так было с Джо Кэли. Рядовой Кэли из города Кантон, штат Огайо, оказался во Вьетнаме, когда ему был 21 год. В первый же день, направляясь к своему подразделению, на дороге он увидел два разлагавшихся на солнце трупы бойцов Вьетконга.

«Я заметил, какого они цвета. И увидел червей, – рассказывает он. – Меня вырвало. Такое никогда не забывается. Но такая у нас была задача: нам надо было сосчитать количество погибших. Еще два трупы, можно занести в списки».

В армии Кэли оказался по призыву. Его вырвали из привычной, нормальной жизни, в которой он был женат на своей школьной подруге, работал продавцом обуви и по вечерам ходил на лекции в Кентский университет. Оказалось, что Кэли проводит в университете недостаточно времени: чтобы получить отсрочку от армии, нужно было иметь в запасе как минимум 12 кредитных часов. Иначе нельзя было считаться студентом и избежать призыва. Так произошло и с Кэли.

Он женился в феврале, а в марте его уже призвали.

«Это был очень неприятный сюрприз. Я вовсе не собирался становиться солдатом, – рассказал он мне во время одного из наших телефонных разговоров. – Когда меня призвали, я понял, что меня отправят во Вьетнам. Тот, кто поступал добровольцем, мог выбирать, где служить. А те, кого призывали, попадали во Вьетнам. Я думать тогда не думал о войне или смерти. Мы же были совсем детьми. И вели себя как дети: развлекались, ходили на вечеринки и все такое».

Кэли прошел начальную подготовку в учебном лагере в Форт-Нокс, Кентукки, потом попал в Форт-Полк, Луизиана. Он хотел было попробовать поступить в школу унтер-офицеров в Форт-Беннинг, Джорджия, чтобы потянуть время до отправки во Вьетнам. Но очень быстро понял, что этот вариант ему не подходит.

«Я не собирался приказывать людям убивать других людей. А это как раз задача унтер-офицера. Я вообще не хотел служить. Ну они и отправили меня в отряд временно прикомандированных».

В это подразделение обычно зачисляют военнослужащих, пока не получивших постоянного назначения, тех, кому в армии никак не могут найти место. Потому что они «не вписываются».

А потом Кэли ошибся с выбором.

«Меня спросили, хочу ли я работать с собаками. Я согласился. Не догадался, что имеется в виду работать с собаками на фронте. Ну, по крайней мере, спросили мое мнение».

Его зачислили во взвод кинологов-разведчиков 25-й пехотной дивизии. Проводники со специально обученными немецкими овчарками обязаны были проверять территорию, прежде чем на нее заходили основные силы подразделения. Собаки умели находить взрывные устройства, а также обнаруживать засады противника. Задача была смертельно опасной, ведь Кэли вместе со своей 20-килограммовой овчаркой Бароном во время наступления шли даже впереди головного дозора. Кэли очень быстро понял, что, если хочет выжить, ему нужно научиться полностью доверять Барону.

«Однажды я пытался заставить его идти вперед, но он не слушался, – рассказывает Кэли. – Что только ни делал, но все бесполезно. А потом выяснилось, что прямо перед нами была заложена мина-ловушка». Барон спас ему жизнь. «Я должен был безоговорочно доверять собаке. Знаете, за все те разы, когда в разведке были мы с Бароном, у нас никто не погиб. Я этим горжусь».

Задача Кэли и остальных кинологов-разведчиков была очень опасной, но при этом предельно простой. Если Барон подавал определенный сигнал и Кэли замечал какое-то движение, он открывал огонь. Тогда, правда, остальные солдаты подразделения тоже начинали стрелять, и, так как Кэли был впереди, он зачастую оказывался под перекрестным огнем.

Как у любого новичка, у Кэли иногда сдавали нервы. Он вспоминает, что его самой первой мишенью оказалась всего лишь куча листьев. Кэли смеется над собой и объясняет: «Иногда Барон предупреждал об опасности, и я начинал палить без разбора по деревьям, кустам, хотя там никого и не было».

Кэли освоился со своими новыми обязанностями, но тосковал по той жизни, от которой его оторвали, и с нетерпением ждал, когда сможет вернуться. Он должен был прослужить год. На своем подшлемнике он нарисовал контур родного штата Огайо и календарь на оставшиеся 365 дней. Каждый день он вычеркивал по одному в ожидании заветного момента, когда его, наконец, отпустят домой. Джо, конечно, понимал, как важна его работа. Но при этом он, как и остальные проводники служебных собак, оставался чужим в своей дивизии. Он не стал частью знаменитого солдатского братства, частью команды. Во всей дивизии таких разведчиков было не больше пятнадцати, и их постоянно перебрасывали к разным подразделениям, точно так же, как, например, «туннельных крыс»²⁰ или саперов. Их помощь ценилась высоко, но все же они стояли немного особняком от остальных. Они спасали жизни, но оставались для всех чужаками, одиночками. Чувство товарищества, общность с остальными солдатами – не для них. Так что Кэли приходилось вдвойне непросто.

Однажды они с Бароном, как обычно, проверяли территорию. Они шли параллельно дороге, метрах в десяти от нее: сами дороги часто бывали заминированы. Барон предупредил, что заметил кого-то чужого впереди. Кэли присмотрелся и разглядел фигуру человека. С того места, где он стоял, было видно только, что тот одет в белую рубашку и черные штаны. Кэли и второй проводник подняли свои винтовки М-16 и выстрелили. Человек упал. Тем временем подошли остальные, и несколько солдат отправилось выяснять, кто это и что с ним. Они вернулись и сообщили Кэли, что убитым оказался какой-то старик с мешком риса. Он не был вооружен. Ну и что? Все равно он наверняка нес рис для «Чарли»²¹. Кэли молодец, что пристрелил его. Еще одна потеря для противника.

Кэли говорит, что тогда не слишком долго раздумывал о случившемся. Он ведь просто выполнял свою работу. Это было всего лишь очередное задание. Да, получилось не очень хорошо, ну и что? Но после возвращения домой он стал часто вспоминать об убитом старике с мешком риса. Я заметил, что, рассказывая о периоде после окончания службы, Кэли избегает местоимения «я». Видимо, таким образом он пытается дистанцироваться от описываемых событий: «Такое событие не может не иметь последствий. Ты же человек. Тебя воспитывали совсем не для этого. Так нельзя. Было непросто это пережить. Причем по-настоящему плохо мне стало не сразу, а только какое-то время спустя. Вот так: приходится принимать решение, а потом с этим решением тебе жить всю оставшуюся жизнь. В тот момент действуешь

²⁰ Неофициальное название подразделений США, Австралии и Новой Зеландии, созданных специально для операций в подземных туннелях, вырытых вьетнамскими партизанами. Их задачей было искать туннели и проникать в них. При этом экипированы они были обычно только фонарем и крупнокалиберным пистолетом. В это подразделение чаще набирали солдат невысокого роста, чтобы им легче было пролезать в туннели.

²¹ Так американские военнослужащие называли партизан Национального фронта освобождения Вьетнама – Вьетконга. В английском варианте Вьетконг (VietCong) сокращенно пишется VC. В военном алфавите НАТО, используемом американскими радистами, для передачи буквы V обычно произносят «Виктор», для C – «Чарли». Получается «Виктор Чарли», что часто сокращали до «Чарли».

интуитивно, как учили. А потом, когда появляется время, начинаешь об этом думать. Снова и снова. Постоянно. Каждое решение, которое принимаешь там, имеет последствия, с которыми живешь потом всю жизнь».

Он вспоминает, как, вернувшись с войны, оказался в расколотом на два лагеря обществе. Его демобилизовали всего за два месяца до событий в Кентском университете: 4 мая 1970 года в его родном штате Огайо Национальная гвардия расстреляла антивоенную демонстрацию. За 13 секунд военные выстрелили 67 раз, убив четырех и ранив еще девять человек. Атмосфера в обществе становилась все более накаленной. Никто не был настроен на диалог, спокойное обсуждение. Наоборот, позиции оппонентов становились все ожесточеннее и непримиримее – часто действия противников войны даже приводили к насилию, против которого они как раз и протестовали. Так случилось и в Кентском университете. «Как вы думаете, – спрашивает меня Кэли, – что было бы, если бы после возвращения домой я рассказал кому-нибудь эту историю об убитом мной человеке с мешком риса? Какова была бы реакция на мой рассказ?»

«Служба во Вьетнаме сделала меня скрытным», – говорит он.

Кэли рассказал, как однажды, через несколько месяцев после случая со стариком, вертолет, перевозивший их на место очередной операции, был сбит. Они упали на рисовое поле. Кэли ударился спиной о панель управления, но серьезно никто не пострадал. В этой аварии он потерял свою винтовку. Другую он брать не стал, так что все оставшееся время во Вьетнаме оставался без винтовки.

«Мне выдали пистолет, но винтовку я брать не стал. Я больше никогда не выходил на задание с винтовкой. Я решил, что буду лучше спасать жизни, а не отнимать их». Кэли так и не смог простить себя за убийство старика. Вернувшись домой, он, как многие другие ветераны той войны, выбросил все свои награды и документы, связанные со службой. Позже он об этом пожалеет. Во-первых, ему нечего будет показать своим детям. А во-вторых, ему придется доказывать право на компенсации: он до сих пор страдает от посттравматического синдрома. Думая о Вьетнаме, он вспоминает вертолетную аварию, постоянные обстрелы американских передовых баз, но чаще всего – человека, которого он убил, когда тот нес еду врагам... а может быть, и не врагам.

Вернувшись домой, Кэли не стал рассказывать своим друзьям о службе. Да его никто и не расспрашивал. По его словам, многие из его знакомых вообще не догадывались, что он побывал во Вьетнаме. Он предпочитал ни с кем не общаться, быть один. Даже работу подбирал себе такую, чтобы оставаться как можно больше наедине с самим собой. Часто выходил в ночные смены – все равно его мучила бессонница. Какое-то время он работал в Republic Steel, тестировал металл на прочность. Потом водителем в курьерской фирме. Продолжать учебу он не мог. Говорит, что начались проблемы с концентрацией, он ни на чем не мог сосредоточиться.

Война лишила его сна, превратила дни в постоянный кошмар. Он все время был напряжен, все время настороже. Его пугали громкие звуки и гул вертолетов. Он начал пить и курить марихуану; правда, бросил после рождения детей. Ему было сложно общаться с людьми, даже с женой. Его брак вскоре распался.

«Я никому не доверял. И даже дома. Я чувствовал себя виноватым, особенно когда мы спорили. Никто не может понять, что с тобой происходит, и почему. Злишься, но ничего не можешь им объяснить. Ну с кем об этом можно поговорить? И что сказать?»

Кэли был уверен, что, как и во время службы во Вьетнаме, его понимают только собаки.

Может показаться странным, но только новые войны – в Ираке и Афганистане – заставили его осознать свои проблемы.

«Когда ребята начали возвращаться из Ирака и Афганистана, я смотрел на них и понимал,

с чем им приходится жить. Я не хотел, чтобы они испытали то же, что и я».

Кэли начал посещать местную клинику Управления по делам ветеранов. Там он рассказывает о своей жизни другим участникам боевых действий. Оказалось, что у них у всех есть нечто общее: им всем кажется, что их предали.

«В эту клинику ходят два или три солдата, служившие в Ираке и Афганистане. Их история очень похожа на мою. Все то же самое, изменилось только место и время. Их тоже обманули, как нас. С ними обошлись точно так же, как с нами».

Многие солдаты – представители самых разных поколений и участники самых разных войн – уверены, что политики и военное руководство предали их. Предательство – одна из главных тем всей военной литературы. Взять хотя бы «Илиаду» Гомера. Доктор Джонатан Шей в книге «Ахиллес во Вьетнаме» объясняет это чувство тем, что, выполняя отданные руководством приказы, военнотружущим приходится идти против собственной совести: «Если приказ командира идет вразрез с представлениями солдат о том, что “правильно”, он подрывает их веру в моральную оправданность своих действий, наносит им огромный ущерб. (“Илиада” – рассказ о том, каковы могут быть последствия.)».

Участники войны во Вьетнаме действительно сомневались в том, насколько оправданно их присутствие в этой стране. «Правильно» ли они поступают? Возможно, сомнения возникали потому, что руководство США не смогло достаточно убедительно обосновать необходимость начала войны. А может быть, причина заключалась в том, что большинство солдат были призывниками, а не добровольцами. Как бы то ни было, оказавшиеся во Вьетнаме военные начинали испытывать угрызения совести еще до того, как нажимали на спусковой крючок.

Понимание того, что другие ветераны разделяют его чувства, позволило Кэли сблизиться с ними. Наконец, после нескольких десятков лет он перестал быть чужим, изгоем в обществе; перестал скрывать свое прошлое, признал, что ему нужна помощь. Он был признан на 50 % нетрудоспособным и теперь получает от правительства ежемесячную пенсию в размере \$800. За ним также признали право на медицинскую и психологическую помощь. Только сейчас, спустя сорок с лишним лет после того, как закончилась его война, он начал принимать участие в программах реабилитации.

«Сейчас мне вроде бы становится лучше, – говорит Кэли. – Я понимаю, почему чувствую то, что чувствую. Психологи объяснили мне, что виной всему не то, что я сделал на войне, а то, что война сделала со мной. Для меня это стало откровением. С последствиями все равно приходится жить, но теперь это немного легче».

P.S. Кэли планирует вместе с группой других ветеранов вернуться во Вьетнам. Он надеется, что сможет таким образом справиться с призраками прошлого, главное – с призраком старика с мешком риса. Но он испытывает и определенные сомнения: «Я никак не возьму в толк, как они могут не ненавидеть нас за то, что мы сделали. Мне очень сложно в это поверить. Я не хочу прилететь туда и почувствовать их ненависть».

Те, кто уже побывал в таких поездках, убеждают его, что бояться нечего. Вьетнамский «враг», с которым он сражался, давно оставил ту войну в прошлом. Точно так же должен поступить и Кэли.

1-й лейтенант Томас Саал, Морская пехота США,
3-й батальон 5-го полка корпуса морской пехоты.
Война во Вьетнаме (1967–1968 гг.)

Глава 6 Распятие

«Я понял тогда, что потерял свою душу... Перестал быть человеком. Я буквально видел, как она улетела куда-то над моей головой. Наверное, души многих других, как моя, остались летать где-то над полями сражений, над Иводзимой или Геттисбергом».

Родители Томаса Саала были пацифистами. За обедом его отец часто рассуждал о том, что Америка не имела права начинать кампанию во Вьетнаме и что невинные люди погибли зря. В 21 год Томас бросил университет и поступил добровольцем в морскую пехоту. Он сделал это не со зла и вовсе не из желания насолить родителям. Но вряд ли он мог бы придумать что-то, что задело бы их сильнее.

«Курс подготовки в рекрутском депо Перрис-Айленд в Южной Каролине я закончил одним из лучших. Я всегда был довольно силен физически, кроме того, я оказался немного старше остальных. Большинству было восемнадцать, а мне двадцать один. Потом меня отправили в Кэмп-Лиджен [база Морской пехоты США в Северной Каролине]. Я подал заявку в школу офицеров. Меня взяли. В своем классе я был лучшим. Причем очень многих, 25 человек, отчислили».

В декабре 1967 года Саал оказался во Вьетнаме, на базе к югу от Дананга. Ему присвоили звание 2-го лейтенанта и поручили командовать взводом. Он был совсем новичком, но изо всех сил храбрился. Томас показал мне одну свою фотографию, на которой он с двумя другими солдатами, худой и с голым торсом, самоуверенно улыбается, как будто безумно рад оказаться на фронте.

Саал рассказал мне, как солдаты плакали, когда погиб другой лейтенант его роты, – так его все любили. Томас принял командование взводом погибшего. Со временем ему удалось завоевать уважение и любовь подчиненных и добиться сплоченности в своем подразделении. Целыми днями они продирались сквозь джунгли в поисках противника – вьетконговцев и солдат из Северного Вьетнама, а ночи проводили во временных лагерях в ожидании, что на них нападут. Однажды во время патрулирования территории они заметили бежавшего по рисовому полю человека.

Саал приказал убить его. Трое пехотинцев выстрелили, человек упал. Они обыскали тело убитого и обнаружили, что это офицер вьетнамской армии. Среди его бумаг были также фотографии жены и детей.

«Тогда я осознал, что мы убили человека».

Такие мысли шли вразрез с необходимой в военное время убежденностью в том, что в противнике нет ничего человеческого. Американские военные называли вьетнамцев «узкоглазыми» или «гуками»²², относились к ним скорее как к животным, чем как к людям. Дейв Гроссман рассуждает об этом в книге «Об убийстве: психологическая цена опыта убийства на войне и общество» (On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society): «Намного легче убить кого-то, кто не похож на тебя. Если солдаты начинают верить пропаганде и воспринимать противника как “низшую форму жизни”, им будет легче преодолеть естественное нежелание убивать представителей своего биологического вида. Часто, называя врага “гуком”, “фрицем” или “узкоглазым”, солдаты таким образом пытаются заставить себя воспринимать его как недочеловека».

В таком случае убийство рассматривается не как лишение человека жизни, а как устранение угрозы, спасение собственных товарищей по оружию. А раз так, то к телам врагов можно относиться как к трофеям на охоте. И Саалу скоро придется убедиться в этом на собственном опыте.

«После всего этого я себя неважно почувствовал, так что решил поспать. Когда я проснулся, увидел, что мои люди сделали с его телом... Черт, это был кошмар...» Томас до сих пор с ужасом вспоминает, что ему пришлось увидеть в тот день.

«Они собрали ветки бамбука и сделали из них крест, и они его распяли. Мои солдаты раздели его донага и распяли! И это мой взвод. Мои люди! А я-то думал, что держу все под контролем».

Он помнит, что начал кричать на них: «Снимите его! Снимите, мать вашу!»

«Сэр, да ладно вам, они бы то же самое сделали с нами, если бы кто-то из нас оказался на его месте», – услышал он в ответ.

«Да мне плевать! Мы же не они!»

Тело на кресте было не просто врагом, не просто «гуком» или опасным животным. Это был человек, офицер армии противника, у него были жена, дети. Он просто выполнял свою работу, как Саал и его товарищи – свою. Все это ему стало ясно, едва он взглянул на бумаги убитого. И это триумфальное распятие уверенными в своем превосходстве американцами показывало бесчеловечность его самого и его товарищей, а не мертвого солдата. Саал говорит, что в тот момент почувствовал внутри странную пустоту, словно навсегда потерял какую-то частичку себя.

«Я понял тогда, что потерял свою душу... Перестал быть человеком. Я буквально видел,

²² Впервые это презрительное прозвище появилось во время войны на Филиппинах (1899–1902). Его часто использовали американские солдаты, участвовавшие в конфликтах во Вьетнаме и Корее.

как она улетела куда-то над моей головой. Наверное, души многих других, как моя, остались летать где-то над полями сражений, над Иводзимой или Геттисбергом». Это был как раз такой момент, который описывает Джонатан Шей в книге «Ахиллес во Вьетнаме»: «Во время боя часто происходят необъяснимые события, которые солдаты воспринимают как предначертанные судьбой. Это могут быть моменты невероятной удачи. Или же, наоборот, они могут приносить несчастье, разрушающее всю дальнейшую жизнь и очерняющее душу».

Саал отошел подальше от своего взвода, сел на землю. Радист так и сфотографировал его сидящим на фоне зарослей слоновьей травы с опущенной на руки головой. Увидев фотографию, Томас сразу же понял, когда именно она была снята. Чувство, которое он испытал в тот момент, он описал в стихотворении «Распятие»:

*Потом, с печалью и злостью глядя
На коричневое высохшее пустынное рисовое поле,
Где я приказал убить человека,
Я наблюдал, как моя душа – часть меня,
которая больше уже не вернется, – улетает.
Но она не похожа на ангела.
Она – что-то темное и отчаявшееся.
И думал: как же это могло случиться?*

Томас так объясняет поступок своего взвода: «Они пробыли там всю осень. Война становилась все ожесточеннее. Многие из них участвовали в жутких боях. А когда убили их лейтенанта, у них появился мотив для мести. И тут эта смерть... Да еще его тело оказалось у нас – это редко случалось... Он был офицером вражеской армии, значит, мы убили серьезного противника, мы молодцы».

Это был момент морального предательства, когда друзья стали врагами. Страшное событие, какие часто происходят в бою. Они действительно убивают душу. Томас пытается справиться с посттравматическим синдромом, сочиняя стихи. Они помогают ему облечь свои воспоминания в форму повествования. Он показал мне одно стихотворение, которое, как он говорит, было сложнее всего написать:

Безымянная женщина

*Помню, как я увидел тебя. Твои длинные черные волосы. Было это
как будто вчера.
А наутро, меня карауля, стояла. Ждала, что приду к пепелищу, к
останкам деревни твоей.
Накануне мы все: ты и я, мои парни, подружки твои, разделились
на пары. Вместе ели, шутили, смеялись.
Вспышки счастья во время войны. Той войны, где нельзя никому
доверять. Той войны, где есть только враги.
На закате ушли мы, с засадой вблизи затаясь. Знали мы, что с
дозором приходят туда по ночам супостаты.
Так и вышло. Попали они к нам в засаду. Отступили в деревню. А я
сделал так, как учили меня.
Артиллерии отдал приказ – три удара один за другим.
Когда кончилось все, в черном воздухе, дымном и пыльном, звуки*

джунглей в ушах раздавались.

*На рассвете в деревню направились мы. И стояла там ты,
преграждая мне путь.*

*Взгляд твой в самое сердце мое проникал. Долго делал я вид,
будто не был я там.*

*Раз за разом я видел твой взгляд по ночам. Снам кошмарным я
счет потерял.*

*Пробужденья в поту, завыванья в ночи, словно призраки жаждут
отмишенья.*

*Разве сможешь простить, разве смею просить я тебя о
прощенье?*

*Как страна моя может пощады просить за несчастья и
разрушенья?*

*Я уверен, что тем, кто во зло обращал свою власть, бедным нес
разорение, смерть и напасти,*

*Не уйти от ответа, придется сполна по счетам заплатить.
Лишь тогда те, чью жизнь растоптали они, согласятся, возможно,
простить.*

Саал принимал участие в самых жестоких сражениях той войны, в том числе в Тетском наступлении в январе 1968-го: 80-тысячный контингент войск Северного Вьетнама и Вьетконга организовал согласованные атаки на 100 городов. В той операции Томас был ранен, и его отправили домой.

Незадолго до этого погиб один из его друзей Джек, тоже лейтенант. Он подорвался на наземной мине.

«Когда погиб Джек, это случилось 28 февраля, мне все вдруг стало безразлично. Я начал серьезно рисковать. Я часто ходил в разведку один, вооруженный только пистолетом... За нами все время следили».

Во время наступления морская пехота освободила город Хюэ от занимавших его батальонов армии Северного Вьетнама. Подразделение Саала столкнулось с отступавшими вьетнамцами и начало их преследовать. «Мы натолкнулись на них на склоне горы. Мы собирались оттеснить их на противоположный склон, где, как мы надеялись, были наши морские пехотинцы».

Саал вспоминает, что поднимался в гору так быстро, что его радист едва поспевал за ним. Весь день шел дождь, и на подошвы ботинок налипала грязь, а ноги скользили на мокрых камнях. Поднявшись на вершину, Саал увидел, что кто-то вырубил росший на ней кустарник. Он хотел забраться на выступ скалы, чтобы посмотреть, где находятся вьетнамцы, но, едва схватившись за один из камней, оказался в воздухе. В следующую секунду он рухнул на землю. Один ботинок свалился, руки и ноги были в крови. Он задел знаменитую «прыгающую Бетти», противопехотную осколочную мину. При срабатывании боевой снаряд запускается на высоту около метра. Затем происходит второй взрыв, и вокруг разлетаются металлические шарики, которыми начинена мина. «Бетти» заложили вьетнамцы, надеясь замедлить наступление американских войск.

«Помню, какой это был ужас. Я вырос в католической семье, поэтому я начал молиться об отпущении грехов, попросил прощения у родителей. Помню санитаря, который перевязывал мне раны и повторял: “Лейтенант, сукин ты сын, скоро вернешься домой”. Я старался

держаться, но все равно потерял сознание. Очнулся только в госпитале в Дананге. Меня эвакуировали на вертолете».

Следующие две недели он не мог вставать с постели. Все его тело было изранено осколками, но особенно серьезно пострадали ноги: мышечная ткань была порвана во многих местах. Каждую ночь госпиталь обстреливала вьетнамская армия. Саал говорит, что во время обстрелов ему было даже страшнее, чем в бою. Он не мог встать с койки и только накрывался подушкой, которую ему дала медсестра, чтобы было не так страшно. Потом его перевезли в Японию, где ему должны были сделать операцию но, как он рассказывает, там все было еще хуже.

Из-за транспортировки в Японию ему две недели не меняли повязки. Бинты прилипли к ранам. Какой-то врач-сидист решил просто сорвать их, даже не дав Саалу обезболивающего и не намочив бинты, чтобы их проще было снять.

Позже Томас описал в своем дневнике, что ему тогда пришлось пережить:

«Хватит, пожалуйста, хватит!»

Ширма отгораживает врача, санитар и солдата от остальных пациентов в палате, их больше сорока человек. Врач говорит, что нужно снять бинты. Солдат просит дать ему какое-нибудь обезболивающее: «Пожалуйста, дайте мне что-нибудь, чтобы не было так больно. Мне не меняли повязки две недели. Кровь засохла, и бинты прилипли к коже. Так уже было в Дананге, доктор дал мне тогда демерол и намочил бинты теплой водой, прежде чем снять их». Врач совершенно спокойно отвечает: «Нет, я не могу этого сделать. У меня мало времени. А так это займет всего несколько минут. Все будет в порядке». Он начинает разматывать бинты на правой руке. «Господи! – кричит солдат. – Хотя бы намочите их сначала!» – «У меня нет времени. Вы же здесь не один. В этой палате еще много солдат, которым нужна моя помощь.» И он снова принимается за работу. Солдат начинает кричать громче: «Господи, прекратите! Хватит, пожалуйста! Черт, хватит!» Санитар держит солдата, а врач начинает снимать повязку с левой руки. Солдат пытается вырваться, он кричит все громче и громче, а врач уже занимается бинтами на груди. Сейчас он начнет снимать их с ног, сильно израненных, покрытых запекшейся кровью. В ноги попало больше всего осколков. «Ах ты урод! Прекрати! Я больше не могу! Черт!» – «Послушайте, вы же офицер! Так ведите себя, как подобает офицеру. В этой палате много рядовых и сержантов, они могут вас услышать. Как вы думаете, каково им слышать ваши вопли? Прекратите ругаться и возьмите себя в руки.» – «Я прекращу, когда ты дашь мне обезболивающее! – кричит солдат. – Хватит! Я больше не могу». Врач сдирает бинты с присохшими кусками кожи сначала с левой, потом с правой ноги солдата. «Ах ты, урод!» – «Прекратите, лейтенант. Совсем немного осталось. Все, последний кусок. Ну вот и все, вполне терпимо было, правда?» Солдата относят на его койку, где он от боли теряет сознание».

Когда Саал вернулся в США, ему сделали еще несколько операций. После выздоровления Томасу оставалось служить еще восемь месяцев, и он начал работать инструктором в школе вторых лейтенантов. «Мне поручали класс, я обучал их, а потом они отправлялись на войну и погибали». (Среди его учеников был сенатор-демократ Джим Веб.)

Несмотря на все пережитое, Саал по-прежнему был сторонником военных действий во Вьетнаме. Он помнит, как после событий в Кентском университете кричал на своего брата, служившего в Национальной гвардии, но не участвовавшего в расстреле демонстрации: «Почему они убили только четверых?!» Постепенно его взгляды менялись.

«Я стал пацифистом. Но это потребовало много времени».

Саал вернулся домой две недели спустя после событий в Кентском университете и пошел

туда учиться. Ему снились кошмары о Вьетнаме, но он старался не обращать внимания. Он окончил университет, получил степень магистра английского языка. Он выбросил все, что могло напомнить о войне, и решил никогда о ней не говорить. В течение следующих 35 лет он следовал своему решению.

Томас предпочитал делать вид, что войны никогда в его жизни не было. Он начал преподавать английский в школе в своем родном городе Акрон, женился, у него четыре дочери. Но мысли и воспоминания о войне никогда не оставляли его. Да и как могло быть иначе, если ему казалось, что там он потерял свою душу? Он пытался избавиться от воспоминаний с помощью марихуаны.

«Да, я курил травку», – признает он. Но Томас не просто иногда покуривал, у него развилась настоящая зависимость. Со временем он стал выкуривать каждый месяц почти по полкило марихуаны. Обходилась она ему примерно в \$2000. По странному совпадению ровно столько же составляла его пенсия по инвалидности. То есть все деньги, которые он получал от морской пехоты, он тратил на то, чтобы попытаться забыть о своей службе. Хотя его главным средством от воспоминаний была марихуана, временами он чувствовал, что без текилы или водки ему не продержаться. И тогда, по выходным, он начинал пить. Саал признается, что в последний год работы в школе он курил так много, что иногда мог «забить косячок» буквально за несколько минут до начала занятий. Но при этом он отлично справлялся со своими обязанностями, в школе его считали одним из лучших учителей, трудолюбивым и преданным делу. Он активно участвовал в работе учительского профсоюза и каждый вечер допоздна проверял работы учеников. Несмотря на ранения, он снова, как когда-то во время учебы, начал бегать. Он пробегал по 15 км каждый день и даже участвовал в полумарафонах. При этом продолжал курить травку, старался как можно меньше времени проводить с семьей и не думать о прошлом.

Томас отказывался вспоминать о войне, в которой ему пришлось участвовать, но живо интересовался событиями в Ираке и Афганистане. Новости в СМИ заставляли его все сильнее переживать и волноваться. Он говорит, что летом 2005 года, когда в Ираке погибли морские пехотинцы из подразделения запаса штата Огайо, у него случился нервный срыв. А обвинения в адрес морских пехотинцев, якобы убивших мирных жителей в ответ на гибель пятерых своих товарищей во время засады в Хадите, вызывали у него самые настоящие приступы ярости. Разговоры о таких военных преступлениях выводили его из себя.

«Преступники не эти солдаты, а Буш и Чейни», – уверен он.

В мае 2006 года Томас понял, что больше не может прятаться от своей войны в сигаретном дыму. В течение последних четырех лет его проблемы становились все серьезнее. Новости о потерях американских войск еще больше разжигали его боль, злость и тоску. Он понял, что уже не может со всем этим справляться самостоятельно, и добровольно лег в психиатрическое отделение больницы святого Томаса в Акроне. Врачи посоветовали ему уволиться с работы и пройти шестимесячный курс лечения от посттравматического синдрома. Этот курс стал первым шагом в поисках души, которую, по словам Томаса, он потерял 36 лет назад во Вьетнаме.

«Оказавшись в больнице, первые две недели я проплакал. Я не плакал все 40 лет до этого. Но этот выплеск эмоций стал лучшим, что со мной произошло за все это время. Благодаря ему я смог отказаться от марихуаны и алкоголя. Если бы этого не случилось, я вряд ли бы сейчас с вами разговаривал. Срыв помог мне сменить курс».

Томас смог избавиться от зависимости. Впервые за долгие годы оказавшись в состоянии ясно мыслить, он решил постараться примириться со всем случившимся во время войны, которая чуть не убила его и которая отняла у него душу.

Но не все изменения были к лучшему. Когда Томас перестал скрывать свои психологические проблемы, тут же стали очевидны и проблемы в его семье. Он много лет не уделял должного внимания жене, и сейчас было уже слишком поздно просить прощения. Они развелись в 2007 году.

«Я вел себя, как все наркоманы: просто игнорировал ее и девочек».

Несмотря на развод он все же считает, что его жизнь стала лучше, когда он смог принять свое прошлое.

«Я больше не мечтаю о смерти. И я не хочу испытывать боль и злость, как раньше. Когда я узнал о том, что наш президент решил направить еще 30 000 солдат в Афганистан после своего заявления о прекращении там военной операции, я смог контролировать свою ярость. Мне по-прежнему снятся кошмары, но не так часто, как когда я пил и курил травку».

Он больше не преподает в школе. Теперь он работает в Freedom House, приюте для бывших военных, оказавшихся бездомными. Иногда он также добровольно помогает в наркологическом и психиатрическом отделениях больницы святого Томаса в Акроне. Он говорит, что лишь немногие ветераны, как он, в конце концов обращаются за помощью. Гораздо больше тех, кто продолжает «самолечение» алкоголем и наркотиками, окончательно разрушая собственную жизнь.

«Из десяти человек только один обращается за помощью. Из десяти, все-таки оказавшихся в больнице, восемь не проходят курс до конца. Быть трезвым очень непросто. Голова просто раскалывается. “Пойду загляну в бар”, – каждый день мне приходится слышать такое».

В мае 2012-го ровно шесть лет, как Томас Саал бросил пить и отказался от наркотиков, и ровно 42 года, как он ушел из морской пехоты.

«С войны возвращаешься другим человеком, не таким, как уходил из дома. Сейчас я много пишу. Раньше никогда не писал стихи. Это началось три месяца назад. Пришло вдохновение, как будто плотину прорвало. Я стал тем, кто я сейчас, потому что мне удалось бросить пить и курить. Я смог изменить свою жизнь. Я помогаю наркоманам и алкоголикам, которые хотят бросить, и собираюсь заниматься этим до конца своих дней. Тогда жизнь обретает смысл. Я больше не просыпаюсь по утрам с мыслью о травке. Если придерживаться всех правил, программа реабилитации работает. Чего мне еще желать? Я продолжаю учить, только теперь я учу ветеранов. Кроме того, сам продолжаю учиться тому, как бороться с последствиями травмы».

История Томаса Саала одновременно печальна и радостна, как истории всех ветеранов, сумевших признать свои проблемы и начать бороться с ними. Ему удалось победить демонов прошлого. Джонатан Шей пишет: «Если под выздоровлением понимать возврат утраченной невинности и доверия, выздоровление невозможно. Выздороветь для тех, кто пережил серьезную травму, означает принять собственную судьбу, в том числе собственные ограничения. Тогда жизнь ветеранов будет насыщенной и интересной, хотя, может быть, они никогда и не смогут похвастаться какими-то выдающимися достижениями».

Томас также участвует в работе группы под названием «Возвращение военных домой» (Warriors Journey Home), созданной психологом Эдвардом Тиком, автором книги «Война и душа: лечение наших ветеранов от посттравматического синдрома». Помимо прочего, группа организует для бывших военных поездки во Вьетнам, туда, где столько лет назад они участвовали в войне, о которой они никак не могут забыть.

В октябре 2010-го Томас Саал отправился во Вьетнам с доктором Тиком. Они посетили то самое место, где Томас пережил свою самую сильную психологическую травму: место, где его отряд распял тело убитого вьетнамского офицера. Я спросил его, нашел ли он свою потерянную

душу. Вот что он мне ответил:

«Эта поездка была просто замечательной. Да, я обрел душу на том самом месте, где 42 года назад потерял ее. Кроме того, я читал свои стихи ветеранам армии Северного Вьетнама и Вьетконга. Я раздавал игрушки ученикам школы, которую мы с другими ветеранами, членами моей группы, построили десять лет назад. Во всех вьетнамских газетах напечатали фотографию, где я раздаю куклы детишкам, и рассказали об одном моем стихотворении, написанном от лица ребенка, пострадавшего от воздействия химического вещества. И еще я был на встрече анонимных алкоголиков в Ханое, как раз когда там отмечалось тысячелетие города. Удивительная поездка!»

По возвращении Саал написал стихотворение, ознаменовавшее, как он считает, его окончательное выздоровление.

Возвращение домой

*Теплый ветер морской овеивает землю этих мирных людей,
Солнце освещает эту страну благоденствия,
Луна разгоняет ночной сумрак,
А мы, пилигримы, готовимся к возвращению домой
Из путешествия, что даровало нам возрождение.
Я благодарен всем тем, кто подарил мне выздоровление,
Кто помог мне пройти по этой священной дороге в поисках моей
потерянной души.
Было время, когда мне казалось, что мир отвернулся от меня
И мне не на кого положиться.
Темнота окружала меня, окутывала меня,
Высасывая из меня жизнь, подобно тому, как губка впитывает
воду.
Было время, когда я думал, что моя душа никогда не найдет
успокоения,
Когда ночи были бессонными, а дни беспросветными.
Когда мои мысли были полны смерти,
Когда умирающие дети, жены, потерявшие мужей,
Отчаявшиеся солдаты бродили по коридорам моего сна.
Но сейчас все изменилось.
Прошлое осталось в прошлом, с ним навсегда покончено.
Эту часть моей жизни я отложу в сторону,
Как прочитанный роман.
Сегодня я снова дышу прохладным и свежим весенним воздухом.
Сегодня я могу размышлять о своей жизни и могу принять самого
себя.
Я совершал ошибки, но я их исправил.
Сегодня я обрел мир.
Сегодня я вернул свою душу.
Солнцу, освещающему рисовые поля Вьетнама,*

*Я дарю свое сердце.
Дождю, орошающему поля этого красивого народа,
Я дарю кровь, пульсирующую в моих венах.
Тем, кто привел меня сюда, в страну прощения,
Я протягиваю руку – в знак примирения.
А вам, кто читает эти строки,
Я дарю улыбку благодарности и пожелания счастья и мира.*

**Том Саал,
ноябрь 2010 г.**

P.S. Томас Саал продолжает работать во Freedom House в Кенте, штат Огайо, заботясь о бездомных ветеранах. Он активно поддерживает группу «Возвращение военных домой» и помогает наркоманам и алкоголикам в больнице святого Томаса в Акроне. Он говорит, что перестал постоянно испытывать злость, грусть, отчаяние и тоску. Он снова, после многих лет, научился улыбаться, смеяться, плакать. Иногда он даже счастлив. Он считает, что счастье похоже на бабочку – это сравнение он как-то услышал от одного своего друга-психолога. Оно иногда садится вам на плечо ненадолго, а потом снова улетает. Томас научился жить в мире с самим собой. Этот мир он искал целых 35 лет после возвращения из Вьетнама.

Часть IV

Смертельные ошибки

Каково это – убивать сослуживцев или мирных жителей?

Все, кто когда-либо принимал участие в военных действиях, должны понять: так же, как они носили вещмешок, боеприпасы, флягу с водой и сухой паек, они должны будут повсюду носить с собой чувство вины и скорби. Им придется взвалить этот груз на свои плечи ради общества, за которое они сражались.

Карл Марлантес,
лейтенант корпуса Морской пехоты США (война во Вьетнаме),
писатель. Из книги Карла Марлантеса «Каково это – идти на войну?».

Специалист Майкл Аяла, Армия США,
1-й батальон 327-го пехотного полка.
Война в Ираке (2006 г.)

Глава 7

Недружественный огонь

«Если бы их застрелили боевики, а мы бы просто обнаружили их, нам не было бы так плохо. Но это мы их убили».

Ирак, где-то к юго-западу от Багдада. Довольно прохладно, конец ноября, смеркается. Синий корейский грузовик Bongo – здесь, в Ираке, таких полно; на них перевозят все что угодно: от мелкого скота до строительных блоков – несется навстречу американской автоколонне из четырех вездеходов Humvee. В одной из машин специалист Майкл Аяла. Грузовик еще прибавляет скорости. Пока он далеко, между ними расстояние с два футбольных поля, но у Аялы дурное предчувствие. И оно не обманывает: из кузова грузовика начинают стрелять. Столкновение неизбежно. Срабатывает инстинкт, мозг и тело солдата автоматически настраиваются на бой. На опасность реагирует центральная нервная система: в кровь выбрасывается адреналин; дыхание становится глубже, чтобы все важнейшие органы получали достаточно кислорода. Кровь устремляется от пищеварительного тракта к мускулам – им сейчас придется работать. Зрачки расширяются, чтобы увеличить поле зрения, чувства обостряются, болевой порог повышается. В такой ситуации инстинкты даже могут заглушить разум. Но Аяла – подготовленный солдат. Хотя биологически он и реагирует на опасность, но он не даст страху взять верх. Выработанная многочисленными тренировками мышечная память позволит ему выполнять все необходимое, чтобы выжить. В это время его мозг будет по-прежнему анализировать ситуацию и принимать взвешенные решения. Аяла проверяет оружие. Он готов встретить врага.

Услышав выстрелы, солдаты тут же занимают боевые позиции: два Humvee впереди под

углом 45° к дороге, два позади. Так их учили. Они все делают быстро, почти рефлекторно. Машины впереди должны принять на себя первый удар, за двумя другими укрываются шесть солдат. Аяла, сидевший на заднем сидении, открывает тяжелую бронированную дверь, укрывается за ней и направляет свою винтовку М-4 на приближающийся грузовик. Пулеметы американцев, браунинги М2 и М249 SAW, уже развернуты в сторону Bongo.

Аяла пытается побороть волнение. Ему всего 19 лет. Он в Ираке совсем недавно, всего месяц, но ему уже не раз пришлось столкнуться с насилием. При взрыве погиб один его друг, выходец из того же городка в восточной части Техаса, что и сам Аяла. Ему оторвало обе ноги. Сам Аяла тоже подорвался на самодельном взрывном устройстве и только чудом остался в живых.

И сейчас ему предстоит очередной бой. Грузовик приближается, не сбрасывая скорости.

«Тогда мы открыли огонь из браунинга», – рассказывает Аяла. Потом начинает стрелять и второй пулеметчик. Патроны калибра 12,7 мм размером с большой палец попадают в лобовое стекло грузовика. Оно разлетается на мелкие осколки. На грузовик обрушивается настоящий металлический дождь: пулемет SAW 249 может выстреливать до 200 патронов калибра 7,62 в минуту. Грузовик съезжает с дороги, врежется в дерево и останавливается. Аяла стреляет несколько раз по дымящейся машине из своей винтовки. Это чтобы наверняка, думает он. Он доволен: вполне возможно, им наконец-то удалось обезвредить повстанцев, которые в течение нескольких недель обстреливали лагерь Кэмп-Страйкер из минометов.

«Но потом наш командир взвода начал кричать: “Прекратить огонь! Прекратить огонь!” Он увидел, как какой-то человек выпрыгнул из грузовика и попытался укрыться в придорожной канаве», – рассказывает Аяла.

Командир взвода подходит к грузовику. И начинает звать на помощь. Аяла – специалист оперативного реагирования: его задача – помогать санитарам подразделения или, в случае их отсутствия, самому оказывать первую помощь. Он хватает аптечку и бежит к разбитому грузовику. Даже сейчас, четыре года спустя, он с ужасом вспоминает, что ему пришлось увидеть...

Я впервые встретил Майкла Аялу в начале ноября 2005 года, за несколько недель до описанных событий и ровно год спустя после операции «Ярость призрака» в Эль-Фаллудже, когда снял убийство в мечети. Я тогда работал над проектом «В горячей зоне» для Yahoo! News и был прикомандирован к частям 101-й воздушно-десантной дивизии, базировавшейся в Кэмп-Страйкер, вспомогательном опорном пункте при Кэмп-Виктория недалеко от аэропорта Багдада. Задачей 3-го взвода роты «А», в котором служил Аяла, было патрулировать территорию: день за днем они прочесывали картофельные и луковые поля к югу от аэропорта. Однажды штаб-сержант Дэвид Криспен заметил валявшуюся на земле надкушенную сырую картофелину. Наверное, кто-то был зверски голоден или просто сильно скучал. Еще Криспен обратил внимание, что земля возле того места, где лежала картофелина, недавно была перекопана. Ему это показалось подозрительным. В одном из домов солдаты позаимствовали лопату. Почти сразу они наткнулись на что-то металлическое. Это оказались пулеметные ленты и сорок артиллерийских снарядов 155 мм, завернутых в пластиковые пакеты для защиты от сырости.

Иракские повстанцы часто использовали артиллерийские снаряды для изготовления самодельных взрывных устройств. Они обычно соединяли несколько штук вместе, чтобы увеличить мощность взрыва, и закладывали их у дорог. Солдаты очень довольны собой. Они знают, что от взрывов таких устройств в Ираке гибнет очень много американцев и что благодаря своим детективным навыкам они сейчас спасли множество жизней. Я тоже рад: репортаж должен получиться отличный. История о том, как простым американским парням

удалось разрушить коварные замыслы боевиков, не пролив ни капли крови. Я снимаю, как они уничтожают найденное оружие.

Прибывшие саперы, сопровождаемые Аялой и его сослуживцами, отсоединяют острые кончики снарядов, в которых находятся взрыватели, закладывают в образовавшиеся отверстия пластиковую взрывчатку С4. Затем присоединяют собственные детонаторы. Один из саперов достает катушку со шнуром и отходит от снарядов метров на триста, разматывая его. Солдаты укрываются за стеной, и сапер поджигает шнур.

Один из саперов громко предупреждает о готовящемся взрыве, другой спокойнее повторяет предупреждение по рации.

«Осторожно, взрываем. Осторожно, взрываем».

Яркая оранжево-красная вспышка, оглушительный взрыв. Клубы черного дыма до самого горизонта. И финальный аккорд: разлетающиеся по полю вокруг нас металлические осколки. Радостные возгласы солдат 3-го взвода. Взрывчатка уничтожает взрывчатку.

Аяла подходит к месту взрыва. Там образовалась воронка диаметром больше 10 м и глубиной метров семь. От снарядов буквально ничего не осталось. Как будто никакого тайника и не было. С одной стороны воронки – вырванные взрывом и разбросанные по земле картофелины, с другой – луковицы. На краю поля – скошенная взрывной волной слоновья трава.

Я фотографирую Аялу. Он стоит одной ногой на краю воронки, «словно капитан Морган на этикетке рома», как он сам шутит потом. На снимке он улыбается. Но не все дни его службы в Ираке окажутся такими радостными, как тот.

Аяла мечтал стать солдатом с шести лет, когда увидел репортажи о войне в Персидском заливе по телевидению. Воспитанному приемными родителями мальчишке военные показались воплощением силы и непоколебимой мощи. Он смотрел на американцев в коричневой камуфляжной форме, на боевые машины пехоты Bradley и танки Abrams. Они пересекали пустыню, вселяя страх в сердца иракских захватчиков и даря надежду кувейтцам, оказавшимся пленниками в собственных домах.

«Я был тогда еще совсем маленьким, но сразу понял, чем хочу заниматься в жизни», – рассказывает Аяла. Он разговаривает со мной по телефону из Форт-Кэмпбелл в Кларксвилл, Теннесси, штаб-квартиры 101-й дивизии.

Через 13 лет, когда, будучи американским солдатом, Аяла чуть не погиб, картина уже не казалась ему такой благостной. Он вместе с еще одним солдатом осматривал окрестности с крыши дома, чтобы в случае необходимости прикрыть патрулирующих территорию товарищей. На крыше взорвалось взрывное устройство, заложенное повстанцами в бочке с водой. В первую секунду Аяле даже показалось, что их по ошибке приняли за повстанцев и обстреляли американские вертолеты Apache.

«Я потерял сознание. Когда очнулся, второй солдат пытался привести меня в чувство. Он мне сказал, что мы подорвались на самодельном взрывном устройстве. Мы все были покрыты пылью и каким-то мусором из-за взрыва. У меня в плече было два осколка. Ох, ну я тогда и разозлился! А те, кто видел взрыв, говорят, нам вообще чудом удалось выжить».

Их командир хотел вызвать вертолет, чтобы эвакуировать Аялу, но тот остановил его. Майкл боялся, что вертолет окажется мишенью для противника: спрятанное в бочке устройство управлялось дистанционно, скорее всего, с крыши соседнего дома. Тем же вечером подразделение Аялы захватило двух иракцев, которые, вероятно, и устроили взрыв. Аяла не стал мстить нападавшим. По его словам, ему было достаточно просто наконец-то посмотреть в глаза противнику, с которым почти никогда не удавалось встретиться лицом к лицу. Ведь тактика повстанцев сводилась в основном к тому, чтобы закладывать повсюду мины-ловушки

или другие взрывные устройства.

«Я усадил их, но никаких зуботычин. Уверен, они тряслись от страха, но я не собирался их бить. Конечно, не собирался я и нежничать с ними. Все как положено по Женевской конвенции, ни больше ни меньше», – вспоминает Майкл.

За ту операцию на крыше Аяла получил медаль «Пурпурное сердце». Но на самом деле свое боевое крещение он прошел еще за две недели до этого случая. Именно тогда он осознал, как опасен и жесток может быть враг, противостоящий самой мощной армии в мире. Вот как это произошло.

31 октября 2005 года. Хэллоуин. Подразделение Аялы прибыло в Ирак только две недели назад. Первое время, чтобы они могли освоиться в новой для них местности, их повсюду сопровождали солдаты подразделения, которое они должны были сменить. Той ночью они впервые патрулировали территорию самостоятельно. Их задачей было проверить, не заложены ли взрывные устройства на дороге, ведущей к лагерю. Километрах в пяти к юго-западу от Багдада они нашли мину. Вернее, она нашла их.

«Подорвалась вторая машина в колонне. Я сидел на переднем сиденье, высматривал взрывные устройства. И вдруг услышал оглушительный взрыв. Все оказалось в дыму, так что я не видел дальше капота своей машины. Я сначала вообще подумал, что подорвалась вся колонна».

Аяла побежал вперед, и его глазам предстала картина, напоминающая изображение ада на полотнах Иеронима Босха: огонь, муки, разрушения. Дым понемногу рассеялся, и он увидел груды искореженного металла, тела убитых и раненых товарищей. Пострадали военнослужащие из другого взвода роты Аялы. Первым он заметил рядового с оторванной выше колена ногой. Вокруг него все было залито кровью – кровотечение из бедренной артерии может привести к смерти всего за четыре минуты. Санитар уже наложил жгут, так что Аяла начал проверять, нет ли у рядового еще каких-то травм: контузий, сломанных костей.

Все это могло уменьшить его шансы на выживание. Сам Аяла был настолько испуган и взволнован, что едва мог унять дрожь в руках. Он решил, что состояние пострадавшего тяжелое, но стабильное. Аяла ошибся: рядовой умер от внутренних повреждений еще до того, как его смогли эвакуировать.

Рядом другой солдат, наводчик орудия подорвавшейся на mine машины, уже был мертв. Еще один военнослужащий, первый сержант, скончался от полученных ран в вертолете, когда его везли в полевой госпиталь. А потом Аяла увидел одного своего друга, выходца из той же части Техаса, что и он сам. Взрывом ему оторвало обе ноги.

«Санитар уже вколол ему морфий от боли. Больше мы ничего не могли сделать. Я просто держал его за руку и повторял, что вертолеты уже в пути». Позже Аяла узнал, что его другу не удалось выжить. Всего через две недели после прибытия в Ирак Майклу пришлось столкнуться со страданиями и смертью. Если они хотя бы сражались лицом к лицу с врагом, было бы проще. Но американские войска несли потери, даже не видя своего противника. Как можно победить невидимку? Той ночью он не мог уснуть.

«Я сидел на койке и думал: нужно чудо, чтобы мы смогли живыми вернуться из Ирака домой. Я боялся, что каждый день будет похож на этот».

После того случая он нервничал и паниковал каждый раз, когда приходилось патрулировать территорию.

«Я старался держать себя в руках. Но взрывы и стрельба продолжались, и я постоянно боялся».

Аяле тяжело было держать все свои переживания в себе. Но ни с кем, кроме сослуживцев, он не мог поделиться своими чувствами. Ему казалось, что ни его девушка, ни брат (хотя он и

служил в морской пехоте) не понимают его, когда он пытается объяснить, что с ним происходит. А родителям он не хотел рассказывать о гибели своих товарищей, чтобы лишний раз не волновать их...

17-летняя Кристин Макдэниелс не готова была стать матерью. Она ведь еще училась в школе. Поэтому, когда родился ее первенец, Майкл, она отдала его в приемную семью. Ей казалось, так будет лучше для всех. Врачи сказали Бобу и Пэм Аяле, что у них вряд ли будут свои дети, поэтому они решили усыновить ребенка. Майкл в их семье появился первым. Потом они усыновили еще троих, и Пэм все-таки родила сына. Боб был автором и исполнителем христианских песен, довольно широко известным в определенных кругах. Еще в 20 лет он потерял зрение из-за ретинита. Он неплохо зарабатывал, выступая в церквях и на религиозных фестивалях. Он также помогал записывать альбомы современной христианской музыкальной группе Last Days Ministry. Боб и Пэм были евангелистами и воспитывали своих детей соответственно. Майкл получил домашнее образование, участвовал в христианских митингах против абортов. Иногда он аккомпанировал отцу на гитаре во время выступлений. Но Боб часто ездил по гастролям, и особенно теплые отношения у Майкла сложились с матерью.

Когда Майклу было пятнадцать, Боба пригласили руководить хором в церкви Грейс в Нью-Гемпшире, и они переехали туда из Техаса. Майкл скучал по старому дому, но решил, что переезд никак не повлияет на его планы. Во втором классе средней школы он подал документы в ньюгемпширское отделение Национальной гвардии. Он выбрал специальную программу, позволяющую окончить школу, прежде чем приступить к службе. В следующем году он начал посещать курсы подготовки в Национальной гвардии, а в 2004-м, сразу после школьного выпускного, отправился в учебный лагерь для новобранцев. Аяла знал, куда хотел попасть: в пехоту. Но не в бронетанковое подразделение: обращаться с тяжелой техникой ему не нравилось. Ему хотелось служить в воздушно-десантных войсках. После тренировочного лагеря в Форт-Беннинг, Джорджия, его послали в Форт-Кэмпбелл, Кентукки, штаб-квартиру 101-й воздушно-десантной дивизии. «Клекочущие орлы», как принято называть это подразделение, прославились участием в высадке в Нормандии во время Второй мировой войны, когда они понесли тяжелые потери. В октябре 2005-го дивизию Майкла отправили в Ирак.

Когда Аяла увидел, кто находится внутри синего Bongo, ему стало плохо. Машина с разбитым всмятку капотом стояла у дороги, черный дым из выхлопной трубы смешивался с белым паром радиатора. В первую секунду Аяла даже подумал, что все это ему снится. Те, в кого они стреляли, оказались не иракскими повстанцами. Это были американские солдаты, товарищи Аялы. Как такое могло произойти? Сбылся самый страшный кошмар любого военного, когда в суматохе боя убивают своих. Официально такой инцидент называется парадоксально – «дружественный огонь». Американские солдаты используют другое слово – FUBAR (fucked up beyond all recognition – «замочили, обознавшись»).

Все находящиеся в грузовике либо убиты, либо ранены. Человек, выскочивший из машины в попытке спастись, лейтенант, командир взвода, лежит в придорожной канаве. Трое других все еще в кузове: иракский переводчик, задетый выстрелом из винтовки Аялы, радист с простреленной в нескольких местах рукой и санитар, которому в ногу попала срикошетившая пуля.

«Санитар стал кричать на нас: “Какого черта? Что вы наделали, идиоты?!”» – вспоминает Аяла. Несмотря на собственное ранение он пытался помочь остальным. Он подошел к кабине грузовика, и мир вокруг просто перестал существовать. Голос санитара теперь доносится из

какой-то другой реальности. Майкл протягивает руку к дверце кабины, рывком открывает ее. Внутри все забрызгано кровью, но оба солдата по-прежнему сидят на своих местах. Они мертвы. Их тела и лица испещрены крупнокалиберными пулями. Аяла узнает их: он почти каждый день встречал их в Кэмп-Страйкер. На месте водителя сержант Адам Крейн, на пассажирском сиденье – штаб-сержант Филипп Нардон (я не называю настоящие имена по просьбе их семей). Майкл в ужасе. Но он понимает, что им больше ничем не помочь, и возвращается к раненым. Санитар из подразделения Аялы уже оказывает помощь лейтенанту – единственному, кто пострадал не от «дружественного» огня. Он ранен в перестрелке с повстанцами, от которых как раз пытался удрать синий Bongo. Пуля вошла выше бронежилета в левое плечо и вышла сзади, задев легкое. Ему требуется немедленная помощь, рана может оказаться смертельной. Из куска пластмассы и скотча санитар сооружает герметичную конструкцию, которая не позволяет воздуху поступать в легкое. Один угол пластмассы не закреплен, чтобы воздух мог выходить. Аяла держит пакет с физраствором, а санитар вводит иглу в вену.

Они продолжают работу. Теперь очередь радиста, ему накладывают жгут. Он крупный, производит впечатление физически сильного человека, и ранение, скорее всего, не будет иметь серьезных последствий. Они перевязывают ногу санитару и, наконец, обрабатывают царапину на голове переводчика. Тем временем остальные в подразделении Аялы уже знают о случившемся. Одного из пулеметчиков тошнит, другой рыдает. Отныне их служба, независимо от дальнейших побед и героизма, навсегда будет омрачена этой непреднамеренной, но смертельной ошибкой. «Если бы их застрелили боевики, а мы бы просто обнаружили их, нам не было бы так плохо. Но это мы их убили».

У них с собой не было пластиковых мешков. Поэтому, достав тела сержантов из кабины грузовика, они накрыли их плащами. Дверь со стороны водителя оказалась зажата деревом, и Аяле пришлось перелезть через залитое кровью сиденье. Когда они вытаскивали тело Нардона, у него отвалилась отстреленная кисть руки. Командир взвода вызвал вертолеты. Сначала эвакуировали раненых. Второй вертолет, который должен был забрать тела, задержался, и Аялу оставили сторожить их. Ночью, при виде двух темных силуэтов на носилках на земле у его ног, Аяле было нестерпимо больно и жутко. Вертолет прилетел незадолго до рассвета. Он приземлился метрах в ста от них, и Аяла с товарищами отнесли тела.

Расследование инцидента завершилось только через месяц. Учитывая все обстоятельства, следователи признали оправданными действия 3-го взвода роты «А», подразделения Аялы. То, как развивались странные и жуткие события того дня, напоминает цепную реакцию машины Голдберга. Проверить одну из деревень недалеко от базы было приказано 2-му взводу. Они направились туда пешком. В деревне американцы наткнулись на повстанцев, завязалась перестрелка. Их командир, лейтенант, был ранен. В бою сломалась рация, так что американцы не смогли вызвать подкрепление. Командование принял сержант Нардон. Он приказал конфисковать случайно попавшийся им иракский грузовик, чтобы вернуться на нем обратно. Тем временем командование на базе узнало о перестрелке, и 3-му взводу было приказано оказать поддержку 2-му. Тогда подразделение Аялы выдвинулось навстречу синему грузовику. Отступавшие американцы отстреливались – эти выстрелы из кузова грузовика как раз и слышали Аяла и его товарищи. Они решили, что стреляют по ним. И сделали именно то, чему их учили, – уничтожили врага.

Пока продолжалось расследование, отношения между военнослужащими двух взводов оставались крайне напряженными.

«Все обвиняли нас. Они думали, мы просто заигрались, почувствовали себя крутыми

мачо. Когда стало известно решение комиссии, мы вздохнули с облегчением».

Но, конечно, решение комиссии не помогло Аяле и его товарищам забыть о случившемся. Им было очень сложно продолжать службу в горячей точке.

«Каждый раз, когда приходилось стрелять, я никак не мог решиться нажать на спусковой крючок. К счастью, мы не оказывались в слишком опасных ситуациях. Я не готов был стрелять, не удостоверившись на сто процентов, что все делаю правильно. Я не хотел повторить такую ошибку».

Аялу начали мучить кошмары. Почти каждую ночь ему снова и снова снилось, как они расстреливают грузовик. Кошмары не оставили его и после возвращения домой. Майкл пытался с ними бороться, забыть о случившемся. Вернувшись в США, он женился на сестре своего лучшего друга – ей было всего восемнадцать, ему – двадцать. Молодым супругам пришлось нелегко. Пережитое на войне слишком сильно изменило Майкла. Воспоминания о том ноябрьском дне, как вьюн-паразит на дереве, высасывали из него все жизненные силы, душили, не позволяли двигаться дальше. Он постоянно думал о погибших от «дружественного огня» товарищах. Он стал нелюдим, впадал в панику при звуке взрывающихся петард. Стал хранить заряженный дробовик в спальне, потому что у него появился параноидальный страх, что кто-нибудь вломится к ним домой. По ночам Майклу часто снилось, что он все еще в Ираке. Он будил жену со словами, что ее очередь дежурить. Иногда ей самой приходилось его будить, потому что во сне он что-то кричал по-арабски. Он начал принимать множество лекарств: лоразепам от депрессии, циталопрам от приступов паники, амбиен от бессонницы. Из-за побочного действия амбиена он стал ходить во сне. Иногда включал свет и начинал разбрасывать по комнате вещи, как будто искал спрятанное оружие.

Лекарства не помогали, Аяла по-прежнему просыпался по ночам от страха. И даже когда у них родилась дочь Килей, ничего не изменилось. Они оба были еще слишком молоды, Майкл никак не мог справиться со своими психологическими проблемами – легко понять, почему уже через два года они развелись. Майкл осознавал, что ему нужна помощь, он хотел поговорить с кем-нибудь о своих проблемах. Но знал, что это может повредить его военной карьере: его даже могли признать негодным к службе. Он все-таки решил рискнуть: после того как к пережитой травме добавилась личная трагедия, он уже точно не справился бы один. У его приемной матери, Пэм, нашли рак шейки матки.

Болезнь развивалась очень быстро, и 13 мая 2008-го Пэм умерла. Майкл не успел прилететь в Нью-Гемпшир из Форт-Беннинга, чтобы попрощаться с самым близким для него человеком.

«Многие не хотят признаваться в слабости. Но я считаю, если сам не справляешься, надо обращаться за помощью».

В Форт-Беннинге Майклу помог капеллан, недавно прошедший курс десенсибилизации и восстановления с помощью движения глаз (EMDR – Eye Movement Desensitization Reprocessing). Согласно этой методике, быстрое движение зрачков пациента, следящего за световой указкой или пальцем врача, должно помочь пациенту нейтрализовать травмирующие воспоминания.

«Он просто задавал мне вопросы. И постепенно я стал понимать, что я нормальный человек, просто мне пришлось многое пережить». После нескольких таких бесед Майклу стало лучше, а еще через какое-то время он смог отказаться от прописанных антидепрессантов и снотворных. Он говорит, что иногда, особенно по мере приближения очередной годовщины, ему снятся кошмары о том дне в Ираке. Но в целом он чувствует себя намного спокойнее и увереннее.

Время и лечение помогли ему справиться с последствиями пережитой травмы. Весной

2010 года Майкл узнал, что его снова должны отправить в зону боевых действий, на этот раз в Афганистан. Но он уже не был маленьким мальчиком, с восхищением смотревшим репортажи о войне в Персидском заливе. Он видел предостаточно насилия в своей жизни и не хотел снова столкнуться с ним. Он не был уверен, что сможет выдержать еще один год, если ему опять придется убивать и наблюдать, как умирают люди. Кроме того, Майкл боялся, что на этот раз может погибнуть сам. Но его поддерживала мысль о том, что однажды ему уже удалось справиться с травмирующими событиями: после командировки в Ирак он смог заново собрать кусочки своей разрушенной жизни. Он был готов повторить этот путь, вернувшись из Афганистана.

«Я знаю, что мне предстоит. Я уже был на войне. Я очень надеюсь, что в Афганистане все будет спокойнее и с нами ничего плохого не случится. Очень надеюсь, что вернемся мы все».

P.S. Весной 2011 года Майкл Аяла вернулся из Афганистана. Вот что он написал мне:

«Я вернулся из Афганистана три недели назад. Эта командировка оказалась совсем не такой, как я ожидал. Афганцы упорнее в бою, чем иракцы. Но они тоже не подходят близко, предпочитают стрелять издалека. Мне дали очередное звание, сержанта. И я подписал контракт еще на пять лет. Перед отправкой в Афганистан мы снова сошлись с женой. Там, в Афганистане, было непросто, я потерял своих близких друзей. Но в целом, несмотря на то что я пережил, у меня все в порядке».

Капитан Закари Искол, Морская пехота США,
3-й батальон 1-го полка корпуса морской пехоты.
Война в Ираке (2003–2005 гг.)

Глава 8

Как это исправить?

«Сейчас, оглядываясь назад, я сомневаюсь в том, правильно ли мы поступали. Наверное, невозможно не размышлять о том, что пришлось пережить, с чем пришлось столкнуться на войне. Она не оставляет вас и после возвращения домой. После того как побывал на войне, нельзя не смотреть на вещи по-другому».

Мы, американцы, обычно несколько пренебрежительно относимся к успехам выходцев из состоятельных семей. Мы уверены, что их достижения не совсем заслуженны: с самого начала им помогали деньги и связи. Закари Искол действительно принадлежал к привилегированному классу. Его отец был успешным бизнесменом в области беспроводных коммуникаций. Но для его семьи понятие общественного долга имело не меньшее значение, чем личные права и благосостояние. Его мать одно время работала учительницей в государственной школе. Потом ее сфера деятельности расширилась – она стала заниматься вопросами образования вместе с лидерами Демократической партии, в том числе такими известными политиками, как Хилари Клинтон и Альберт Гор.

Закари вырос в городе Паундбридж, штат Нью-Йорк, рядом с заповедником площадью более 1500 гектаров. Искол все детство любил играть и гулять в лесу. Он мечтал стать не бизнесменом, как можно было бы предположить, а морским биологом. Родители Закари всегда учили его, что необходимо вернуть обществу долг за полученные от него привилегии. Эти же идеи прививали ученикам в Эксетерской академии Филлипса, одной из старейших частных школ США, в которой учился Искол. Основатель школы, просветитель Джон Филлипс в 1781 году изложил цели своего учебного заведения в памфлете «Дарственная» (Deed of Gift). Он был уверен, что просто дать знания ученикам недостаточно. Необходимо воспитать в них добродетель:

«Прежде всего, необходимо, чтобы главной заботой учителей стал характер и моральные качества молодых людей, попечение о которых им доверено. Ведь нельзя забывать, что если добродетель без знаний слаба и недостаточна, то знания без добродетели опасны. Только вместе они могут сформировать благородный характер и позволить их обладателю принести пользу человечеству».

Эти слова глубоко поразили Закари. С детства он любил быть частью команды. Ему нравилось добиваться поставленной цели вместе с другими. Несмотря на свое не совсем атлетическое телосложение, он даже играл в футбол и хоккей, очень агрессивные виды спорта. Позже, поступив в Корнелльский университет, он попал в местную спортивную команду – играл в так называемый университетский американский футбол, в котором приоритет отдается скорости, а не силе игроков. Тренировал их Терри Каллен, бывший офицер морской пехоты, получивший за службу во Вьетнаме «Пурпурное сердце» и «Серебряную звезду», третью по старшинству американскую военную награду. Знакомство с ним впервые заставило Закари подумать о том, что военная служба может стать как раз тем способом вернуть долг обществу, о котором говорили его родители и учителя.

В глазах Искола Каллен был не просто тренером, а настоящим героем. Хотя Каллен, лысый, немного обрюзгший, никогда не рассказывал о своей службе во Вьетнаме в 1967 году, но это прошлое оставалось с ним. Однажды, когда он снял футболку в раздевалке, Искол заметил три больших шрама от ранения у него на плече. В том бою, когда Каллен был ранен, он до конца сражения продолжал командовать своими людьми. Каллен убеждал Искола, что если уж идти в армию, то только в морскую пехоту. Только там солдата могут научить всему тому, что понадобится ему в реальной жизни. Искол записался на курсы командиров взвода и все летние каникулы после первого и второго курсов провел в офицерской школе. В 2001-м, через год после окончания университета, он получил офицерское звание и был зачислен в корпус морской пехоты.

«Мой отец два года прослужил в ВВС, а оба дедушки воевали во Второй мировой войне, – рассказывает Искол. – У меня в жизни все складывалось очень гладко, так что мне было за что испытывать благодарность к своей стране. Я чувствовал, что пойти служить – мой долг. Вот таким я был идеалистом».

Первое боевое задание Искола в составе 1-го батальона 1-го полка морской пехоты получилось совсем не таким, как он рассчитывал. Он надеялся попасть в самый опасный район, в Багдад или провинцию Аль-Анбар. Но его направили на юг Ирака командовать водными операциями на реке Шатт-эль-Араб возле Басры.

«Сутки напролет мы патрулировали водные пути, осматривали рыболовецкие суда, изымали у них оружие или нефть, которую они контрабандой везли в Иран. Почти все суда, которые мы останавливали, занимались контрабандой. Как правило, в них был фальшпол с

потайным трюмом, где они прятали нефть. Обычно в каждой нашей операции участвовало шесть судов. Экипаж двух из них прикрывал остальных, снайперы брали на прицел судно, которое мы проверяли. Мы подходили к судну и просили у капитана разрешения подняться на борт. Потом капитан должен был собрать всю свою команду на палубе, а мы искали оружие и контрабандные товары».

Совсем не такого он ожидал от службы в Ираке.

«Ведь тогда происходили события исторической важности. А я не принимал в этом участия. Я испытывал то же, что, наверное, мог чувствовать какой-нибудь представитель “великого поколения”, которого не взяли в армию из-за плоскостопия».

Когда командировка закончилась, Искол тут же стал искать возможность вернуться обратно в Ирак. У сержанта, служившего в его взводе, оказался друг в 3-м батальоне 1-го полка корпуса морской пехоты. Он и помог добиться перевода. В июне 2004-го, проведя всего несколько месяцев в США, Искол снова отправился в Ирак. Через неделю после прибытия его назначили командовать так называемыми объединенными операциями: его взвод был на четыре месяца прикомандирован к шести взводам Национальной гвардии Ирака. По словам Закари, бойцы пяти иракских взводов были шиитами и уже неоднократно участвовали в совместных операциях с американцами. В шестом же взводе преобладали сунниты, скорее всего, имевшие связи с повстанцами.

Исколу помогал переводчик, Халил Абуд. Абуд стал близким другом Закари, его гидом, учителем, доверенным лицом. Их связывали настолько близкие отношения, что иракские солдаты даже стали называть Абуда Абу Заки, то есть отцом Зака.

Абуд начал работать на американцев, потому что не мог прокормить свою семью на положенную ему пенсию – \$10 в месяц. Сначала он помогал американской пехоте, а потом оказался в провинции Аль-Анбар, где стал переводчиком уже для морских пехотинцев.

Абуд умел, не теряя собственного достоинства, находить общий язык со всеми – от бедных крестьян до влиятельных шейхов. Искол говорит, что Халил настолько хорошо ладил с лидерами местных кланов, что иногда чувствовал себя в его присутствии маленьким мальчиком. Поначалу ему было сложно с этим мириться. Он вспоминает, как однажды во время встречи прервал Халила: «Спасибо большое, что поддерживаете с ними беседу, но я бы предпочел, чтобы вы только переводили, я бы хотел сам с ними разговаривать». На самом деле Абуд и местные вожди только обменивались приветствиями, они еще не перешли к делу. В комнате воцарилось молчание. «Тогда я понял, что мне нужно попридержать свой пыл, быть поскромнее. Абуд во всем этом разбирался гораздо лучше меня».

«Следующие полгода мы каждый день проводили вместе. Он стал моими глазами, моими ушами, моим голосом. Я ему доверял, как собственному отцу. Я знал, что он очень порядочный человек. Было в нем что-то особенное».

Искол многим обязан Абуду. За одну услугу он особенно благодарен своему другу.

«Однажды нам поступила информация о том, что ночью отряд боевиков должен направляться из Эль-Фаллуджи в Багдад. Нам было приказано поставить на дороге контрольно-пропускной пункт, соорудить заграждения из колючей проволоки, все как положено. Поскольку повстанцы часто просто подъезжали к КПП, стреляли несколько раз и уезжали, мне пришла в голову идея устанавливать на дороге шипованные пластины с дистанционным управлением, чтобы прокалывать им шины при попытке скрыться. В общем, мы поставили временный пропускной пункт на трассе Мичиган²³ в пяти километрах к востоку

²³ Во время кампаний американские военные, как правило, называют основные местные дороги более привычным для себя способом. Например, в Ираке были в ходу названия «трасса Мичиган» или «трасса Тампа».

от Эль-Фаллуджи. Устроили засаду, стали ждать. В какой-то момент увидели несущийся на большой скорости самосвал. Он снес нашу первую полосу заграждений, и наш пулеметчик открыл огонь. – Искол говорит, что сам отдал такой приказ. – Потом все наши, иракцы тоже, начали стрелять. И тут оказалось, что мы заняли неудачные позиции: мы ведь находились рядом с шипами на дороге, и получалось, что другие наши подразделения стреляют в нашем направлении. А мы решили, что нас обстреливают из самосвала. В конце концов самосвал съехал с дороги и остановился».

Машина могла быть начинена взрывчаткой.

«Мы ждали, что самосвал вот-вот взорвется, но взрыва не последовало. Тогда двое моих пехотинцев подошли к нему, один прикрывал, второй открыл дверь. В кабине самосвала сидел пожилой человек. Он был мертв. Он был в традиционной одежде, дишдаше, и весь в крови. Помню этот запах... дизельного топлива и крови», – Искол говорит очень тихо, ему тяжело вспоминать ту ночь.

«В такой момент очень хочется найти всему разумное объяснение. Нам очень хотелось верить, что мы убили противника, повстанца, а не мирного жителя. Мы никак не могли понять, почему он не остановился на КПП. Мы обыскали самосвал. Там оказалось очень много каких-то белых коробок, но никакой контрабанды. Сильнее всего меня поразил тот запах – дизельного топлива и крови. Вся кабина была изрешечена пулями. Ее стенки напоминали швейцарский сыр. Металлический корпус, сиденья – все было в дырках. И этот пожилой иракец. Лет шестидесяти, наверное. В лицо мы не попали, а вот вся дишдаша была в крови», – Искол замолкает.

«Мне было плохо, тошнота подступала к горлу. Еще я очень переживал за своих людей, за тех, кто нажимал на спусковой крючок. Все мы чуть ли не молиться были готовы, чтобы этот человек оказался повстанцем. Ну а потом я попытался понять, могли бы ли мы действовать как-то по-другому, стал снова проигрывать все случившееся в голове. Мысли путались, меня мучило. В голове только две мысли: я переживал, что мы убили ни в чем не повинного человека, и надеялся, что он все-таки окажется повстанцем. Вот эти две мысли».

Искол вернулся к грузовику, возле которого сержант выговаривал младшему капралу, первым открывшему огонь, за то, что он стрелял по тому месту, где находился Искол. Но Закари понимал, что это его план с шипами оказался крайне неудачным. Капрал стрелял в грузовик, точно определив направление. Искол оказался на линии огня, потому что сам ошибся при выборе позиции. И еще ему было ясно, что они убили невиновного. Мирного жителя.

«Я должен был сказать капралу, что он все сделал правильно. И что завтра ему придется делать то же самое. И это самое тяжелое. Ты же понимаешь, что отвечаешь за своих людей: за их жизнь, пока мы находимся там, и за их душевное состояние после возвращения домой». Если бы капрал промедлил, другие пехотинцы или их иракские союзники могли погибнуть. В любом случае именно Искол отвечал за все случившееся. Правильно он действовал или нет – груз ответственности оказался нелегкой ношей. Он почувствовал себя очень одиноким.

«Мы забрали тело в лагерь. Сделали скан радужной оболочки глаза²⁴ и отвезли тело в полицейский участок. Я сел писать рапорт об инциденте. Помню, нервничал, боялся, что у нас будут неприятности. К моему удивлению, все уладилось очень быстро. Я получил письмо по

Такого типа наименования используются всеми родами войск, на военных картах и в системах GPS.

²⁴ Армия США создала биометрическую базу данных, содержащую информацию об установленных повстанцах и террористах.

электронной почте: дело закрыто. Наши действия были признаны оправданными. Я подумал тогда, что мы недостаточно ценим жизнь иракцев. Конечно, мы должны защищаться. Но ведь погиб человек. Я хотел, чтобы наше командование признало, что отнятая человеческая жизнь заслуживает, по крайней мере, проведения расследования».

Закари понимал, насколько ценна каждая жизнь, в том числе и убитого ими иракца. Это стало еще более очевидно после разговора с братом погибшего, который пришел на базу на следующий день.

«Я почти целый день провел с ним. Он рассказал мне о своей семье. Рассказал, что погибший, его брат, очень поздно женился, потому что почти всю жизнь заботился о матери. У него было двое маленьких детей». Брат убитого объяснил Исколу, почему тот, скорее всего, не остановился у КПП. Он плохо видел, и у самосвала были проблемы с тормозами.

«Я позвал сотрудника военно-юридического управления, и мы сразу же выплатили брату погибшего компенсацию за потерю родственника – \$2500. Ведь он погиб по нашей вине. Наверное, ему было очень страшно прийти на базу. Даже представить себе не могу, каково ему было. Я пытался попросить прощения за то, что мы сделали, но он только повторял, что на все воля Аллаха и что, значит, пришло его время. Мы опасались, что его ограбят или даже убьют из-за этих денег, так что Абуд отвез его домой».

«Абуд вел себя очень почтительно с братом погибшего, был очень добр к нему. Но при этом все время повторял: “Случившееся – настоящая трагедия. Но так уж сложились обстоятельства. Каждый делал то, что должен был. Каждый действовал, исходя из имевшейся на тот момент информации”».

«Тогда я очень хотел в это верить. А сейчас виню себя за случившееся. Вероятность того, что убитый оказался бы повстанцем, была примерно 50 %. Исходя из этого я и действовал. Сейчас я думаю, что мы могли бы поступить по-другому, пойти на бóльшие риски. Конечно, если бы мои пехотинцы на самом деле оказались в опасности, я бы думал по-другому. Но я до сих пор задаюсь вопросом, к чему в конечном итоге привели наши действия. Вдруг этот инцидент заставил кого-то из иракцев присоединиться к повстанцам? В таком случае получается, что мы не обезопасили себя, а совсем наоборот».

Позже события того дня заставили Искола задуматься о том, насколько вообще оправдана политика американского военного руководства, отдающая приоритет защите американских солдат даже над принципом неприкосновенности жизни мирных граждан²⁵. В течение нескольких лет он был ярким сторонником американской кампании в Ираке, он сам добровольцем отправился туда, причем дважды. Но после случившегося Закари начал сомневаться в том, следовало ли США вообще начинать эту войну.

Но пока у Искола не было времени подолгу размышлять обо всем этом. Ситуация в Эль-Фаллудже становилась все более напряженной. Стички с повстанцами участились. Правда, сомнения так и не покидали Захари.

«У нас было два щенка, мы их называли Беовульф и Кэннонбол, как наши позывные. Беовульф сожрал средство от мух, и у него начались конвульсии. Никто из пехотинцев не решался прикончить его, и наш санитар позвал меня. Я надел мешок щенку на голову и застрелил его из своего пистолета. Тогда я понял, что все идет не так, как ожидал. Я думал, мне

²⁵ Политика «защиты войск» подразумевает, что американские войска должны по возможности сводить к минимуму свои риски во время кампании. Например, если не удастся установить точно, кто управляет приближающимся транспортным средством, военнослужащие имеют право стрелять на поражение. Возможно, если бы Искол и его товарищи не действовали согласно принципу «защиты войск», они не убили бы ни в чем не повинного водителя грузовика.

придется убивать повстанцев, сражаться с фанатиками. А вместо этого я убил щенка».

Вернувшись домой, Искол сначала очень хотел доказать самому себе и другим, что военная кампания США в Ираке оправдана. С фанатичной уверенностью он убеждал всех, кто готов был его слушать, что решение Америки начать войну было единственно верным. Но по прошествии некоторого времени его собственные утверждения стали казаться ему беспочвенными. Его учили анализировать и осмысливать все происходящее с ним, и сейчас он начал размышлять о своем военном опыте. Больше всего ему не давала покоя битва за Эль-Фаллуджу в ноябре 2004-го, масштабная операция по освобождению города от повстанцев. Американские войска выполнили свою задачу, но город практически сравняли с землей.

«Когда мы вернулись домой, нам казалось, что мы успешно выполнили очень важную задачу. Активность повстанцев, особенно в Аль-Анбаре, почти свелась к нулю. Но потом там поднялась очередная волна насилия, и я стал сомневаться, что наше присутствие вообще что-либо изменило. Я начал лучше понимать, что на самом деле произошло в Эль-Фаллудже. Мы считали, что начало всему положило убийство сотрудников Blackwater (американской частной охранной компании), но ведь для иракцев все началось еще за год до этого, – говорит Искол. – Сейчас, оглядываясь назад, я сомневаюсь в том, правильно ли мы поступали. Наверное, невозможно не размышлять о том, что пришлось пережить, с чем пришлось столкнуться на войне. Она не оставляет вас и по возвращении домой. После того как побывал на войне, нельзя не смотреть на вещи по-другому».

Искол понимал, что не может оставить в Ираке своего переводчика Абуда. Работая на американских военных, Абуд подвергал опасности не только себя, но и своих близких – жену и четырех дочерей. Им начали угрожать, так что они, как тысячи других иракцев, были вынуждены бежать в Иорданию. В то время иммиграционная политика США в отношении беженцев из Ирака, даже тех, кто сотрудничал с американскими войсками, была очень жесткой: в Соединенные Штаты пускали всего 3000 человек в год.

Искол не собирался мириться с этим. Он не мог бросить в опасности человека, помогавшего ему и его товарищам. Он начал писать во всевозможные инстанции, использовал связи родителей, даже ездил в Вашингтон, чтобы лично встретиться с сенаторами, которые могли бы ему помочь. Его настойчивость оказалась не напрасной. В конце концов Сенат провел специальное слушание, на которое пригласили Искола, и он выступил в защиту своего переводчика и других иракцев, оказывавших содействие американским войскам. В тот же день Абуду и его семье дали статус беженцев, и полгода спустя они переехали в Нью-Йорк.

«Я очень рад, что все так получилось, – говорит Закари. – Но неужели каждый раз, когда мы хотим кого-то пригласить сюда, необходимо устраивать слушание в Сенате?»

Искол устроил Абуда в отеле, принадлежавшем его друзьям. Потом нашел ему и его дочерям работу переводчиками. Но Закари не просто спас своего друга: его усилия помогли убедить американское правительство облегчить получение виз для тех, чья жизнь оказалась в опасности из-за содействия американцам во время их военных и политических кампаний.

Искол не рассматривал свою помощь Абуду как попытку загладить вину за убийство мирного жителя. Но он действительно хотел доказать, что жизнь иракца не менее ценна, чем жизнь американца.

Сделанного ему показалось недостаточно. Закари, воспитанный на заветах основателя Эксетерской академии Джона Филлипса о служении человечеству, чувствовал, что еще не до конца исполнил свой долг.

«Война выявляет в человеке самые лучшие и самые плохие его качества», – сказал он

однажды в интервью журналу *Fast Company*. Статья была посвящена его новому проекту, документальному фильму о пережитом в Ираке, который Искол назвал «Западный фронт». Название должно напомнить зрителям о романе Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» – в своем фильме Закари пытается найти ответы на те же вопросы: о цене и цели войны. «Битва за Эль-Фаллуджу была очень жестокой. Я участвовал и во многих других ожесточенных сражениях во время службы в Ираке».

Закари не пытается забыть о своем участии в военных действиях и о своих ошибках. Наоборот, он стремится проанализировать их и понять, как его опыт может в будущем оказаться полезным для него самого и для общества. Я познакомился с Исколом, как раз когда он работал над фильмом. Он слышал обо мне как об авторе «скандального» видео об убийстве в мечети Эль-Фаллуджи и знал, что во время операции «Ярость призрака» я был прикомандирован к другой роте его батальона. Я получил от него письмо с просьбой разрешить использовать в фильме некоторые снятые мной записи. Сначала я принял его просьбу в штыки и отказался. Дело в том, что, опубликовав видео об убийстве в мечети, я получил очень много резких, даже нелицеприятных отзывов от бывших морских пехотинцев. А через несколько лет все те, кто критиковал меня, как один начали просить предоставить им какую-нибудь из моих пленок для личного архива, например. Я подумал, что Искол один из них. Он объяснил, что я ошибался, и попросил дать ему интервью об увиденном в Эль-Фаллудже. (Потом он решил не включать это интервью в свой фильм: он хотел поделиться со зрителями личным опытом, а мой рассказ усложнял сюжет.) Я понял, что он искренне пытается примириться с пережитым во время войны. Он надеялся, что, сняв фильм, сможет глубже проанализировать свой опыт, поделиться им с другими и найти успокоение.

Закари слышал внутренний голос, который, как он надеялся, поможет ему справиться с самыми тяжелыми воспоминаниями. Об этом голосе пишет Гленн Грей в книге «Воины: размышления о мужчинах в бою»: «Какова бы ни была реакция, тот, кто слышал голос совести, начинает осознавать, что свобода означает возможность выбора. Он мог бы поступить не так, как поступил в действительности. Он мог сделать что-то по-другому. Перед ним открывается бесконечный мир возможностей. Одновременно он понимает, что несет ответственность за выбранный путь. Так что совесть становится первым шагом на пути к самоосмыслению. Именно благодаря ей у нас появляется представление о свободе и человеческой индивидуальности, а также о двух различных мирах: реальном и идеальном. По мере самопознания внутренняя история человека перестает соответствовать внешним событиям его жизни».

Желание помочь Абуду, решение снять документальный фильм о своих ошибках, осознание того, как меняется его система ценностей, – все это как раз и ознаменовало начало «внутренней истории» для Закари Искола.

«Я начал размышлять о том, что, возможно, наша страна должна пересмотреть свою практику использования силы для обеспечения собственной безопасности. И о том, почему мы как нация перестали развиваться, – рассказал Искол в том же интервью *Fast Company*. – Мы участвуем в двух войнах, но они даже не стали главным вопросом на повестке дня во время предвыборной кампании. Допустим, мы действительно можем чувствовать себя в безопасности благодаря тому, что где-то за границей сражаются наши войска. Но вдруг мы, теперь уже как нация в целом, повторяем те же ошибки, которые мы совершили на том КПП?»

Искол надеется найти ответ на этот вопрос. Снимая фильм, он еще раз вернулся в Ирак, но уже не как морской пехотинец, с оружием в руках, а как человек, пытающийся примириться со своей совестью. Ему нужно больше, чем истории о войне с открытым финалом. Он просто пытается понять. И в этом, вероятно, есть благородство.

P.S. Его документальный фильм «Западный фронт» демонстрировался на кинофестивале «Трайбека».

Часть V

Неоднозначность морали

Как узнать, что поступаешь правильно?

Война заполняет нашу душевную пустоту. Я не скучаю по войне, но я скучаю по тому, что она принесла.

Крис Хеджес,

писатель, бывший военный корреспондент. Из книги Криса Хеджеса «Война – это сила, придающая нам смысл» (War is a Force That Gives Us Meanings. Public Affairs, 2002).

Полковник Моррис Гоинс, Армия США,
1-й батальон 12-го кавалерийского полка.
Война в Ираке (2006–2008 гг.)

Глава 9

Моррис против Мо

«Есть те, кого надо убить. И те, кому надо помочь».

Командировка Морриса Гоинса в Ирак закончилась почти девять месяцев назад. Вернуться к мирной жизни оказалось не так уж сложно. Да, к чему-то пришлось привыкать заново. Он даже несколько раз встречался с психологом. Но в общем и целом у Гоинса все было в порядке. Пока однажды на дороге возле военной базы Форт-Худ в Техасе он не сбил белку.

«Я затормозил и чуть было не позвонил матери. Мне было так больно, что я кого-то убил. То же самое я чувствую, если на рыбалке мне на крючок попадается окунь. Я вижу кровь, и мне становится его жалко. Я говорю себе: успокойся, брат, это всего лишь рыба».

При этом полковник Гоинс совсем непохож на человека на грани нервного срыва. У него множество медалей, он умен, целеустремлен, уравновешен. Несмотря на частые и длительные командировки, Моррису удается находить время и для семьи.

Это настоящий профессионал, один из лучших в своей области. Я познакомился с Моррисом Гоинсом в Школе государственного управления имени Кеннеди при Гарвардском университете. Он оказался там, получив престижную стипендию, предназначенную для военных и сотрудников спецслужб. Я наблюдаю за ним в кулуарах школы, где в перерывах между занятиями студенты общаются друг с другом, завязывают новые полезные знакомства. Гоинс как будто собирается баллотироваться на пост мэра: он улыбается, пожимает всем руки, машет знакомым. Он уверен и энергичен, производит впечатление успешного предпринимателя или знаменитого повара.

Наверное, именно его общительность и эмоциональность помогли ему вернуться к мирной жизни после войны.

Он провел в Ираке 15 страшных, кровавых месяцев. Вернувшись домой, он был удивлен, что вообще способен хоть что-то чувствовать. Очень многие военные замыкаются в себе, предпочитают нести всю тяжесть пережитого в одиночестве и молчании – гордые и смиренные герои. Моррис Гоинс выбрал другой путь.

Он рассказал мне, что у него дома на полке камина лежит 28 солдатских жетонов. Это личные номера военнослужащих 1-го батальона 12-го кавалерийского полка, служивших под его командованием и погибших в боях в районе иракского города Бакубы. Еще 200 человек были ранены. Их подразделение попало в Ирак в 2006 году, и поначалу все шло довольно спокойно. Но потом они перевели свой форпост на иракский полицейский участок, и в одночасье все изменилось.

«Следующие 10 месяцев очень напоминали высадку на Омаха-Бич в фильме “Спасти рядового Райана”», – рассказывает Гоинс. Во время операций 17 танков, 34 боевые машины пехоты Bradley и 33 вездехода Humvee его подразделения были уничтожены или повреждены.

«Насколько я знаю, за всю кампанию только один батальон понес больше потерь, чем мой. Каждый день мы находили по 25 самодельных взрывных устройств. Мне было очень тяжело, и мои ребята это понимали. Помню, как один из них сказал мне: “Сэр, никто бы не хотел оказаться на вашем месте”».

И еще ему писали матери его солдат. Еще до отправки в Ирак он получил такое письмо: «Сделайте так, чтобы мой мальчик вернулся домой живым». Потом, уже в Ираке, еще одно: «Отпустите моего мальчика домой. Его отец болен».

В какой-то момент ему показалось, что он не выдержит: «Я потерял 9 человек за 11 дней».

Семье каждого погибшего Гоинс писал сам. Он не мог отправлять им сухие и безличные

официальные письма. «Я рассказывал, как погиб их сын, за что он сражался, что я о нем помню».

Оказавшись в Гарварде, Моррис попытался осмыслить проведенные в Ираке 15 месяцев, понять, что война значила для него, как она его изменила.

«Я часто думаю о том, что означает потеря человеческой жизни». В отличие от многих военных, он знает цену эмоциям и не пытается скрывать их. В 2007 году он дал откровенное интервью британской газете *Guardian*, опубликовавшей статью о его батальоне. «Иногда у меня просто не хватает сил все это вынести. Я такой же человек, как и вы. Но моим ребятам нужно, чтобы я сохранял самообладание и способность мыслить ясно. Я не имею права впадать в ярость и поддаваться желанию просто стрелять направо и налево. Но это не значит, что иногда, когда меня никто не видит, я не запираю дверь и не плачу в одиночестве. У меня в столе есть даже капли, чтобы никто не увидел мои красные глаза. Я много читаю Библию, много молюсь. Но потом прихожу в себя и делаю то, что должен».

Он помнит день, когда ему сообщили о первых потерях батальона. Сержант-майор сказал, что два их инженера подорвались на самодельном взрывном устройстве. У него в руке был листок бумаги с именами этих солдат и пометкой «убиты в бою». Гоинс отправил нескольких военных забрать тела. Он ждал их возвращения у ворот базы. А потом шел рядом с машиной, в которой везли тела, и плакал. Он помог отнести их в местный морг, где оторванные при взрыве части тел нужно было собрать вместе, прежде чем отправить в США.

Затем Гоинс собрал батальон и сказал своим ребятам, чтобы они не забывали погибших товарищей, писали их семьям, разговаривали о них – главное, не держали свои чувства в себе. Его собственный голос дрожал, когда он говорил все это. Он попросил капеллана прочитать молитву, но тот ответил, что лучше это сделать самому Гоинсу.

Моррис начал молиться, не пытаясь скрыть свою боль и скорбь. У него по лицу текли слезы – как у баптистского проповедника, на которого снизошел Святой Дух. «Утешь их семьи, Господи, – просил он. – И поддержи нас. Дай нам сил и упаси нас делать то, чего мы не желаем».

Его горе было искренним, но он думал и о тех, кто остался в живых. Он хотел, чтобы его солдаты дали волю своему горю, чтобы потом оно не превратилось в ярость.

«Я просил Господа, чтобы Он не дал злу поселиться в наших душах. Чтобы Он удержал нас от мести. Убивать людей несложно. С этим и обезьяна справится. Сложно поступать правильно».

И Гоинс считает, что им это удалось. Он сделал все, чтобы его подчиненные сконцентрировались на своих обязанностях, а не мечтали о мести. Но от него самого это потребовало огромных усилий. Самое главное – ему пришлось признать и принять две стороны своей собственной личности.

Он называет их Мо и Моррис. Это представление о двойственности человеческой природы отражает учение о Тени, или alter ego, о котором я говорил в предыдущих главах. Сам Гоинс таким образом просто пытается объяснить, как ему удалось выстроить стену между солдатом и человеком в себе.

«Моррис – это человек, которому жалко попавшегося на крючок окуня или сбитую белку. Он очень ранимый и эмоциональный. Но когда надо действовать, я превращаюсь в Мо. Мо принимает взвешенные решения, опираясь на факты».

Гоинс продемонстрировал мне различие между своими «я» на одном примере.

«Во время какой-то операции нас начали обстреливать со стороны одного дома. Потом мы увидели в бинокль, как стрелявший вошел внутрь. И еще увидели, что в доме два маленьких ребенка. Мы вызвали вертолеты, и я приказал им взорвать дом. Я понимал, что в доме дети, но

решение принял почти мгновенно. Дом нужно взорвать. Бум! Это не моя проблема».

Гоинс женат. У него самого есть сын, Си Джей. Он понимает, что его рассказ многим может показаться жестоким. Но Мо не поддается эмоциям, он мыслит ясно и логически. Он думает, нет, он знает, что спасает жизни – жизни своих солдат.

«Я отвечаю за жизнь своих ребят. И не отвечаю за жизнь тех детей. Вина тот, кто открыл по нам огонь. Во мне спокойно уживаются оба моих “я”, Мо и Моррис. У меня с этим никаких проблем нет. Хотя я знаю, что многим это сложно принять. Есть те, кого надо убить. И те, кому надо помочь», – говорит он как о чем-то само собой разумеющемся.

Бывший рейнджер армии США подполковник Дейв Гроссман, вероятно, согласился бы с доводами Морриса. В своей книге «Об убийстве» он размышляет о том, что подготовленный солдат на войне фактически превращается в живое оружие. Убийство при определенных условиях становится у военных простым рефлексом. Вот что он пишет: «Обычно во время боя современный, должным образом подготовленный солдат убивает не раздумывая. Это рефлекс, сознание даже не управляет его действиями. Человек как будто превращается в оружие. Взвести курок, снять оружие с предохранителя – это все довольно сложные действия. А вот нажать на спусковой крючок потом, оказывается, очень быстро и просто».

Получается, что действия Морриса predeterminedены еще до начала сражения. Он понимает, что отвечает за жизнь своих подчиненных. И это должно стать единственным критерием при принятии любого решения – например, стрелять или нет. Или кто сейчас командует: Мо или Моррис. На войне этот выбор не вызывает трудностей. Сложнее, объясняет Гоинс, помешать человеку продолжать оставаться солдатом в мирной жизни.

Он рассказал, как однажды во время перестрелки были ранены две иракские девочки.

Сначала Гоинс увидел одну раненую. «Наш санитар пытался спасти ее. Я подошел к ним. Ранения оказались очень серьезными, было ясно, что она не выживет». Тут ему сообщили по радиации, что в том же жилом районе есть еще одна раненая. Гоинс приказал санитару оставить первую девочку и пойти посмотреть, что со второй. Выяснилось, что она тоже в тяжелом состоянии, но ее еще можно спасти. Нужно было только забрать ее на базу, где ей могли бы оказать необходимую помощь. Санитар хотел отнести девочку в машину, но она начала плакать, и родители попросили не забирать ее. Санитар собирался проигнорировать их просьбы, но Гоинс приказал ему оставить девочку.

«Родители не хотели, чтобы мы забирали ее, – объясняет он. – Поэтому мы не могли увезти ее с собой, это было бы похищением человека. Я объяснил все это санитару и приказал оставить девочку». Санитар неохотно выполнил приказ, и они вернулись на базу. Гоинс прекрасно понимал, насколько серьезное решение он только что принял. Он фактически оставил девочек умирать. Он не мог сдержать слез. Моррис решил рассказать все командиру бригады.

«Я только что бросил двух маленьких девочек умирать», – сказал он полковнику Дэвиду Сатерлэнду. Следующие два часа полковник просидел с ним в машине, обсуждая случившееся.

Это как раз тот случай, когда решение принимал Мо, профессиональный военный, а с его последствиями пришлось жить Моррису, чувствительному и эмоциональному человеку. Но хотя разделение между Мо и Моррисом не абсолютно, именно оно помогает Гоинсу жить в мире с собой, со своей совестью, и спокойно выполнять свои профессиональные обязанности. Главное же, как считает сам Гоинс, только так он может быть одновременно и офицером, пользующимся уважением подчиненных, и человеком, поддерживающим близкие отношения со своими ребятами.

Гоинс знает, что через год, когда закончится его гарвардский курс, его скорее всего снова отправят на войну. На этот раз ему придется командовать уже не батальоном, а целой

бригадой²⁶. Новая должность подразумевает и новые обязанности. В его руках окажутся жизни еще большего числа подчиненных. Поддерживать равновесие между человеком и солдатом будет еще сложнее.

«Мне кажется, я готов к новой командировке. Но иногда сомневаюсь, выдержу ли. Мой бронезилет хранится в гараже, в любую минуту я могу его взять и отправиться в бой. Но командир ведь отвечает не только за себя. Колодец, из которого я черпаю силы, – из него черпают понемногу и все мои люди. Рано или поздно он пересохнет».

Даже если это случится, Морриса Гоинса должна утешать мысль о том, что его место займет его сын. Сейчас Си Джей – кадет Военной академии США в Вест-Пойнте.

P.S. Окончив курс в Гарвардской школе управления, полковник Моррис Гоинс получил командование 4-й десантной бригадной боевой группой 25-й пехотной дивизии. В январе 2012 года его бригаду направили в Афганистан. В составе оперативной группы Spartan она несет службу в опасном районе на востоке страны, возле города Хост и пакистанской границы.

Майор Лиор Тайлер,
609-я резервная пехотная бригада Армии обороны Израиля.
Война в Ливане (1989–1990 гг., 2006 г.)

Глава 10

Тихий солдат

«Мне было тогда пять лет. Я знал, что на нас напала Сирия, и мне было очень страшно. Помню, мама собрала узелок с самым необходимым. Он лежал у нас в коридоре на стуле. Когда объявляли воздушную тревогу, мы хватали его и бежали в бомбоубежище».

²⁶ Батальон Армии США обычно состоит из нескольких рот, от трех до пяти (500–600 военнослужащих). Бригада включает как минимум три батальона (3000–5000 человек).

Я познакомился с майором запаса Лиором Тайлером на базе в Галилее в августе 2006 года.

Военная кампания продолжается всего три недели (и скоро закончится), но по крайней мере здесь, в Ливане, разрушения масштабные. Лиору 38 лет, и он, судя по всему, уже очень устал воевать. Это и неудивительно, учитывая, как часто его 609-й бригаде приходится участвовать в операциях. Почти каждую ночь они совершают вылазки на территорию Ливана. Их задача – найти и уничтожить опорные пункты «Хезболлы», пока израильские войска готовятся к масштабному наступлению. Их подразделение уничтожило уже 60 боевиков и 10 взяло в плен, не понеся при этом никаких потерь. Тайлер объясняет столь успешные действия большим боевым опытом солдат бригады. Сейчас резервистам в одночасье пришлось прервать мирную жизнь и надеть военную форму – приказ № 8²⁷ был объявлен неожиданно. Но они не впервые в Ливане. Многим из них, как и Тайлеру, уже и раньше приходилось сражаться в этом районе, в том числе во время оккупации Южного Ливана в 1986–2000 гг.

«Мы уже были на этой территории. Здесь, в Ливане, – объясняет мне Тайлер. – Разница в том, что сейчас они используют другое оружие. И его у них стало больше».

Тайлер говорит, что опаснее всего зенитные ракеты, которые боевики «Хезболлы» покупают на черном рынке, – например, американские TOW.

«Проблема в том, что в этой военной кампании нам приходится сражаться не с официальной армией другой страны. Да, у “Хезболлы” есть довольно четкая стратегия. Но она не строится на установлении контакта. Наоборот, они используют приемы партизанской войны. Они заманивают противника на территорию, где они уже заложили мины-ловушки или где они могут использовать ракеты».

Он считает, что это, в первую очередь, психологическая война.

«Здесь самое главное – терпение. Нужно действовать последовательно, шаг за шагом. Просто продвигаться вперед и выжидать, пока они ошибутся. А потом использовать эту ошибку».

Необходимость снова стать солдатом вызывает у Тайлера и остальных резервистов смешанные чувства. Это одновременно и заставляет их волноваться, и кажется вполне естественным. Между вылазками они спят, играют в карты, курят, рассказывают о своей «другой» жизни.

Это жизнь, которую они вели до того, как получили приказ № 8.

Резервисты называют все это «опрокинуть тарелку»: ты как будто сидишь за красиво накрытым столом, перед тобой тарелки с едой, а потом вдруг кто-то выдергивает скатерть – и вся посуда опрокидывается на пол.

«Приказ № 8 объявляют очень редко. Это такая уникальная часть израильской жизни. К этому средству прибегают только в самых крайних случаях. Когда получаешь такой приказ, понимаешь, что все по-настоящему серьезно. Как будто кто-то нажимает на выключатель. То, что было до объявления приказа и что будет после, – это как будто две разные жизни».

Прошлое и настоящее этого государства, где собрались выходцы из самых разных стран и которое теперь зовется Израилем, переполнено борьбой и насилием. Так что только дети и старики свободны от обязанности взять в руки оружие, убивать или погибнуть самим, когда это потребуется для спасения страны. Многие здесь на протяжении почти всей своей жизни так и не могут понять, кто они – солдаты или мирные жители.

²⁷ Приказ № 8 – повестка, присылаемая резервистам с предписанием срочно явиться для прохождения службы в случае чрезвычайной ситуации: крупномасштабных военных операций или угрозы национальной безопасности.

Я отыскал Тайлера четыре года спустя после нашей первой встречи, когда снимал репортаж о конфликте между Израилем и «Хезболлой», известном здесь как Вторая Ливанская война. Один мой друг, живущий в Израиле, по моей просьбе узнал его адрес в Хайфе. Я расспросил Тайлера о его жизни и о жизни его семьи. Его история потрясает, но она не уникальна: многие евреи, выходцы из Восточной Европы, могли бы рассказать нечто подобное. Его отец, Яков (сейчас ему 84 года), пережил холокост и потерял всю семью во время оккупации Украины фашистской Германией.

«Мой отец оказался в месте даже более ужасном, чем концентрационный или трудовой лагерь. Всех евреев согнали в какую-то деревню на украинской границе и никого не выпускали оттуда. И в этой деревне они умирали один за другим от голода или болезней. Два брата моего отца погибли на его глазах, еще когда их гнали в это место. Потом ему пришлось похоронить своих родителей и последнего брата. Его самого спасло только то, что до войны он переболел брюшным тифом. И теперь, когда все вокруг умирали от тифа, у него был иммунитет. Его детская болезнь спасла ему жизнь. Но он был вынужден наблюдать, как умирает вся его семья. Могилу для умершего отца ему пришлось рыть собственными руками».

«Попавших в концлагерь откровенно убивали. В трудовом лагере заставляли работать, но хотя бы кормили. А моего отца и остальных просто оставили умирать. У них даже врачей не было – вообще ничего, никакой помощи». Отец Тайлера пробыл там два мучительных года: с 1942-го по 1944-й. Потом, после смерти всех близких, ему удалось сбежать в какую-то деревню, где он работал на крестьянина, согласившегося кормить и укрывать его. После войны он вернулся домой и увидел, что от его родной деревни ничего не осталось. Он попал в приют в Румынии. А потом решил эмигрировать в Израиль.

Он добирался до Израиля через Австрию, Венгрию, Чехословакию, Бельгию и Францию. Из Франции он попал в Израиль с боевиками «Иргун Цвай Леуми» («Национальная военная организация», сокращенно «Эцель»). Эта еврейская военизированная организация, действовавшая с 1931 по 1948 год, совершала теракты против арабов и англичан в период Британского мандата в Палестине. Израильское правительство попыталось включить боевиков «Эцель» в официальную армию новой страны, Армию обороны Израиля, но какое-то время группировка продолжала оставаться независимой.

Отец Тайлера приплыл в Израиль на борту «Альталены», судна, приобретенного «Эцелем» для доставки туда оружия и боеприпасов. «Альталена» прибыла к месту назначения в июне 1948 года. Израильское правительство приказало капитану сдать судно и груз. Тот отказался подчиниться, и артиллерия Армии обороны Израиля обстреляла «Альталену». Опасаясь, что взорвутся все находившиеся на судне боеприпасы, капитан приказал нескольким сотням бойцов «Эцеля» покинуть корабль.

«Он оказался на борту пресловутой “Альталены”, – рассказывает Тайлер о своем отце. – Он впервые ступил на израильскую землю в 1948 году. В одном нижнем белье, ведь ему пришлось вплавь добираться до берега». Тайлер-старший, как и большинство бойцов «Эцеля», в конце концов стал солдатом израильской армии.

«В армии его для начала откормили. Он был тощий, как палка. А потом сразу отправили на фронт. Он часто повторяет, что, если б погиб тогда, никто бы даже не узнал. У него во всем мире не осталось ни одного близкого человека.

Поэтому, сколько его помню, для него всегда была на первом месте семья. Он очень любит свой дом, у него холодильник всегда забит до отказа. И еще он очень эмоционален. Фотография голодающего ребенка из Конго может тронуть его до слез».

Мать Тайлера родилась в Израиле, в Хайфе. Ее родители бежали из Европы (отец из Чехословакии, мать из Венгрии) в 1933-м, незадолго до прихода нацистов к власти. Их семьи

остались и погибли в Освенциме.

Родители Тайлера познакомились на вечеринке в Хайфе и почти сразу поженились. Он работал в электроэнергетической компании, она была учительницей. У них родилось трое детей, два мальчика и девочка. Лиор – средний, «сэндвич», как он сам себя называет. Его мать мечтала внести свою лепту в освоение приграничных израильских земель, местного «Дикого Запада». И их семья переехала в Хацорха-Глилит, город на севере Израиля, где жизнь была куда сложнее, чем в большом городе вроде Хайфы. Конфликты, в которых участвовал Израиль, не обошли стороной и семью Тайлера. Особенно ему запомнилась война Судного дня в 1973 году. Войска сирийско-египетской коалиции напали на Израиль в самый священный день в еврейском календаре, Йом-кипур.

«Мне было тогда пять лет. Я знал, что на нас напала Сирия, и мне было очень страшно. Помню, мама собрала узелок с самым необходимым. Он лежал у нас в коридоре на стуле. Когда объявляли воздушную тревогу, мы хватали его и бежали в бомбоубежище. Там собирались все семьи района, все наши соседи и друзья, и было очень тесно. Поэтому постоянно вспыхивали какие-то ссоры. С одной стороны, мы все старались как-то поддерживать друг друга. А с другой – постоянно ссорились, потому что места едва хватало для всех, слишком много народа туда набивалось».

По словам Тайлера, несмотря на насилие, творившееся вокруг, его детство было счастливым, в нем было главное: игра и учеба.

«Помню, мама скупала все энциклопедии, которые только ей попадались на глаза. У нас дома целая стена была заставлена разными справочниками. Мне было интересно абсолютно все. Я прочитывал их от корки до корки! Хотел все знать. У родителей дома до сих пор сохранились эти книги».

Тайлер рассказывает, что был довольно замкнутым ребенком. Но это не мешало ему помимо чтения активно заниматься спортом: он бегал, играл в футбол и баскетбол.

«Мне нравилось бегать и ходить в походы. Я мог в один день побегать, поиграть в футбол, а потом отправиться куда-нибудь на прогулку. Много времени проводил на улице».

Любовь к активным видам спорта помогла ему во время службы: «Я оказался самым сильным физически в своем подразделении. И среди офицеров тоже».

В 1986-м, когда Тайлеру было 18, его призвали в армию. По израильским законам призывники должны отслужить три года. Но Тайлеру мало было стать простым солдатом. Его старший брат служил в легендарной бригаде Голани²⁸, и Тайлер был намерен пойти по его стопам. «Бригада Голани – одно из трех лучших подразделений в израильской армии. Благодаря ему наша страна победила в Войне за независимость. Но попасть в бригаду – одно, а вот удержаться там – совсем другое».

«У тебя же остаются друзья в других подразделениях, и ты понимаешь, насколько там лучше. Легче. Например, у нас три дня подряд идут учения, без сна и отдыха. Все начинают уже спать на ходу. А потом, после долгого перехода, мы оказываемся в палаточном лагере, и офицеры приказывают: “Восемь часов. Всем в душ и спать”. Тогда офицеры вообще могли делать все что угодно. И Боже упаси, если у твоего начальника не все в порядке с головой! – смеется Тайлер. – Сейчас уже не так... Ну так вот, офицеры приказывают идти спать. А через полчаса нас снова будят, приказывают одеваться, и мы снова выдвигаемся в поход. Это очень

²⁸ Бригада Голани, или 1-я бригада, – прославленное подразделение Армии обороны Израиля. Часто именно его первым отправляют в зону боевых действий. Однако военнослужащие бригады неоднократно привлекались к дисциплинарным взысканиям за серьезные проступки, в том числе за неповиновение офицерам, угрозы в адрес палестинцев и жестокое обращение с ними.

сложно вынести. Три дня учений, три дня без сна – это еще ничего. Но когда ты, наконец, оказался в постели, а тебя через полчаса снова поднимают, можно сорваться».

«Помню, как нам приходилось проводить целые ночи под проливным дождем. Стоишь, промокший до костей, вещмешок тоже насквозь мокрый, и смотришь на дома вдали. А в окнах – свет от комнатных обогревателей. Казалось, я не выдержу. Однажды ночью мы спали в палатках в какой-то низине на берегу реки, и шел дождь. Река поднялась, и палатки смыло. Но мы так устали, что нам было все равно. Офицеры пытались нас поднять, но не могли. Мы просто хотели еще немного поспать, и все. Палатки смыло, мы промокли насквозь, сухой одежды ни у кого не было. Но нам было плевать. Офицерам пришлось бить нас, чтобы мы встали. И это нормально. Кто-то со всем этим справляется легко, другие, даже если кажутся физически сильными, могут не выдержать и две такие ночи. Все зависит от человека. Однажды, во время учебных стрельб из боевого оружия, один солдат выстрелил в другого. По ошибке, просто из-за усталости».

«Я справлялся довольно легко. Ни одного учения, ни одной операции не пропустил. Ни разу не был ранен или травмирован. Единственная проблема – это что я любил поспать. Несколько ночей без сна – и я просто с ума начинал сходить. Мог прислониться к стене и вырубиться стоя. Но и это меня не сломало».

Выдержать такую подготовку Тайлеру помогла не только его физическая выносливость, но и, в первую очередь, сила характера. Он был зачислен в противотанковую роту бригады «Орев Голани».

«Туда-то я и хотел попасть. Казалось, это круто. Мы разъезжали на джипах. Конечно, на молодого парня это производит еще какое впечатление».

Тайлеру пришлось пройти тяжелую подготовку. Но самое главное, она научила его не только переносить трудности, но и быть частью команды.

«Мы проводили вместе 24 часа в сутки. Мы научились узнавать друг друга по походке в темноте. По ночам мы спали, обнявшись, потому что было очень холодно, и мы пытались так согреться. Такое не забывается. Мы знаем друг о друге все. Голос, особенности походки. Представьте: идешь вместе 50 километров, 50 километров перед тобой чья-то спина, голова и тень. Запоминаешь, как этот человек двигается, как он ходит, бежит... Как спит, храпит ли, что и как он ест. С тобой рядом постоянно 15 человек, и в каких только ситуациях не оказываешься с ними! Учишься им доверять. Знаешь, что они тебя прикроют во время боя, будут охранять, пока ты спишь. Между вами возникает очень тесная связь».

Но эта связь легко может и разорваться.

«Если кто-то каким-то своим поступком подрывает доверие, значит, все кончено. В мире военных второго шанса нет. Доверие создается медленно, постепенно. Разрушить его можно, например, если кто-то не сменит товарища в положенное время на посту. Или, скажем, пообещал оставить еду и не оставил. Тогда команда просто как будто выплевывает его. Доверие – очень, очень важно для военных спецподразделения. Потому что все знают: в некоторых ситуациях единственное, что тебя может спасти, – это не твое оружие, а твои товарищи».

Всего за два года Тайлер дослужился до офицерского звания и стал командовать боевыми операциями. В 1982 году Израиль второй раз вторгся в Ливан в ответ на нападение Организации освобождения Палестины на северной границе. На юге Ливана была создана так называемая «зона безопасности». Тайлер попал туда в 1987-м и прослужил там три года – сначала рядовым, а потом офицером.

«Они [ООП] боялись ввязываться в бой. Но они заминировали всю территорию. Нам очень повезло, что никто из нас не подорвался, потому что мины были буквально повсюду. Первое, что помню... Мы тогда были еще совсем новичками. И вот по рации нам передали, что

был очередной взрыв и что есть пострадавшие. Потом принесли на носилках бойца армии Южного Ливана²⁹. Но он уже был при смерти. С ним были четыре санитары, пытались его спасти, но все понимали, что он не жилец. Они вызвали вертолет, чтобы его эвакуировать. Вертолет прилетел только через полчаса, потому что мы ведь были на территории Ливана. И пилот, – Тайлер смеется, – пилот вызывает нас по радиации и спрашивает: “Ну как, он еще не умер там?” Я тогда был еще совсем зеленым, новичком. Тогда я впервые лицом к лицу столкнулся со смертью. Конечно, это запомнилось навсегда. У каждого солдата есть такой первый случай. Часто такие истории гораздо страшнее моей, но все равно каждый помнит первый свой случай. Именно тогда я понял, что конец может прийти неожиданно, в любую секунду. Это меня потрясло».

За время своей службы Тайлеру приходилось убивать и видеть, как гибнут его люди. Но он говорит, что причина, по которой он решил не становиться профессиональным военным, заключается совсем в другом. Причиной стало предательство. Тот инцидент не имел к нему прямого отношения. Но именно он заставил Лиора поставить под сомнение все, что лежит в основе системы ценностей любого солдата.

25 ноября 1987-го – Тайлер тогда служил уже год – два палестинских боевика попытались проникнуть на территорию Израиля с помощью дельтапланов. Дерзкая ночная атака застала израильские войска врасплох. Палестинцы были вооружены автоматами Калашникова, пистолетами и ручными гранатами. Один из них приземлился на территории зоны безопасности и был застрелен израильскими солдатами. Второй – вблизи базы Армии обороны Израиля возле города Кирьят-Шмона в северной части страны. Сначала он расстрелял проезжавший мимо армейский грузовик, убив водителя и ранив пассажира – женщину-военнослужащую, а потом направился на базу, находящуюся на расстоянии нескольких сотен километров. Часовой, дежуривший на входе, убежал, когда палестинец выстрелил в него, и тот смог беспрепятственно войти на территорию базы. Боевик открыл беспорядочный огонь по израильским палаткам и бросил в них несколько гранат. Он убил пятерых и ранил семь солдат. Одному из раненых офицеров удалось застрелить палестинца. Позже выяснилось, что разведка сообщала о возможном нападении, но никаких мер принято не было. Израильские СМИ выступили с резкой критикой в адрес тех, чья халатность стала причиной гибели солдат, но только покинувший свой пост часовой был привлечен к ответственности. Тайлера не было на той базе, но инцидент дал ему пищу для крайне неприятных размышлений.

«На самом деле офицеры просто спасали собственные шкуры. Я сам был офицером, пусть и младшим. Мне показалось, что в какой-то момент они просто забыли о том, что на самом деле важно. Они выгораживали друг друга, и мне это очень не понравилось. Я понял, что, если бы что-то случилось со мной, мне бы тоже никто не помог. Никакой поддержки. Я был хорошим солдатом, но после того случая я решил, что не хочу быть профессиональным военным».

Тайлер демобилизовался в августе 1990-го и был рад, что решил уйти из армии.

«Большинство израильтян призывают в армию в 18 лет. Получается, что они попадают в армию прямо из школы, из одной организации с жесткой дисциплиной в другую. После этого очень хочется оказаться на свободе. Вот почему многие, отслужив, отправляются в длительные путешествия по Индии или Южной Америке. Им хочется просыпаться по утрам, курить травку и целыми днями ничего не делать. Жить без плана – чтобы ничто не напоминало о той жизни, которая для них только что закончилась. К концу службы все только и говорят о том, что будут

²⁹ Вооруженное формирование, состоящее в основном из ливанцев-христиан, поддержавшее вторжение Израиля в 1982 г. Распалось в 2000-м, после ухода израильской армии с территории Южного Ливана. Многие ее члены бежали в Израиль либо были арестованы за измену ливанским правительством.

делать после армии. Мечтают о путешествиях. Судя по их разговорам, мало кто опасается, что надежды не оправдаются».

Джонатан Шей считает, что перемена обстановки может стать одним из способов избавиться от негативных последствий военного опыта. Вот что он пишет в книге «Одиссей в Америке»: «Многие израильтяне, с которыми я разговаривал, считают, что их ветераны реже страдают от посттравматического синдрома, потому что сразу после армии они отправляются путешествовать за границу, где их ждут новые впечатления и приключения».

Но Тайлер сразу после армии поступил в Университет Хайфы. Всего за три года он успел получить степень бакалавра по истории Ближнего Востока и жениться. С будущей женой он познакомился еще в школе, но потом обоих призвали в армию. К счастью, ее подразделение базировалось недалеко от места, где жили родители Тайлера. Как-то он приехал в отгул навестить родителей, и они случайно столкнулись. С тех пор они стали встречаться и, когда им исполнилось по 25 лет, поженились. Они оба еще учились, жили с ее родителями, у них не было постоянной работы. Потом они купили собственный дом, и всего через год родился их первый ребенок.

Поначалу Тайлер занимался продажами автомобилей, бытовой техники, электроники. В 1995 году ему предложили должность в крупном концерне Unilever, где он работает до сих пор. У него сейчас уже трое детей: две девочки, 17 и 14 лет, и шестилетний мальчик, любимчик Тайлера, которого он называет «драгоценный камень в моей короне».

Как и для его отца, семья – самое важное в жизни Лиора. Поэтому ему очень сложно каждый год на целый месяц оставлять их. Но ему приходится снова надевать военную форму и возвращаться в армию, как того требуют израильские законы от всех резервистов, то есть от большинства мужчин в возрасте до 43–45 лет.

«Сложно снова надевать форму и оставлять свою гражданскую жизнь. Кроме того, это всегда вредит карьере. Это всем тяжело, и студентам, и когда уже работаешь. Нелегко расставаться с семьей. Приходится все бросать и возвращаться в армию. А если в это время заболит дочь или сын? Жене приходится со всем справляться одной, а я в это время в армии. Конечно, это непросто».

Кроме того, профессиональные военные не очень-то жалуют резервистов.

«Как будто мало того, что приходится каждый год возвращаться в армию. Исполняешь свой долг, а никто этого не ценит. В армии к тебе относятся как к человеку второго сорта. Дело в том, что резервисты привыкли к гражданской жизни. Это взрослые люди, с определенным опытом. У всех нас есть профессии, в своей работе на гражданке мы используем свои знания, образование, опыт, какую-то логику. С возрастом вообще начинаешь чаще спрашивать “почему?”. В 18 лет такие вопросы не задаешь, но, когда становишься старше, тебя интересует, почему ты обязан делать то-то или то-то. У некоторых военнослужащих запаса есть свои фирмы, они занимают серьезные должности и вовсе не собираются принимать все как само собой разумеющееся. Это, конечно, осложняет отношения на службе».

Тайлер говорит как раз о проблеме самоопределения, с которой приходится сталкиваться резервистам. В отличие от профессиональных военнослужащих, им приходится жить как бы сразу в двух мирах: гражданском и военном. А что если помощь потребуется одновременно и его семье, и его сослуживцам? Долг перед кем важнее?

В 2006 году был объявлен приказ № 8, и Тайлеру снова пришлось отправиться на войну – противостоять боевикам «Хезболлы» в Ливане. Лиор рассказал мне, как обычно происходит возвращение резервиста на активную службу. Чаще всего еще до объявления приказа в СМИ появляется информация о каком-то событии, угрожающем национальной безопасности. По словам Тайлера, это самый неприятный момент для каждого резервиста: начинаешь следить за

новостями и гадать, призовут ли тебя на этот раз. И если призовут, где и когда придется отправиться в бой. Потом объявляют приказ – обычно повестка приходит в форме телефонного звонка. Резервист должен немедленно превратиться из мирного жителя в солдата, оставить семью и отправиться исполнять свой долг. А потом военные получают приказ с конкретными задачами. Для Тайлера это означает, что он должен перестать думать о чем-либо, кроме жизни и здоровья своих солдат.

«Моя форма всегда собрана. Все, что мне нужно, лежит в сумке в сарае. Я всегда готов. В кошельке ношу фотографии детей. Никакой особой церемонии прощания у нас нет. Я ведь каждый год возвращаюсь в армию. Обнимаемся, целуемся, и все. Конечно, во время войны все по-другому. Это нечасто происходит, но если меня отправляют на военные действия, все совсем не так. Жена плачет. Дети нервничают. Они начинают спрашивать: “А куда тебя отправляют? Ты сможешь оттуда позвонить? А когда вернешься?” Провожают меня на улицу. Такие прощания всегда тяжело даются. В прошлый раз, в 2006-м, мне было особенно тяжело. Я же уже не молод. С возрастом приходит ответственность, и в первую очередь перед семьей».

Тайлер понимает, чем ему приходится рисковать, отправляясь на войну. Ему непросто об этом говорить.

«В 35 лет мне было гораздо страшнее оказаться на активной службе, чем когда я был моложе. Сейчас многое воспринимается по-другому. В молодости не испытываешь такого сильного страха. Тогда мы хотели сражаться. Да, нам бывало не по себе, но мы почти всегда могли забыть о страхе. С возрастом понимаешь, что можешь потерять. Появляется семья, дети, а с ними и страх становится сильнее. В молодости мне удавалось не думать обо всем этом, не переживать. Это все пришло только с возрастом. Сейчас я бы просто умер от ужаса, если бы мне пришлось делать то, что я делал в 18 лет».

Тайлер, «тихий солдат», никогда не рассказывает семье о своей военной службе, о своих воспоминаниях и эмоциях. Он военный с большим опытом, честно исполняющий свой долг. Но он стремится провести как можно более четкую границу между этими двумя мирами.

«Я не рассказываю жене и детям о том, что мне довелось пережить во время службы. Жена узнает кое-что о моей военной жизни – в основном от сослуживцев во время наших встреч. Мне кажется, им необязательно это знать. Моя служба в армии никакого отношения к нашей семье не имеет», – спокойно объясняет он.

«Конечно, это часть моей жизни. Но я не из тех, кто рассказывает обо всем. Не знаю почему, но мне проще об этом молчать. Некоторые начинают вспоминать все подробности, анализировать пережитое. Я такой потребности не испытываю – ни с коллегами по работе, ни с сыном. Если он задает какие-то вопросы, я ему отвечаю. Но самому мне не хочется ему рассказывать о своей службе. Не думаю, что это как-то поможет сформировать его характер. У него появится свой опыт. Да, в кругу сослуживцев мы о войне говорим. Дело не в том, что я что-то скрываю от своей семьи или чего-то недоговариваю, когда я с ними. Просто во время службы между солдатами устанавливаются очень близкие отношения. Поэтому многое остается между нами. Много из того, что пришлось пережить на войне, можно обсуждать только с тем, кто был там с тобой».

«Например, если мне сейчас придется рассказывать вам что-то из событий в Южном Ливане, на историю, которая бы заняла у меня не больше минуты, уйдет несколько часов. Мне придется объяснять, что и почему произошло, каковы отношения между солдатами в подразделении. А для любого моего сослуживца это все и так очевидно», – Тайлер начинает говорить более оживленно. Одно только упоминание о товарищах заставляет его сердце биться быстрее.

«Это естественно. Конечно, легче обсуждать это с тем, кто пережил все это вместе со

мной и кто знает все факты. Если кто-то со стороны услышит наш разговор, ему вообще многое будет непонятно».

«На войне мне много с чем пришлось столкнуться. Несомненно, на то что эти воспоминания всегда со мной, они не травмируют меня. Я же говорил раньше: я сын человека, пережившего холокост и ставшего свидетелем гибели своих родителей и двух братьев. Поэтому, наверное, мне лучше, чем другим, удастся подавлять травмирующие воспоминания. В моей жизни не было ничего такого, с чем бы я не мог справиться и жить дальше. Я всегда смотрю вперед. Прошрое меня интересует меньше, чем будущее. Я не живу воспоминаниями, ни хорошими, ни плохими. Я живу будущим, а не прошлым».

Есть немало доказательств того, что участникам боевых действий легче примириться с пережитым на войне, рассказывая об этом, а не замыкаясь в себе. Вместе с тем многие ветераны, как Тайлер, предпочитают не давать воли эмоциям и воспоминаниям. И это вовсе не означает, что в будущем у них возникнут какие-то психологические проблемы. Так, подполковник Дейв Гроссман пишет в книге «О сражении» (продолжение его книги «Об убийстве»), что профессиональным и хорошо подготовленным солдатам часто удается избежать последствий травмы. Ведь далеко не все страдают посттравматическим синдромом, даже если нам иногда и кажется обратное.

Вот что он объяснил мне во время интервью: «Они не пострадавшие и не преступники. Они не супергерои и не несчастные жертвы. У большинства из них нет посттравматического синдрома. И нам не приходится преодолевать их рефлекторную готовность убивать, когда они приходят с войны. Ветеран не станет разрушать общество, в которое возвращается, его удержит дисциплина. Но, рассказывая о войне, в которой они участвовали, мы должны постараться найти определенный баланс: нельзя нападать на них, как случилось после Вьетнама, но нельзя и превращать их в жертвы».

С другой стороны, способность Тайлера успешно справляться с травмирующими воспоминаниями, возможно, объясняется другой причиной. Его история более уникальна, ведь он – представитель народа, на протяжении многих веков страдавшего от геноцида.

«Например, мой отец, – рассуждает Лиор, – потерял абсолютно все и похоронил всю свою семью. И одной десятой того, что выпало на его долю, достаточно, чтобы сойти с ума. Но мой отец все это выдержал и продолжал жить. Не думаю, что пережитое мной в армии можно сравнивать с его опытом. Никакого сравнения. Каждому приходится мириться со своей собственной жизнью, какой бы она ни была, хорошей или плохой. Я стараюсь не давать воли чувствам. Хотя рассказы других часто заставляют меня переживать. Точно так же как и мой отец: он спокойно рассказывает, как сам голодал, но начинает плакать при виде фотографии голодающего ребенка. Мы стараемся не думать о каких-то вещах, потому что так проще. Иногда необходимо забывать об эмоциях, думать головой. Может быть, это передается по наследству. Если мой отец смог справиться с тем, что выпало на его долю, я тоже смогу».

По мнению Тайлера, история жизни его отца – лучшее доказательство того, что еврейскому народу необходимо свое независимое государство. Она же научила его справедливости и толерантности. Он уверен, что ничто не может оправдать ненависть к арабам, даже к тем, кто воюет против израильтян.

«Я не переносу, когда кто-то начинает плохо обращаться с другими людьми. Неважно, кто они: арабы или нет. Меня это бесит, потому что я помню, что пришлось пережить моему отцу. Я очень четко дал понять своим солдатам: беспредела не потерплю. Они должны уважать человеческое достоинство. Никто из моих солдат не нарушает этот принцип. Они знают, что иначе могут меня разозлить. Я на этот счет ясно выразился с самого начала. Это вам не Дикий

Запад. Мы делаем то, что должны. Не больше и не меньше. Пусть не всегда легко определить меру. Но мы не имеем права на ненужное насилие, даже когда речь идет о военной операции. Надо уметь провести грань. Я не связываю историю палестинского народа с историей моего отца. История Палестины – это борьба за независимость и национализм, а не геноцид или истребление народа. Никакой связи между нашими двумя историями нет».

Тайлер и его отец первоначально придерживались крайних правых взглядов. Со временем их позиции изменились, и теперь оба согласны, что единственная возможность мирного сосуществования двух народов в регионе связана с созданием двух независимых государств – еврейского и арабского.

«После службы в армии я перестал бояться арабов. И это не потому, что я такой герой. Просто со временем я понял различия в наших менталитетах. Я не боюсь их. Среди моих друзей много арабов. И я не испытываю к ним ненависти. Я не собираюсь наполнять свою жизнь ненавистью – это самое отвратительное чувство. В ней нет логики, а я не намерен идти на поводу своих эмоций. В детстве у меня не было друзей-арабов. Представление о палестинской проблеме у меня сложились только после моей службы в армии, когда я понял, что одной лишь правоты в отношении этой страны недостаточно. Еврейское государство будет в безопасности только в том случае, если в регионе будет создано два независимых государства. Честно говоря, я к такому выводу пришел не из-за бедствий палестинского народа – хотя они действительно ужасны – а в силу все более очевидной реальности: по-другому этот конфликт никогда не решить».

Со времени последней боевой операции Тайлера прошло уже четыре года. И он рад, что снова живет мирной жизнью. Он счастлив в кругу своей семьи. Да, ему нравится иногда встречаться со своими сослуживцами, вспоминать, что им довелось пережить вместе. Но в душе он мирный житель, а не солдат. Тайлер радуется, когда может проводить время с семьей, заботиться о близких. Ему нравится его работа. Он любит бегать – пробегает десятки километров, наедине с самим собой и своими мыслями. Тайлер говорит, что предпочитает смотреть в будущее. Но именно его прошлое и история его семьи помогли ему осознать, кто он такой, в чем заключается его долг, где его место в жизни.

«Еврейскому народу нужна эта страна. Я знаю, что может произойти с нами, если у нас не будет своего государства. Мы должны жить здесь, и наши дети тоже. Это никакой не идеализм. Просто альтернатива мне известна – я знаю историю своего отца. И я бы не смог жить ни в каком другом месте».

Даже если из-за этого ему приходится жить как на вулкане, будучи и солдатом, и мирным жителем одновременно, постоянно ожидая следующего призыва. И несмотря на то, что точно такая же жизнь ожидает и сына Тайлера, если конфликт не будет разрешен.

Капрал Себастиан Шоонховен,
Королевская армия Нидерландов, 11-я аэромобильная бригада.
Войны в Ираке и Афганистане (2004 и 2006 гг.)

Глава 11 Погружение

«Все мы, солдаты, знаем, что такое убивать. Об этом проще говорить с теми, кто был там. Большинство понятия не имеют, что там происходило. Я рад, что не все об этом знают. Я здесь, чтобы найти покой. Я пытаюсь все забыть».

Вместе дайвинг-центра под названием «Карпата» на глубине десяти метров под водой в скале застрял якорь. Многие считают, что какой-то корабль, пытаясь устоять, бросил его во время шторма, но все же не выдержал натиска ветра и волн.

Остатки цепи теряются в толще воды. Мы подплываем на лодке к месту, где находится якорь. Море беспокойно. Мы даем друг другу сигнал к погружению: большой палец, обращенный вниз. Потом прыгаем в воду, как брошенные в пруд камни. Мы погружаемся, вода становится все темнее и холоднее, начинает сдавливать грудь.

Мы чувствуем себя, как парашютисты в свободном полете, хотя единственный воздух — под высоким давлением в баллонах у нас за спиной и в баллонах с 32 %-й кислородной смесью Nitrox на груди. На глубине ее использовать нельзя, зато она поможет перенести перепад давления, когда... если мы будем возвращаться.

Я погружаюсь со своим другом, бывшим снайпером голландской армии, Себастианом Шоонховеном. Конечно, эту нашу затею иначе как откровенно идиотской назвать нельзя. Но нас как будто что-то подталкивает сделать это. Нам не терпится испытать свою храбрость, выяснить пределы возможного. На что способны наше тело и наш разум? Мы, как лабораторные мыши, ставящие опыт на самих себе, чтобы узнать, как далеко надо зайти, как глубоко погрузиться, чтобы, наконец, забыть.

С Себастианом Шоонховеном мы познакомились в мае 2009-го, в первый же день после приезда на Бонэйр. Он работал инструктором в дайвинг-центре, где мне предстояло пройти аналогичную подготовку.

Я оказался на их станции рано утром. Кроме него, других сотрудников пока не было. Мы оба с ним приехали сюда, на Нидерландские Антильские острова, по одной и той же причине. Мы пытались положить конец войне, которая никак не прекращалась внутри нас.

Шоонховен служил снайпером – в Голландии их называют «стрелками с дальнего расстояния» – в 11-й аэромобильной бригаде. Его подразделение отправляли и в Ирак, и в Афганистан. Мы побывали с ним в одних и тех же горячих точках. Задачи, конечно, у нас были разные, о чем он и не преминул мне напомнить. Едва узнав о моей профессии, Шоонховен вполне серьезно заявил мне: «Ненавижу журналистов».

«Не вы один», – ответил я. Далеко не в первый раз мне приходилось слышать подобные высказывания.

В течение следующих нескольких недель я лишь изредка встречался с Себастианом. У него, главного инструктора по дайвингу, было много клиентов. Я же пока только собирался стать дайв-мастером, и мне предстояло еще многому научиться. В 46 лет я вдруг оказался в роли самого настоящего подмастерья – как в фильме «Малыш-каратист». Я красил и наполнял кислородом баллоны, относил использованные, чинил оборудование, ремонтировал причалы, а по понедельникам подавал пунш на вечеринках для клиентов. Все это в обмен на обучение.

Я оказался в этом изгнании добровольно. Я уехал из Лос-Анджелеса, пережив долгое и тяжелое окончание очередного романа. Но главное, я надеялся бегством спастись от чувства ненависти к самому себе и забыть о своих ошибках во время работы военным корреспондентом.

Шоонховен тоже сбежал на Бонэйр. Как и мне, ему никак не удавалось вернуться к нормальной жизни после службы в Ираке и Афганистане.

«Я стал очень много пить. Проглатывал одну кружку пива за другой, – рассказал он мне однажды, когда мы вместе наполняли кислородные баллоны. – Без выпивки уже не мог заснуть». Мне было это слишком хорошо знакомо. Бессонница, алкоголь и наркотики – святая троица посттравматического синдрома.

Когда мы познакомились ближе, Себастиан рассказал мне как-то за пивом в местном баре Cities, что дома, в Голландии, его проблемы с алкоголем становились все серьезнее. Потом он начал принимать наркотики, постоянно ввязывался в драки.

Он потягивает пиво, смотрит на океан и почти с ностальгией говорит: «Это так странно. Мы лупили друг друга, но ничего не чувствовали, потому что все были пьяные или обкуренные».

Шоонховен понимал, что долго так продолжаться не может. Он должен был думать не только о себе, но и о своей жене Каролине. Она работала школьной учительницей, и, когда ей предложили место на Бонэйре, оба решили, что, покинув Голландию, смогут начать жизнь с чистого листа. Она будет учить детей, он – дайверов. Они надеялись, что войну удастся оставить в прошлом.

Только через два месяца совместной работы Себастиан пришел к выводу, что мне можно доверять, и рассказал о своей службе в Ираке и Афганистане. Нам было нелегко стать друзьями: он бывший солдат, я журналист. Но у нас было и кое-что общее – воспоминания, которые мало с кем можно разделить. Кроме того, мы много времени проводили вместе: развозили покупателям баллоны с кислородом, чинили оборудование. И самое главное, он делился со мной своими знаниями, своими навыками инструктора: объяснял, как найти лодку,

когда находишься под водой, учил меня пришвартовывать ее, не врезаясь в ограждения на пирсе. А еще мы разделяли одно увлечение – глубокие погружения. Эта страсть впоследствии принесла нам немало неприятностей, но тогда мы об этом еще не знали.

Как и многих других, побывавших на войне, нас обоих влечет опасность. Вот что пишет об этом Джонатан Шей в книге «Одиссей в Америке»: «Многие ветераны испытывают потребность жить на грани. Они как будто снова и снова задают вселенной один и тот же вопрос: “Да или нет?”».

В школе Шоонховену пришлось нелегко. Он был неглупым ребенком, но страдал дислексией. Поэтому ему было тяжело освоить стандартную школьную программу по чтению. Его родители развелись, когда ему было три года. Развод надолго поселил в мальчике чувство тревоги и неуверенности. Он часто хулиганил, курил и дрался в школе, и в 16 лет его в конце концов выгнали. Тогда мать Себастиана решила, что ему пора переехать к отцу. Она надеялась, что он исправится, если у него появится пример для подражания, и, видимо, оказалась права. Вскоре Себастиан пошел учиться на повара. По крайней мере, здесь от него не требовались навыки чтения. Здесь все было настоящее и конкретное, он мог делать что-то полезное своими руками, а это у него всегда хорошо получалось. Окончив курсы, он получил работу в одном из лучших ресторанов Эйнховена и проработал там три года. Дела шли неплохо, он зарабатывал приличные деньги, но, как это уже бывало прежде, ему опять стало скучно. И тогда он решил, что, возможно, военная служба не даст ему скучать.

Он поступил в Королевскую армию Нидерландов в январе 2003-го, когда как раз шла подготовка к операции коалиционных войск в Ираке. Голландская армия поддержала возглавляемую США кампанию и направила в Ирак свои войска. Шоонховен сдал на отлично все тесты по физической подготовке и мог сам выбрать подразделение, где хотел служить. Он надел красный берет 11-й аэромобильной бригады, чаще других участвующей в боевых операциях. Его обучили обращаться с противотанковым ракетным комплексом Dragon и в марте 2004-го отправили на юг Ирака. В районе Аль-Хидра они пробыли относительно недолго, четыре с половиной месяца. Однажды два повстанца подъехали к посту голландцев на скутере и метнули в них несколько ручных гранат. Один из сослуживцев Шоонховена, сержант, погиб. Себастиан говорит, что тот был опытным военным и часто помогал ему во время подготовки. Себастиан смотрел на него как на старшего товарища, пример для подражания.

«Я был в ярости после этого нападения, – рассказывает мне Себастиан за кружкой пива в ресторане Shoreside в Кралендейке, административном центре острова Бонэйр. – После того случая мы вообще не выходили с территории базы». Голландские войска не ответили на нападение повстанцев, и Шоонховен никак не мог с этим смириться. Шанс провести ответную операцию так и не представился: вскоре их подразделение сменили и отправили обратно в Нидерланды.

Несмотря на свое возмущение тем, что произошло в Ираке, Шоонховен начал понимать, что армия – идеальное место для него.

«Наверное, первый раз в жизни мне показалось, что я нашел свое призвание. Дислексия и все такое здесь не имели значения. Наконец я почувствовал, что что-то значу».

Но это не означало, что он успокоился. Вернувшись в Голландию, он продолжал негодовать, вспоминая события в Ираке. В казарме он с остальными солдатами слушал «Нирвану», потом напивался и ввязывался в драки. Однажды, два года спустя после командировки, его даже арестовали. Тогда он понял, что рискует потерять единственную работу, которая ему подходит. Армия уже стала его домом. И он решил полностью посвятить себя своей профессии. Он много тренировался, стал отличным стрелком, и ему предложили

пройти подготовку в школе снайперов. Он с радостью согласился. Его обучили приемам маскировки, навыкам незаметной слежки за объектом, правильному дыханию во время стрельбы. Сложнее всего 23-летнему Себастиану было научиться терпению. Но именно это новое для него качество оказалось полезным в обычной жизни, в том числе и в отношениях с его девушкой, Каролиной, с которой они вскоре поженились.

В июле 2006-го 11-ю аэромобильную бригаду вновь послали на войну, на этот раз в Афганистан. Шоонховен отправился туда уже снайпером.

«У меня было странное предчувствие, что что-то должно случиться. Я даже сказал Каролине, что на этот раз нам предстоит участвовать в настоящих боях».

В 2006 году голландские войска дислоцировались в провинции Урузган, к северу от Гильменда и Кандагара, в которых власть талибов долгое время была особенно сильна и где по-прежнему было много их сторонников.

Направленные в Афганистан Нидерландами, 1500 военнослужащих составляли седьмой по численности национальный контингент в коалиции НАТО. Задачей голландских войск было не только обеспечение безопасности в регионе, но и помощь гражданскому населению. Шоонховен надеялся, что на этот раз все будет не так, как в Ираке: тогда после гибели сержанта они оказались практически запертыми на базе. Больше он не хотел чувствовать себя беспомощным, как в тот раз. Отправляясь в Афганистан, Себастиан не мечтал о мести. Но он готов был сражаться, и очень скоро такая возможность ему представилась.

Мы сидим в кафе Buenos Aires в Кралендейке. Шоонховен берет мой блокнот и начинает изображать то, что произошло. Он говорит, что ему проще все нарисовать и что он не очень-то силен в словах. Я и так давно уже это заметил. У него действительно очень ловкие руки: он знает множество трюков и фокусов, может починить все что угодно, прекрасно управляет лодкой. Он отличный инструктор по дайвингу, а в прошлом еще повар и снайпер. Ему проще обращаться с предметами, чем со словами. Вот и сейчас он начинает рисовать.

Он берет мою ручку и выводит на листке бумаге огромную букву «S». «Это дорога», – объясняет он. Декорации готовы. Однажды вечером 11-я аэромобильная бригада получила информацию о том, что талибы атаковали контрольно-пропускной пункт «Чуту», располагавшийся на дороге к базе голландцев Кэмп-Эдриан. КПП охраняло подразделение Национальной армии Афганистана. Когда бригада Шоонховена выдвинулась на помощь, талибы уже отступили в горы.

«Талибы отошли в горы, но мы знали, что они по-прежнему за нами наблюдают: нам удалось перехватить несколько их сообщений по радио. Мы пробыли на КПП всю ночь и следующий день. После этого нам приказали вернуться на базу. Нам было сказано, что в наши задачи входит обеспечивать безопасность территории, а не оккупировать ее. И мы вернулись в Кэмп-Эдриан. Но вскоре узнали, что талибы опять перешли в наступление и захватили КПП, а значит, могли в любую минуту проникнуть на охраняемую нами территорию. На следующий день одному отряду приказали проверить дорогу до кладбища на холме. Меня отправили вместе с ними. Мы ехали в мерседесе, я сидел сзади. За нами следовали два финских бэтэра Patria. Остальная часть взвода проверяла другую дорогу. Мы добрались до поворота, – Себастиан указывает на букву «S» на бумаге. – В конце поворота виднелись три скутера. Они двигались по направлению к нам. Потом вдруг упали на землю. Мы решили, произошла какая-то авария, но водители и пассажиры побежали к канаве у обочины и стали в нас стрелять. Все произошло так быстро, что мы даже ничего не успели сделать. Передо мной в машине сидел сержант Беекман. Его ранили. Он упал на колени водителя. Тогда наш пулеметчик открыл было огонь, но у орудия что-то заело. Я тоже пытался стрелять, но вокруг меня пули летали так близко, что я слышал их свист. Пролетали в сантиметре от моей головы! Оказалось,

что одна из них попала в пулемет и вывела его из строя. Но пулеметчику вскоре удалось его наладить, и он, наконец, открыл огонь. Мы были всего метрах в двадцати от стрелявших и хотели отступить. Но отступать было некуда: прямо за нами было два бэтэра. Они были как раз за поворотом, – Шоонховен рисует в блокноте, как они были расположены, – и не могли ни помочь нам, ни развернуться, потому что дорога была слишком узкая. Так что мы оказались зажатыми между талибами и собственными бэтэрами. В конце концов им удалось сдать назад, так что мы начали отступать. Я посмотрел направо и увидел на стене возле дороги двух детей. Они наблюдали за перестрелкой, зажав уши. Вокруг них летали пули, даже попадали в стену ограды, на которой они сидели. Наш водитель начал разворачиваться, но застрял в канаве. Сержант Беекман, несмотря на ранение, вышел из машины, чтобы помочь водителю выехать из канавы. Тогда я тоже выпрыгнул, я хотел прикрыть их. Один из талибов приближался к нам. Он находился за стеной, но в стене было отверстие, и он целился в нас через него. Я тоже прицелился и выстрелил. Попал ему в голову. За секунду до того, как я нажал на спусковой крючок, наши взгляды встретились. Он стоял метрах в десяти от меня, так что я видел, как пуля вошла ему в голову. Нашему водителю удалось выбраться из канавы, но бэтэры еще не развернулись. Пока они разворачивались, я прикрывал их сзади. Потом я тоже сел в машину, и мы уехали оттуда. У моста мы встретили остальных бойцов взвода. Там мы закурили, а санитар осмотрел сержанта. К счастью, пули попали в бронежилет. Мы заняли оборонительные позиции и какое-то время подождали, не будут ли талибы нападать. Но они так и не появились, и мы вернулись на базу».

После случившегося Себастиан долго не мог успокоиться. Вернувшись на базу, он выкурил три или четыре сигареты подряд. Говорит, что до сих пор помнит лицо талиба и как в воздухе разлетались капли крови. Как будто пуля попала в наполненный красной мукой воздушный шар. Бах! – и шар лопнул. После того столкновения с талибами Шоонховен получил Рыцарский Крест, одну из самых почетных наград Нидерландов. В приказе о награждении говорится:

«Капрал Себастиан Шоонховен награждается за храбрость, проявленную во время нападения противника в провинции Урузган. Капрал покинул автомобиль, чтобы прикрыть своего командира, сержанта Беекмана, чтобы тот, в свою очередь, мог командовать отступлением. Рискуюя собственной жизнью, капрал Шоонховен не допустил потерь в своем подразделении».

«Тогда времени размышлять обо всем этом не было, – задумчиво продолжает Себастиан. – Ну да, иногда я начинал психовать, но вообще я просто слушал “Нирвану” и ни о чем не думал».

Но после возвращения из Афганистана его стали преследовать воспоминания. Правда, не о первом, а о втором убитом им человеке. Он рассказал мне и эту историю. Однажды они получили сообщение о том, что талибы захватили школу в деревне в 15 км к северу от Кэмп-Эдриан. Два взвода отправились освободить школу. На этот раз Шоонховен оказался наводчиком орудия на бронетранспортере Patria. Всего в колонне было три бэтэра Patria, восемь бронированных мерседесов, два шведских транспортера YPR. Огромная огневая мощь, но голландцы уже достаточно времени провели в Афганистане и знали, что лучше перестраховаться. На дороге им стали попадаться мирные жители, покидающие деревню. Плохой знак. На глинобитной стене одного из домов они увидели какую-то надпись на

пушту³⁰. Их переводчик объяснил, что на ней было написано: «К черту НАТО!»

«Мы понимали, что вот-вот начнется какая-нибудь заварушка».

Метрах в ста от деревни бэтээры высадили две группы, по четыре человека в каждой, и заняли позиции на возвышенности на берегу реки Гильменд, чтобы прикрывать их. Почти сразу же их начали обстреливать из минометов. Потом талибы открыли огонь из пулеметов. Они использовали пулеметы российского производства «душки», прозванные так за низкие, похожие на выдох звуки «душ-душ» во время стрельбы³¹.

Талибы укрылись на деревенском кладбище и начали стрелять из гранатометов. Голландцы открыли ответный огонь, но у них нет никакого прикрытия: талибам удалось отрезать группу солдат от бэтээров. Шоонховен развернул свой браунинг по направлению к кладбищу, но пули бороздили землю, не достигая цели. Талибы продолжали стрелять из-за могил. Шоонховен прицелился повыше и снова выстрелил. На этот раз один из боевиков упал. «Вот так! Еще один», – подумал Себастиан, но тут же ему пришлось в голову, что убитый явно мельче в сравнении с другими. Но раздумывать некогда: командир кричит ему, что за деревьями чуть выше кладбища спрятались еще трое талибов. Он наводит орудие на деревья, нажимает на спусковой крючок и отпускает, только когда заканчиваются патроны в патронной ленте. Когда пыль осела, он увидел, что снес дерево. А у него самого закончились боеприпасы. Талибы все не прекращали огня.

«Я слышу вокруг выстрелы калашниковых, бах-бах-бах. А мне надо выбраться на крышу машины, чтобы перезарядить орудие».

Он дождался, когда талибы на какое-то время перестанут стрелять, досчитал до трех – чтобы убедиться, что они действительно перезаряжают оружие. Потом выскочил из люка на крышу с заранее приготовленной патронной лентой в руке. Открыл крышку приемника, вставил патронную ленту, закрыл крышку, вернулся обратно внутрь машины. Вся операция заняла меньше десяти секунд. Потом развернул пулемет так, чтобы прикрыть солдат и они могли вернуться в бронетранспортер. Голландцы перегруппировались и начали стрелять из миномета по дому, в котором укрылась большая группа талибов, человек 20–25. Вызвали подкрепление с воздуха. Подоспевшие вертолеты осветили дом лазерами и сбросили управляемую бомбу. Дом был уничтожен.

«Мы все начали кричать: “Да!”». Голландцы, попав в засаду, смогли преодолеть первый шок и действовали именно так, как их учили. Им удалось выбить талибов из деревни. Через какое-то время они вошли в нее, чтобы забрать тела убитых. Никаких тел они не обнаружили, зато нашли захваченного талибами человека. Шоонховен говорит, что, судя по ранам на теле, его пытали. Он был связан по рукам и ногам и едва дышал.

Они вернулись на базу. «Ну вот, я пережил еще одну перестрелку», – подумал тогда Шоонховен. Ему казалось, что теперь он практически неуязвим. В то же время ощущалась какая-то отстраненность и пустота. В ту ночь он так и не смог заснуть.

«Я никак не мог понять, что же я чувствую», – Себастиан достает сигарету из лежащей на столе пачки, зажигает ее и глубоко затягивается.

«Я не особо задумывался обо всем этом. Но потом как-то на базе мы стали обсуждать этот бой, и один из солдат сказал, что выстрелил в талиба, который показался ему гораздо меньше ростом, чем остальные. Тогда я вспомнил об убитом мною».

³⁰ В Афганистане два официальных языка: пушту и дари. На пушту говорят в основном на юге страны, на дари – в центральном, западном и северном регионах.

³¹ Речь явно идет о пулеметах ДШК, которые «душками» в России называют по созвучию. – *Прим. ред.*

«Так что тебя так сильно беспокоит?» – пытаюсь понять я.

Себастиан почти кричит в ответ: «А вдруг это был ребенок? Вдруг я убил маленького мальчика, а не взрослого человека?»

Он отворачивается. Они не обнаружили тел, значит, он никогда не сможет узнать правду. По его словам, жить в неведении еще сложнее.

«Каждый из нас, солдат, знает, что такое убивать, – говорит он. – Но проще говорить об этом с теми, кто был там». Он поводит рукой – здесь, на Бонэйре, в этом солнечном, ярко-голубом раю в Карибском море афганская война, наверное, не затронула никого. Кроме нас с Себастианом.

«Большинство не знает, что там на самом деле происходило. Я даже рад, что не все это знают. Я хочу найти здесь покой. Пытаюсь забыть».

«А думаешь, получится?»

«Нет, – не раздумывая отвечает он. – Но, может быть, мне удастся загнать воспоминания в самый темный уголок головы и запереть их там».

Он признается, что надеялся найти убежище здесь, на этом острове. Но пока все идет не совсем так, как хотелось бы. Он по-прежнему пьет слишком много, хотя у него проблемы с желудком и пить ему вообще не стоит. Он рассказывает, как однажды ночью в баре какая-то женщина очень настойчиво требовала уступить ей место. И он в конце концов потерял терпение.

«В тот момент мне показалось, что я снова очутился в Афганистане. У меня как будто что-то щелкнуло в голове. Я просто сорвался».

Он начал раскидывать пластиковые столы, пока сотрудники не выставили его на улицу.

Себастиан повторяет слова, которые я слышал уже от многих военных. Ему кажется, что никому нет дела до того, что на самом деле происходит на полях сражений. Да, гражданские время от времени задают вопросы, но на самом деле его ответы им абсолютно неинтересны. Всем наплевать.

«Проблема не в том, что мне так уж хочется обо всем рассказывать. По мне-то как раз проще не вспоминать это лишний раз, не рассказывать снова и снова одни и те же истории. Это иногда даже раздражает», – он умолкает. Сигаретный дым растворяется в воздухе, как нерассказанное воспоминание. Потом с убеждением продолжает: «Но люди должны знать. Голландцы тоже участвуют в боях... они убивают... гибнут сами... их тоже ранят».

Один из сослуживцев Шоонховена оказался инструктором по дайвингу. Еще во время службы он обучил Себастиана. Тот так увлекся погружениями, что позже прошел несколько курсов и получил сертификат дайв-мастера. Теперь он имеет право обучать других и работать инструктором. Это занятие ему по душе: под водой не надо говорить. А главное, здесь он может забыть о своих войнах.

«Оказываешься в совершенно ином мире. Ты словно летишь. Этот мир открывается не всем. Я чувствую себя там очень спокойно, умиротворенно».

Он смеется: «Но, конечно, не во время ночных погружений. Ночь – время охоты. Кровавое время». Он имеет в виду барракуд и других хищных рыб, стаи которых собираются у ржавеющего остова затонувшего на мелководье судна «Хилма-Хукер». Это самое популярное среди ночных дайверов место на Бонэйре.

На станции «Карпата» мы движемся по цепи все глубже. На глубине 40 м я ставлю свой баллон Nitrox в углубление в скале, чтобы забрать его на обратном пути. Еще немного вниз – и

на экране моего компьютера появляется информация о том, что мы превысили максимальную глубину рекреационного дайвинга, пусть и установленную довольно условно. Мы с Себастианом смотрим друг на друга, складываем круг из большого и указательного пальцев – знак, что у нас все в порядке, и продолжаем погружение. На глубине 75 м полагая до этого скала вдруг резко обрывается вниз. Вокруг нас абсолютная тишина. Слышны только звуки моих собственных вдохов и выдохов через регулятор, как будто работает аппарат искусственного дыхания. Я нащупываю запасной регулятор на втором баллоне у меня на груди. На моем компенсаторе плавучести крепления для двух баллонов, спереди и сзади. Компенсатор – устройство со специальной воздушной камерой, которую я могу надувать или спускать для достижения нейтральной плавучести: состояния, при котором я не погружаюсь и не всплываю. Сам регулятор вряд ли сломается. Но даже небольшая дырочка в резиновом кольце – маленькой детали стоимостью меньше доллара, обеспечивающей герметичность регулятора, – может оказаться смертельной. С каждым метром мои ноги и руки становятся все тяжелее, и я начинаю сомневаться, смогу ли вообще поднести запасной регулятор ко рту, если понадобится. Я уже чувствую, как мои мысли начинают немного путаться, будто я выпил лишнего, – это наркотическое воздействие азота. На глубине многие дайверы испытывают нечто подобное. Я оглядываюсь на Себастиана. Он спокоен, уверен в себе, но я понимаю, что в моем взгляде он читает совсем другие чувства. Несмотря на это, мы опять сигнализируем друг другу, что все в порядке, и продолжаем погружаться.

Мир превратился в узкий туннель – больше сквозь маску на лице мне ничего не видно. Мое дыхание и сигналы компьютера (он снова и снова предупреждает меня, что я уже намного глубже предельной границы любительского дайвинга) напоминают мне звуки аппаратов в реанимации. Мы проплываем несколько термоклиннов – водных слоев с резкими перепадами температуры. Каменная стена, вдоль которой мы спускались, оборвалась. На мгновение мы останавливаемся и смотрим вокруг, в окутывающую нас, словно черный занавес, темноту. Потом продолжаем погружение. Компьютер показывает уже 98,5 м. Смотрю на Себастиана. Мы уже достигли того места, где можно забыть о войне? Или надо зайти еще дальше? Я собираюсь продолжить погружение: осталось всего полтора метра до желанной точки. Но Себастиан показывает, что пора возвращаться. Его рука как будто проводит грань между жизнью и беспросветным мраком под нами. Там, внизу – бесконечное одиночество, но эта пустота все равно манит и притягивает. Может быть, она окутает меня, как одеяло? Наверное, здесь ничто из мира наверху не сможет добраться до нас. В том числе и наши воспоминания. Мне кажется, я размышляю целую вечность, хотя на самом деле проходит всего несколько секунд. Я снова смотрю на Шоонховена. Времени не так много. Мы планировали погрузиться на определенную глубину и тут же вернуться обратно. Среди дайверов профиль такого погружения называют «морковкой». Это довольно рискованно, но, несмотря на большую глубину, нам не понадобится долгий период декомпрессии – ведь мы пробыли под водой относительно недолго. Но если мы задержимся на глубине хотя бы на несколько минут, за время декомпрессии воздух может иссякнуть. Тогда пузырьки азота начнут разрушать стенки клеток. А более крупные пузырьки могут даже закупорить кровеносные сосуды легких или мозга и привести к смерти. Надо возвращаться. Себастиан указывает большим пальцем вверх – нам пора. Мы начинаем медленно подниматься. Спешить нельзя. Погружаться было гораздо легче, скала сейчас кажется отвесной. Я добавляю немного воздуха в компенсатор плавучести, очень осторожно: знаю, что когда давление уменьшится, воздух начнет быстро расширяться. И тогда я, как ракета, могу «выстрелить» на поверхность. А это будет иметь для меня, скорее всего, необратимые последствия, учитывая, с какой глубины мы возвращаемся. Мы подплываем к месту, где оставили баллоны Nitrox. Останавливаемся и меняем баллоны. Дальше мы будем дышать

обогащенным кислородом воздухом, это должно помочь нашим легким быстрее избавиться от вредоносных молекул азота. На глубине 10 м мы снова останавливаемся. Здесь нам предстоит провести не меньше получаса. Мы плаваем кругами, рассматриваем дно на мелководье возле берега, чтобы как-то убить время. Нам не терпится снова оказаться на поверхности, обсудить наше приключение. Мы только что снова испытали прилив адреналина, как когда-то на войне. Но, хотя на этот раз вокруг нас не разрывались бомбы и не свистели пули, опасность была ничуть не менее реальной. Может быть, сегодняшнее приключение было даже опаснее. И вот мы снова на поверхности: счастливые, возбужденные, обнимаемся и поздравляем друг друга. Но радоваться нам пришлось недолго. Наш коллега, согласившийся нас подстраховать, рассказал о нашем «подвиге» менеджеру дайвинг-центра, где мы работаем. Тот объяснил нам, что мы, конечно, можем сколько угодно рисковать своей жизнью, но у нас нет права рисковать репутацией центра, используя для своих мальчишеских выходов фирменное оборудование.

Мы вернулись целыми и невредимыми. А вот наша работа оказалась под угрозой. Нас едва не уволили и, несмотря на многократные извинения, назначили нам испытательный срок в несколько недель. Насколько опасна была наша выходка, стало понятно на следующий день, когда во время погружения на «Карпате» от легочной эмболии погиб дайвер. В отличие от нас, он вряд ли мечтал о смерти. Я боялся, что наше приключение будет иметь серьезные последствия для Себастиана: погружение было моей затеей, и мне теперь было стыдно перед ним. Конечно, Шоонховен был взрослым человеком, способным самостоятельно принимать решения. Но я понимал, что в его тогдашнем состоянии последнее, что ему нужно, – это чтобы его искушали рискованными приключениями. Я должен был слушать его истории, а не втягивать его в новые. Но он не держал на меня зла. И пусть наш поступок был безрассуден, зато между нами появилась особая связь. Мы испытали опасность и в то же время познали спокойствие и умиротворенность подводного мира. Похоже было, что это погружение связало нас навсегда.

За несколько дней до возвращения в США, где я должен был отправиться в Гарвард, я спросил у Себастиана, почему он согласился рассказать свою историю для моей книги. Он помолчал, собираясь с мыслями, глубоко вздохнул и ответил:

«Я хочу найти такую работу, чтобы суметь содержать свою семью, детей, когда они у меня появятся. Если мои воспоминания будут опубликованы в книге, может быть, они перестанут донимать меня. По крайней мере, очень на это надеюсь».

P.S. После рождения их первого ребенка, дочери Робин, Себастиан и Каролина Шоонховен вернулись в Голландию. Еще через полтора года у них родился сын Финн.

Фотография моей жены, которую я носил в каске
во время последней командировки в Афганистан

Эпилог

Deus ex machina³²

Иногда воспоминания складываются в истории, и тогда они становятся вечными. Для этого они и создаются. Истории помогают соединить прошлое с будущим. Истории нужны вам, когда глубокой ночью вы пытаетесь понять, как же из прошлого вы пришли к тому, что есть сейчас. Истории – это навсегда. Когда воспоминания стираются, ничего, кроме истории, уже не остается.

Тим О’Брайен.

Вещи, которые они несли с собой

Начиная писать эту книгу, я боялся, что собранные в ней истории окажутся слишком мрачными, таким своеобразным реквиемом по надежде. Я рад, что ошибался. Война не только отнимает, но и дарит что-то тем, кто в ней непосредственно участвует. Она избавляет от иллюзий о собственной невинности и выпускает на волю Тень – второе «я», способное не просто отнять чужую жизнь, но иногда находить в этом некое удовлетворение. С этим сложно примириться и солдатам, и обществу, за которое они сражаются. Насилие и жестокость оказываются притягательными, и это заставляет нас по-новому взглянуть на самих себя, усомниться в собственной человечности. Вдобавок ко всему солдату приходится снова и снова сталкиваться со смертью, наблюдать, как гибнут его товарищи, испытывать физические и психологические страдания. И это окончательно выбивает почву у него из-под ног. Так как же

³² Бог из машины (лат.).

жить в мире, переполненном болью и потерями? Как смириться с парадоксальным, с точки зрения морали, выводом, что побеждает тот, кто способен совершить бóльшую жестокость?

Та истина, которую я обнаружил в историях солдат и своей собственной, не нова. Война раскрывает двойственность нашей природы: нашу способность творить добро и склонность к злодеяниям. Война, как ничто другое, может и объединять, и разделять нас, заставляя испытывать и гордость, и стыд одновременно. Но только сейчас мы начинаем осознавать (а как иначе, если тысячи американских военных возвращаются домой из Ирака и Афганистана?), что эта двойственность угрожает уничтожить нас, если истории солдат не будут рассказаны. Полностью, без пробелов. А значит, как бы сложно ни было и им, и нам, возвращающиеся с полей сражений должны поделиться с обществом не только своим горем и болью. Они должны рассказать нам и о том, что война может дарить опьяняющую радость и чувство товарищества.

На самом деле в каждой истории из этой книги есть надежда. Надежда для тех, кто, как штаб-сержант Микеал Отон, научился принимать свою работу и необходимость убивать, как бы сложно для них это ни было. Может быть, это надежда на выздоровление, даже если оно наступит очень нескоро, – как у младшего капрала Джеймса Сперри. Надежду нам может подарить смелость тех, кто готов рассказать, что грозит человеку, нажимающему на спусковой крючок, – смелость, проявленная покойным младшим капралом Уильямом Уолдом и всеми остальными героями этой книги. Мы в долгу перед всеми этими людьми: не только за их службу, но и за их готовность помочь нам что-то понять. И мы должны умолять остальных сделать то же самое, чтобы, в свою очередь, помочь им.

К счастью, надежда есть и для меня. Она появилась, когда я, наконец, взял на себя труд рассказать историю своей сломанной жизни. Когда я решил изменить ее, чтобы в ней снова нашлось место надежде и цели, а не только ненависти к себе и саморазрушению. Надежда пришла в мою жизнь неожиданно, когда, казалось, надеяться уже было не на что. Спустилась на сцену с помощью хитроумного приспособления из веревок и рычагов, как Бог из машины в последнем акте греческой трагедии.

Зовут ее Анита. Мы познакомились летом 2008 года на курсах альпинизма в национальном парке Джошуа-Три. Она боялась высоты, что многим может показаться вполне естественным при росте 150 см. Но воспринимала она этот страх как вызов и, как все вызовы в своей жизни, готова была не раздумывая его принять. Мы быстро нашли общий язык, весело болтали и шутили во время занятий. Однажды она с наигранным нетерпением спросила меня, уперев руки в бедра, почему у меня уходит вдвое больше времени, чем у остальных, на то, чтобы завязать какой-то узел. Узел я завязывал на страховочном тросе, который должен был удерживать ее в случае падения. Я посмотрел на нее как на сумасшедшую и ответил, что, наверное, можно немного потерпеть, чтобы я завязал узел как следует.

Наши отношения очень напоминали флирт. Наверное, с моей стороны это флиртом и было, но мы оба в тот момент были несвободны. Поэтому стали просто друзьями. Мы часто ходили вместе ужинать или выпить в какой-нибудь бар. Наши «вторые половинки» всегда были с нами, но болтали мы почти исключительно друг с другом. Однажды я пригласил ее с еще одним моим другом в поход в каньон Темескал. Моя девушка в тот раз решила не ехать с нами. Все три часа, вместо того чтобы наслаждаться захватывающими видами Тихого океана, мы говорили без умолку. Я понял, что у этой взбалмошной филиппинки есть кое-что еще, кроме сарказма и дорогой обуви.

Анита приехала в США в 13 лет, когда ее мать вышла замуж за американского моряка. Английский она выучила благодаря телесериалу «Главный госпиталь». Она искренне привязалась к своему отчиму, хотя дисциплина в доме и была очень строгой. Анита стала такой же фанаткой спорта, как и он. Даже начала болеть за его любимые футбольную и бейсбольную

команды – «Нью-Ингленд Пэтриотс» и «Бостон Ред Сокс». Она построила успешную карьеру в области рекламы, вышла замуж за свою университетскую любовь, родила дочь и через два года после ее рождения развелась. Меня покорила сила ее характера и упорство. Как только такая личность умещалась в таком маленьком теле! Когда я расстался со своей девушкой, я начал подумывать о том, чтобы поближе познакомиться с Анитой. Но я собирался в Гарвард, так что времени не было. Так начался мой год «просвещения», в течение которого я мог общаться с выдающимися журналистами и получать новые знания в лучшем из американских университетов. Вместо этого я блуждал в потемках – именно так представляется мне тот период моей жизни.

Мне нужна была профессиональная помощь. Сам я был уже не в состоянии справиться. Последние сомнения на этот счет развеял один эпизод. Как-то во время гарвардских каникул мы с одним моим старым приятелем нюхали кокаин. А потом стали резать себя теми самыми бритвами, с помощью которых делали кокаиновые дорожки. Сначала я порезал себе спину сзади. Чуть ниже и параллельно талии появилась кровавая линия – там ее не увидит никто, кроме самых близких моих знакомых. Мой друг сделал то же самое. Потом я вонзил бритву в правое бедро так глубоко, так что там до сих пор остался шрам. Не знаю, что и кому я хотел таким образом доказать. Может быть, я просто был в отчаянии и устал чувствовать себя игрушкой в руках судьбы.

Правда, такие развлечения не вошли у меня в привычку, я не испытывал потребности причинять себе физический вред. Просто в тот момент мне захотелось найти какой-то новый способ наказать себя за то, что я позволил умереть человеку.

Когда я, наконец, полностью осознал последствия моего поступка в мечети Эль-Фаллуджи, мне вдруг вспомнились сновидения, которые я часто видел до того, как оказался в горячих точках. Мне снилось, что я спасаю людей. Такая вот ирония. Один сон я помню особенно хорошо. Я прыгаю в реку Потомак (я жил тогда в Вашингтоне), чтобы спасти пассажиров рухнувшего туда самолета. (Скорее всего, этот сон навеяла авария самолета Air Florida в 1982 году. Самолет упал в реку, и один из случайных свидетелей катастрофы прыгнул в воду, чтобы попытаться спасти пассажира. Погибло 74 человека.) Во сне я обвязываю себя вокруг талии тросом, другой конец которого прикреплен к стоящему на берегу строительному крану. Потом плыву к самолету и закидываю трос на него. И с помощью крана вытаскиваю самолет и пассажиров на берег. Все спасены.

Но когда появился шанс спасти человека не во сне, а наяву, я его просто не увидел. Я был в шоке от совершенного на моих глазах убийства. И не смог сообразить, что умолявший меня о помощи Талеб Салем Нидал может стать следующей жертвой. Он был единственным свидетелем расстрела в мечети, и с его смертью исчезла последняя возможность пролить свет на те события. Раненый и безоружный, он, видимо, понял намерения своих убийц и попытался спастись, уползти от них. Ему трусливо выстрелили в спину. В его теле нашли больше 20 пуль.

Я никогда не прощу себя за то, что не помог ему. Но в какой-то момент я понял, что моя собственная смерть, которую я искал как на войне, так и дома – в алкоголе, наркотиках или опасных приключениях, – ничего не сможет исправить.

История с бритвами помогла мне осознать всю серьезность ситуации. Я, наконец, обратился к специалисту. Правда, если честно, подтолкнул меня к этому целый ряд обстоятельств. В частности, одна моя подруга – стыдно признаться, но я вовсе не заслужил ее доброго отношения к себе – помогла мне найти подходящего врача. А тот согласился сделать для меня скидку по сравнению со своим обычным гонораром. Но самое главное – то, что у меня появилась причина стремиться к выздоровлению. Я еще учился в Гарварде, но приехал в

Лос-Анджелес, чтобы взять несколько интервью для этой книги. Я позвонил Аните. Мы снова отправились в каньон Темескал, потом поужинали вместе. В самолете по пути обратно в Бостон я написал ей огромное письмо на пяти страницах. Я рассказал, как с самой первой нашей встречи в национальном парке Джошуа-Три ее смелость и готовность взглянуть в глаза самым большим своим страхам вдохновляли меня. Говорил о том, что всегда хочу быть рядом, чтобы подстраховать ее от падения, как во время наших занятий альпинизмом. Мое письмо больше напоминало любовное послание какого-нибудь подростка. В течение трех дней я не получал ответа. Я уже подумал было, что перегнул палку, и начал бояться, что не только в самом зародыше убил наши отношения, но и потерял друга. Потом мы все-таки «вступили в переговоры». И начали встречаться. Через какое-то время решили жить вместе и сняли квартиру в Лос-Анджелесе. Но жили мы в ней не одни: у Аниты ведь была десятилетняя дочь. Кроме того, ее сестра как раз разводилась с мужем и переехала к нам вместе со своей дочкой (ей было шесть). Вот так, совсем неожиданно, я стал отцом. Посттравматический синдром, наркотики, алкоголь – всему этому в моей жизни больше не было места. Анита этого просто не допустила бы.

Два месяца я вел очень непривычную для меня жизнь: готовил по утрам завтрак для девочек, отвозил их в школу. Я помогал им делать уроки, играл с ними в карты и настольные игры, смотрел мультики и выслушивал их признания в любви к группе Jonas Brothers и Джастину Биберу. По вечерам я готовил ужин, и, когда Анита возвращалась с работы, мы все вместе садились за стол. Как одна семья, хотя никто из них не был мне родственником по крови.

Мне сразу стало ясно, что эта семья – чудесный подарок судьбы. Они подарили мне возможность стать лучше и мотивацию работать над собой. Но злость, чувство вины и стремление к саморазрушению не исчезли из моей новой жизни сами по себе. Мне предстоял еще долгий и трудный путь. Должен был пройти не один месяц, прежде чем я постепенно начал оставлять прошлое в прошлом, прежде чем у меня снова появилась надежда.

Весной 2003-го, вскоре после вторжения в Ирак и за год до того, как я снял расстрел в мечети, меня, еще одного моего коллегу из CNN и нашего переводчика захватила неподалеку от Тикрита вооруженное формирование «Федаин Саддам». К счастью, мы пробыли в плену совсем недолго. В тот момент мне было очень страшно, но впоследствии я редко вспоминал об этом. Почему-то я никогда не думал, что этот инцидент как-то связан с моим состоянием. Однако когда я стал посещать психолога, выяснилось, что я ошибался. По всей видимости, этот эпизод тоже был одной из причин, почему мне все сложнее становилось справляться с собственной жизнью.

Вот картина, которую я так долго пытался забыть. Я стою на коленях и молю о пощаде. Как меня учили на специальных курсах для военных журналистов (меня, хотя и немного поздно, отправил на них работодатель), я пытаюсь установить зрительный контакт с одним из боевиков. Надо постараться, чтобы он увидел во мне человека, а не животное, помеху, угрозу или средство достижения цели. Я трясусь сложенными вместе руками, как будто в них бутылка шампанского после успешного окончания «Тур де Франс» или «500 миль Индианаполиса», надеясь, что этот универсальный жест мольбы будет понятен и ему. Для большей убедительности я делаю еще один жест – провожу рукой по горлу, как будто перерезаю его, и по-английски говорю: «Нет, нет». Это, наверное, была не слишком удачная идея.

Сидя у своего психотерапевта шестью годами позже, я размышлял, почему почти полностью вычеркнул этот эпизод из памяти. Мне было стыдно? Я боялся снова почувствовать себя полностью беспомощным? А может быть, как предположил мой врач, этот эпизод слишком напоминал мне другой? Две картинки перед глазами, они действительно очень

похожи. Один образ: я умоляю похитивших меня боевиков. И второй: Талеб Салем Нидал просит помочь ему в мечети Эль-Фаллуджи. Мне удалось выбраться из той переделки живым благодаря умению вести переговоры моего курдского переводчика Тофика Абдола. А вот Нидалу не повезло – он такого заступника не нашел.

Профессиональный опыт моего психолога Марка Садоффа обширен. Ему приходилось лечить самых разных пациентов – от семейных пар, чей брак оказался несчастлив, до жертв пыток в Центральной Америке. Он использовал один из новейших способов терапии – метод десенсибилизации и восстановления с помощью движения глаз (я упоминал о нем в гл. 7). Пациент должен следить за пальцем врача, имитируя быстрое движение глаз во время сна. Одновременно психолог просит рассказать о травмирующем инциденте и пытается предложить вариант более позитивной его оценки. В моем случае доктор Садофф спросил, сознательно ли я желал смерти Талебу Салему Нидалу или все произошедшее было трагической случайностью. Если бы я знал, что произойдет с ним, когда я уйду, как бы я поступил? Я ответил, что, конечно, помог бы ему. Я бы вывел его из мечети, убедился, что ему ничего не угрожает. Тем самым доктор подводил мое сознание, отягощенное чувством вины, к мысли: я просто не понял, что Нидалу нужна моя помощь, что он в опасности. В тот момент меня волновал другой человек, убитый, я хотел, запечатлев преступление на пленке, сделать его достоянием общественности. Доктор помог мне понять, что это была ошибка, а не злой умысел. Я действовал из лучших побуждений. Да, я недостаточно хорошо проанализировал ситуацию, но это легко понять, учитывая, что за несколько секунд до этого я стал свидетелем хладнокровного расстрела пленного. Наши беседы помогли мне также понять связь между захватом меня в заложники и ситуацией в мечети. У Нидала, в отличие от меня, не было переводчика. Он был убит, потому что никто не смог перевести мне его слова и я не понял, что его надо вывести из мечети, что ему нужна моя защита. Я никого не спас, как мне грезилось во сне. Я позволил самолету потонуть в Потомаке. Но мне нужно было простить самого себя. Иначе в бессмысленной попытке восстановить справедливость я рано или поздно просто совершил бы самоубийство.

Вскоре после того, как мы с Анитой съехались, я начал готовиться к очередной, уже четвертой, командировке в Афганистан. Надеюсь добиться какого-то ощутимого результата лечения до своего отъезда, я начал чаще встречаться с доктором Садоффом. Однажды я поделился с ним своими соображениями о том, что должно произойти, чтобы я смог примириться с событиями в Эль-Фаллудже. Мне казалось, я смогу это сделать, если во время командировки буду ранен и потеряю какую-нибудь конечность. Лучше, если это будет нога, а не рука. Потеря ноги, пусть и не жизни, вместе с многолетней разрушительной ненавистью к себе, по моим представлениям, требовалась для того, чтобы «расплатиться» за жизнь Нидала.

Доктору Садоффу не удавалось разубедить меня. Но за все то лето, что я провел в Афганистане, я не сделал ничего, что помогло бы воплотить эту мою идею в жизнь. Напротив, еще никогда я не был так осторожен: я старался не оказываться на линии огня, избегал неожиданностей и любой опасности. Я даже купил каску и бронежилет, которые почти никогда до этого не надевал. В каску я положил фотографию Аниты, в карманы бронежилета – снимки девочек. Впервые мне казалось, что моя жизнь может иметь ценность для кого-то еще кроме меня. Если я погибну или потеряю ногу, может быть, я и «сравняюсь» с Нидалом. Но каково тогда будет людям, которых я считаю своей семьей? Людям, чьи фотографии я всегда ношу с собой. Мое прошлое, мои поступки во время войны не означали, что я плохой человек. Они не могли уничтожить все хорошее, что было во мне. Они просто доказывали, что в жизни есть место и добру, и злу. В прошлом я часто не знал, как поступить, что будет правильно. Но теперь

у меня не было никаких сомнений. Несмотря на мои недостатки, несмотря на мое предательство, несмотря на боль, которую я причинял другим, – несмотря на все свои грехи, я хотел вернуться домой живым. Да, война изменила меня, что-то отняла, а что-то подарила. Но сейчас я, наконец, чувствовал себя полноценным человеком.

P.S. Мы с Анитой поженились ровно через два года после нашего знакомства в национальном парке Джошуа-Три. Через три дня после свадьбы я отправился в Афганистан. Тогда мы не стали ее отмечать и устроили прием для семьи и друзей после моего возвращения. На моем обручальном кольце выгравирована надпись на латыни: «Ex tenebris lux» («Из тьмы – свет»).

P.P.S. Я стал профессиональным военным репортером в 2001 году, после терактов 11 сентября. А черновой вариант этой книги завершил в воскресенье 1 мая 2011 года, в тот самый день, когда сотрудники подразделения ВМС США SEAL Team 6 уничтожили Усаму бен Ладена.

Мои отец (справа) и мать во время войны в Корее

Благодарности

Я хотел бы от всего сердца поблагодарить всех солдат, американских и иностранных, за храбрость и великодушие, которые понадобились им, чтобы поделиться своими самыми сокровенными историями о войне. Я искренне верю, что это поможет вам и другим найти дорогу домой.

Прежде всего, я благодарен героям этой книги: Майклу Аяле, Микеалу Отону, Джо Кэли, Моррису Гоинсу, Закари Исколу, Томасу Саалу, Себастиану Шоонховену, Леонарду Шелтону, Джеймсу Сперри, Лиору Тайлеру и Уильяму Уолду.

Я благодарен также всем, кто помог мне понять, что такое участие в боевых операциях, в первую очередь – действующим и бывшим военным. Это Фредерик Коу, Уил Кроми, Пэт Донахью, Джастин Федерстоун, Бернард Файнстоун, Дана Голан, Филип Гербигу, Роксанна Херли, Горд Дженкинс, Джефф Милхорн, Кэти Мерфи, Артур Майерс, Закия Ибрагим Рахман, Мэтью Роджерс, Джон Шлуеп, Джастин Шмидт, Джонатан Стааб, Шон Таки, Гаррет Уэри и Джо Юнг.

Я разговаривал с матерями, женами и девушками некоторых из них – спасибо им за участие. Не буду называть здесь имен из уважения к их частной жизни.

Неоценимую помощь мне оказали специалисты в области посттравматического синдрома, связанного с военными действиями: их научные труды, их личные встречи со мной. Некоторые даже помогли мне связаться с будущими героями этой книги. Хочу выразить благодарность, в первую очередь, доктору Эдварду Тику, автору книги «Война и душа: лечение наших ветеранов от посттравматического синдрома» (War and the Soul: Healing our Nation's Veterans from Post-traumatic Stress Disorder), и его ассистентке Поле Гриффин. Я очень признателен Джонатану Шею, написавшему книги «Ахиллес во Вьетнаме: военная травма и изменение характера» (Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character) и «Одиссей в Америке: военная травма и трудности при возвращении домой» (Odysseus in America: Combat Trauma and the Trial of Homecoming). Благодаря личным беседам с подполковником Дейвом Гроссманом и его интереснейшим работам «Об убийстве: психологическая цена опыта убийства на войне и общество» (On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society) и «О сражении: психология и физиология смертельного конфликта во время войны и мира» (On Combat: The Psychology and Physiology of Deadly Conflict in War and in Peace) я смог больше узнать о непосредственном боевом опыте. Влияние боевых действий на общество подробно описано в исследовании института RAND Corporation «Невидимые раны войны: психологические и когнитивные травмы, их последствия и способы оказать помощь при выздоровлении» (Invisible Wounds of War: Psychological and Cognitive Injuries, Their Consequences, and Services to Assist Recovery) под редакцией Терри Таньелиан и Лизы Джейкокс. И, конечно, все, кто когда-либо занимался исследованием войны, понимают, чем мы обязаны книге Гленна Грея «Воины: размышления о мужчинах в бою» (The Warriors: Reflections on Men in Battle). Именно он впервые заговорил о проблеме военных действий не как о мифе, а как о реальности – в духе честной и открытой дискуссии.

Я хотел бы назвать другие книги и работы, подарившие мне интересные идеи: «Война – сила, придающая нам смысл» (War is a Force that Gives Us Meaning) и «Что каждый должен знать о войне» (What Every Person Should Know About War) Криса Хеджеса; «Война» талантливого писателя Себастиана Юнгера; «Моя война прошла, я так по ней скучаю» (My War Gone By, I Miss It So) Энтони Ллойда – тяжелая и вдохновляющая одновременно; ставшая уже классикой «Футбольная война» (Wojna futbolowa) Рышарда Капуцинского; «О войне» Карла фон Клаузевица; «Искусство войны» Николы Макиавелли; «Трактат о военном искусстве» Сунь-Цзы; «Показания военнослужащих о Хевроне и показания женщин-военнослужащих» (Breaking the Silence: Soldiers' Testimonies from Hebron and Women's Soldiers' Testimonies) и, наконец, «Вещи, которые они несли с собой» (The Things They Carried) Тима О'Брайена – возможно, важнейшая из написанных американцами книг о войне во Вьетнаме (истории, рассказанные в ней, и ее название подарили мне идею настоящей книги). Отдельно я хотел бы упомянуть «Каково это – идти на войну?» Карла Марлантеса, ветерана войны во Вьетнаме. Это

самая интересная и глубокая книга о войне, которую я когда-либо читал. Она помогла мне принять мой собственный военный опыт.

Спасибо Ханне Катабии, Стефани Фрейд и Мохаммеду Джализади за помощь в подборе материала в США, Израиле и на севере Ирака соответственно.

Я хотел выразить благодарность фонду Нимана за стипендию, благодаря которой у меня появился год на размышления и борьбу с собой. Если бы не этот год, мне вряд ли удалось бы завершить этот очень важный для меня проект. Я признателен своей коллеге и подруге Одре Анг за проявленную ко мне доброту, которую я совсем не заслужил. Именно она помогла мне найти психолога, убедившего меня отказаться от моих идей о стезе мученика, за которыми не стояло ничего, кроме эгоизма и жалости к себе.

Мне очень повезло, что мой издатель в Harper Perennial Эйми Бейкер – мой хороший друг. Она всегда поддерживает все мои начинания и невероятно лояльно относится к пропущенным мной срокам.

И, наконец, спасибо моей жене Аните. Ее безграничная поддержка и ее пример храбрости и упорства перед лицом трудностей помогли мне закончить эту книгу. Она помогает мне пытаться каждый день поступать правильно.

Я хотел бы закончить эту книгу цитатой из книги Криса Хеджеса «Война – сила, придающая нам смысл». Я прочитал ее, вернувшись домой из Ирака. По-моему, в ней говорится о чем-то простом, но очень важном. Надеюсь, я никогда ее не забуду: «Мы склонны превращать жизнь всего лишь в поиски счастья. Но ведь счастье невозможно, если жизнь не имеет смысла. С другой стороны, если мы живем только ради какой-то цели, если счастье перестает иметь для нас значение, мы превращаемся в фанатиков, самодовольных и бесчувственных. Так мы забываем о человечности – своей и других людей. Мы должны надеяться, что в нашу жизнь снизойдет благодать, а с нею нас посетят и моменты, озаренные смыслом, и моменты счастья. И смысл, и счастье одинаково необходимы людям».